

АНАТОЛИЙ САГДУЛЛАЕВ

ПОХОД
АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО
В
СОГДИАНУ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ
ТВОРЧЕСКИЙ ДОМ «УЗБЕКИСТАН»
2009

63.3(0)
С 13

Рецензенты

У. Мавлонов, канд. ист. наук

А. Яхшиев, канд. ист. наук

Книга посвящена истории похода Александра Македонского в Среднеазиатское Междуречье. В ней использованы данные письменных источников и результаты новых археологических открытий. Тема освещается в научно-художественном жанре.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся древней историей, событиями далекого прошлого.

ISBN 978-9943-01-370-04

© ИПТД «УЗБЕКИСТАН», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

(об авторе)

Автор книги Анатолий Сагдуллаевич Сагдуллаев принадлежит к той славной, увы, уже не достаточно многочисленной плеяде ученых-археологов и историков, чье научное мировоззрение формировалось в годы высочайшего подъема среднеазиатской археологии.

Его отец — Абдуллаев Сагдулла — участник Второй мировой войны, выходец из селения Кайнар, расположенного у перевала Тахтакарача в предгорьях Заравшанского хребта. Кайнар — место рождения Анатолия, его отца и деда — Абдуллы, одного из сильнейших народных борцов — палванов, который был широко известен в долине Кашкадарьи и Заравшана.

Мать автора данной книги Наталья Яковлевна приехала в Кайнар еще до войны в 1940 г., где работала фельдшером-акушером. Здесь и встретились родители Анатолия Сагдуллаева.

Он окончил среднюю школу города Китаба. В шестидесятые годы прошлого века археологические памятники Китаба — древнего Кеша изучала экспедиция кафедры археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета (ТашГУ). База экспедиции располагалась в школе, где учился Анатолий. Каждый день археологи приносили сюда различные находки — керамику, орудия труда, металлические изделия и древние монеты, которые свидетельствовали о богатой истории и культуре Кеша. Все это оказало большое влияние на выбор профессии А. Сагдуллаева. В 1968 г. он стал студентом кафедры археологии Средней Азии ТашГУ, основателем которой являлся профессор М.Е. Массон.

В 1973 г., окончив кафедру археологии, А. Сагдуллаев по распределению был оставлен на работе в ТашГУ. На исто-

рическом и восточном факультетах университета он читал лекции по курсам "Основы археологии", "История первобытного общества" и "История Древнего Востока". В 1975 г. поступил в заочную аспирантуру Института искусствознания им. Хамзы. В составе Узбекистанской искусствоведческой экспедиции под руководством академика Г.А. Пугаченковой изучал древнеземледельческие поселения эпохи бронзы и раннего железа в предгорьях Байсунтау в районах Миршаде и Бандыхана. Материалы этих исследований послужили основой кандидатской диссертации, которую А. Сагдуллаев защитил в 1979 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург).

В начале 70-х гг. прошлого века мы с ним и познакомились. Это знакомство скрепилось совместными исследованиями и научной общностью и переросло в дружбу, продолжающуюся до сих пор. Мы написали и опубликовали ряд общих книг, вместе работали в различных уголках Бактрии под знойным солнцем и пронизывающими ветрами.

В 1989 г., очень рано по меркам гуманитарных наук, А. Сагдуллаев защитил в Московском государственном университете докторскую диссертацию, посвященную той же древней эпохе, но уже на материалах огромной территории между Памиром, Гиндукушем и Каспием. К сожалению, эта диссертация осталась не опубликованной. В восьмидесятые годы он открыл многочисленные поселения первой половины — середины I тысячелетия до н.э. в Южном Согде (долина Кашкадарьи), изучение которых послужило фундаментальной основой для важных исторических выводов.

Одновременно с научными исследованиями автор данной книги много времени уделял педагогической деятельности, был деканом исторического факультета ТашГУ и заведующим кафедрой археологии Средней Азии. С 1998 г. он является директором Центра новой истории Узбекистана при Академии государственного и общественного строительства. Здесь он участвует в создании обобщающих исторических работ, новых учебников для средних школ и вузов, руководит коллективом ученых, созданным им из своих учеников.

Словом, деятельность А.С. Сагдуллаева поистине многогранна и разнообразна. Он — ученый фундаментального характера, тот тип исследователя, который для доказательств своих

научных выводов использует все виды источников на прочной научной основе. А. Сагдуллаев — автор многочисленных работ, посвященных актуальным проблемам археологии и истории Средней Азии, истории древних городов и ранней государственности, культурных связей и др. Ученый внес большой вклад в создание новой истории Узбекистана, очень важны его статьи, в которых ставятся проблемы, затрагивающие развитие современной историографии и отношение к историко-культурному наследию в странах Центральной Азии. А его учебники "История Узбекистана", "История. Древний мир", написанные совместно с В.А. Костецким для учащихся шестых классов, на мой взгляд, лучшие школьные учебники Узбекистана для средних школ.

Вместе с тем, в отличие от многих ученых-историков, в том числе и от автора этих строк, А. Сагдуллаев обладает даром художественным, поэтическим стилем языка, который он зачастую использует при написании научно-популярных книг. Его остроумные и весьма точные характеристики современных ему людей и событий бывают очень к месту и обладают яркой выразительностью. Так написана и его первая книга о походе Александра Македонского в Трансоксиану "Огненные стрелы" (Ташкент, 1993). Тот же язык использован и в новой книге о походе Александра в Согдиану. Литературный жанр, в котором написана эта книга, не похож ни на научно-популярный, ни тем более на строго научный. Я бы назвал его научно-художественным. Собственно, до А. Сагдуллаева в таком жанре у нас в республике не писал никто, что дает мне основания считать его родоначальником этого жанра в нашей стране.

Для него характерны: строгое следование историческим процессам, событиям той жизни, опорой которым служат сведения древних греко-римских источников, сопоставленные с современными научными данными, полученными при археологических исследованиях в Бактрии и Согдиане, и наконец — с помощью литературного языка изложения события далекой эпохи предстают "как живые".

В своем кратком предисловии я не стремился дать тщательную оценку книги, вступать в полемику с ее автором по поводу интерпретации тех или иных событий, локализации древ-

них областей и городов. Я полагаю это излишним, ибо книга, о которой я пишу, хороша и читать ее — одно удовольствие, и от того, что я выскажу гипотезу о том, что А. Сагдуллаев не так интерпретировал то или иное событие, она не станет хуже.

Представленный жанр книги — новаторская деятельность профессора А.С. Сагдуллаева — ученого, педагога и писателя. Книга написана интересным, доступным для широкого круга читателей языком, имеет познавательный характер. Она приглашает нас совершить путешествие в далекое прошлое, в эпоху, которая, как отмечает автор, хранит немало тайн и загадок, а потому и прекрасен поиск, стремление воссоздать во многом еще неизведанные события древней истории.

*Э.В. РТВЕЛАДЗЕ,
академик АН Республики Узбекистан*

ОТ АВТОРА

С течением времени одни события постепенно приходят в забвение, другие сохраняются навека. Видимо, зная об этом, древние цари, чтобы навсегда увековечить свое имя, отправлялись в дальние походы, строили огромные храмы, роскошные дворцы и величественные мавзолеи.

Уже через несколько лет после возведения в Долине царей самой грандиозной пирамиды Египта были забыты имена ее строителей. Но имя фараона Хуфу-Хеопса, гробницей которого стала эта гигантская пирамида, сохранилось и в течение более четырех с половиной тысяч лет передается из поколения в поколение.

Не забыт и другой правитель минувших тысячелетий. Это царь Саргон I. Во второй половине третьего тысячелетия до н.э. он объединил под своей властью города Шумера и Аккада¹. Саргон ввел единые для всех городов Месопотамии² меры длины, площади и веса. Впервые в мировой истории он создал постоянное войско, состоявшее из 5400 воинов. Саргон завоевал соседние страны и к концу своего правления получил титул "царь четырех стран света".

Вавилонский царь Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.) известен как создатель законов. Они были едиными для всех — для бедных и богатых и считались не просто решением царя, а волей вавилонских богов. Эти законы отлича-

---

¹ Древние области в междуречье Тигра и Евфрата.

² Греческое название междуречья Тигра и Евфрата.

лись особой суровостью, поэтому их беспрекословно выполняли.

Великие завоеватели — древнеперсидские цари Кир II (558—530 гг. до н.э.) и Дарий I (522—486 гг. до н.э.) из династии Ахеменидов впервые в истории ставили задачу создания мировой державы и завоевания всех известных в то время стран Азии, Северной Африки и Европы.

Многие авторы (и древние, и наши современники) утверждали, что Александр Македонский сумел выйти далеко за пределы древнеперсидской державы. Александр Македонский был великим полководцем и героической личностью, однако он все же не вышел за пределы Персидской державы и не покорил ряд народов и областей, входивших в состав государства Ахеменидов. Это эфиопские племена, жившие на границе с Египтом, жители островов Красного моря, племена саков, Хорезм и наконец, дань древнеперсидским царям платили колхи и их соседи до Кавказского хребта. Все это не уменьшает военных заслуг Александра Македонского, как и его популярности среди завоеванных им народов.

Если Дарий I совершил поход, хотя и неудачный, против скифов Северного Причерноморья, то Александр собирался осуществить аналогичный поход, а заодно покорить все народности Закавказья, выйти на кораблях из Персидского залива в Красное море, завоевать неизвестные африканские страны. Согласно представлениям античных авторов, к югу от Египта самой крайней населенной страной на земле считалась Эфиопия, которая, по словам древнегреческих историков, была богата золотом и в ней водились огромные слоны.

Что касается восточных границ земли, то греки не имели никаких представлений о территориях, находившихся за реками Сырдарья и Инд. Они не знали, что Каспий (в IV в. до н.э. — Гирканское море) является внутренним морем, и не располагали полной информацией о населении, проживавшем на его берегах. Греки думали, что Каспийское море, как

Персидский залив и Красное море, соединяется с океаном, что Сырдарья — это начало Дона, и поэтому эти реки они называли Танаисом. По представлению эллинов ойкумена, населенный мир ограничивался Южной Европой (от Балкан до Италии и Испании), Северным Причерноморьем и Кавказом, Северной Африкой и странами Азии до Сырдарьи и долины Инда.

В Средней Азии греко-македонцы дошли до Сырдарьи и Ферганской долины. На берегу Сырдарьи была основана крепость Александрия Эсхата (Крайняя). Крайний военный форпост Ахеменидской державы — Курушката (город-крепость Кира), который находился в районе нынешнего Ура-Тюбе, греки называли Кирополь, или Кирэсхата. Таким образом, границы территориальных завоеваний персидских царей и Александра Македонского на Востоке совпали по линии Сырдарья — долина Инда.

Никто из завоевателей древности и средневековья не заслужил на Востоке столь большого уважения и почета, как Александр Македонский. Со временем здесь его стали называть Искандар Руми или Искандар Зулькарнайн. Никому из завоевателей, прошедших по восточным странам огнем и мечом, не было высказано в Азии столь много теплых слов. В средневековой арабо-персидской литературе Александр был обожествлен. Ему приписывали массу героических поступков и подвигов, которые не мог совершить простой смертный. Искандар Зулькарнайн — идеальный правитель, олицетворение мудрости и справедливости. А со временем на Востоке стали забывать, что Александр родился в Европе, приписывая ему азиатское происхождение. Многие столетия спустя было забыто, что он пришел на Восток как завоеватель.

Несомненно, что положительной оценке деятельности Александра Македонского способствовали не только древняя восточная традиция обожествлять своих правителей и царскую власть или многочисленные предания о нем на героические темы, но в большой степени — упоминание Зуль-

карнайна в 18 суре Корана. "Мы укрепили его на земле и дали ему ко всему путь, и пошел он по одному пути", — сказано в Коране о Зулькарнайне¹.

На огромной территории от Средиземного моря до пустыни Кызылкум и индийских джунглей бытуют различные легенды об Александре Македонском. Большинство из них связано с созидательной деятельностью македонского царя — справедливым правлением, строительством городов, мостов и плотин на реках. "Это был самый мудрый и справедливый царь минувших веков", — так заканчиваются многие предания.

Уже в новое время об Александре Македонском, в том числе и о его походе в Среднюю Азию, было также написано очень много. Особенно эта тема стала популярной в XIX — начале XX в. в Европе. Существенным недостатком большинства трудов этого периода является то, что их авторы, в силу объективных причин, никогда не были в Средней Азии. Поэтому они не имели достаточно полных представлений об исторической географии региона, где происходили реальные события, связанные с походом греко-македонцев в Бактрию и Согдиану².

В 70—80 гг. XX в. анализ сведений античных источников о походе Александра Македонского в указанные выше области был поднят на качественно новый уровень. В это же время археологи открыли и изучили в Средней Азии многочисленные руины городищ и поселений периода походов греко-македонцев. Ученые, осуществляя археологическую разведку, прошли через степи и горные ущелья по древним путям от Амударьи до Сырдарьи, где все еще высятся оплывшие стены бактрийских и согдийских крепостей, разрушенных войнами и временем.

---

¹ Перевод из Корана И.Ю. Крачковского.

² Бактрия — современная территория Северо-восточного Афганистана, Южного Таджикистана и долина Сурхандарьи; Согдиана — бассейны рек Заравшан и Кашкадарья.

Данные письменных источников были сопоставлены с результатами новейших археологических открытий¹. Все это позволило исследователям изучить путь движения греко-македонской армии в Среднеазиатское междуречье, локализовать отдельные места (древние города и крепости) и важные исторические события.

Несмотря на огромную значимость археологических материалов, они не могут полностью рассказать о тех или иных событиях далекого прошлого и особенно о тех, которые происходили в течение всего лишь нескольких лет. Такой была народная война в Согдиане в 329—327 гг. до н.э. Здесь Александр Македонский встретил хорошо организованное упорное сопротивление свободолюбивого народа.

В 1993 г. автором этих строк была издана книга "Огненные стрелы" о походе Александра Македонского в Согдиану. Перед вами — дополненный и переработанный ее вариант. Наряду с историческими фактами, получившими отражение в письменных источниках, а также новейшими археологическими данными, в предлагаемой работе использован художественный стиль, литературное изложение исторической проблемы. Известно, что поход Александра Македонского в Согдиану получил в трудах греко-римских историков весьма краткое изложение. Античные авторы не раскрывают характера и образов бактрийцев и согдийцев, а также их предводителей и отрывочно описывают ход народной войны в Согдиане.

Чтобы понять время и оценить события, необходима реконструкция далекой эпохи. Художественная форма изложения позволяет как бы заглянуть в прошлое, стать участником забытых событий.

Наряду с этим в книге предпринимается попытка осветить вопрос о причинах начала первых войн на земле, которые привели затем к так называемым мировым войнам древно-

---

¹ Новые данные см.: Э. Ртвеладзе. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане (историко-географические очерки). Ташкент, 2002.

сти. В результате этих войн образовалась огромная полиэт-
ническая держава, объединявшая десятки народов и стран,—
Персидское царство. Поход Александра Македонского в
Азию также был связан с широкомасштабной завоеватель-
ной политикой. Именно в этом походе Александр проявил
себя как талантливый организатор и великий полководец и
вместе с тем как завоеватель, который, осуществляя свои
планы, действовал решительно и жестко.

Ряд современных исследователей считают, что мы не
должны увлекаться критикой исторических личностей —
представителей своей эпохи, определявшей их мысли и дея-
ния.

Собственно царям и полководцам минувших веков уже
давно безразлично, как к ним относятся в настоящем — осуж-
дают или восхваляют. Время разрушило гробницы многих
древних царей, и даже развалины былых строений не со-
хранились. Словно никогда не было не только гробниц, но и
самих царей. Поэтому еще три с половиной тысячи лет на-
зад один древневосточный философ оставил следующие
печальные строки:

*Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.*

Нет конца тайнам фараонов, древних царей и тех, кто
называл себя царем царей.

Никто не может остановить время хотя бы на миг, что-
бы изменить события прошлого. Эти события надо вос-
принимать объективно, какими они были на самом деле. К
сожалению, это не всегда удается. Отсюда — приукраши-
вание и идеализация прошлого, мифологизация истории.
Эта тенденция особенно часто проявляется сегодня, когда
обращение к древней истории приобрело широкий харак-
тер.

Реки Согдианы, словно время, так же текут в одном необратимом направлении. Как и в прошлом, реки исчезают где-то, теряя следы. Вечное время не остается в прошлом, оно спешит в будущее. Не потому ли на стенах забытой разрушенной крепости вопросительно воркует сизый голубь: "Куда? Куда?.."

Куда уходит время? Это остается загадкой для всех людей, вспоминающих прошлое, с думой о настоящем и верой в будущее.

РОЖДЕНИЕ БОГА ВОЙНЫ

...чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение, а великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не оставались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

ГЕРОДОТ

В 334 г. до н.э. в Македонии и Греции собирались боевые подразделения, обученные талантливыми полководцами и вдохновленные на подвиг богами Олимпа. Казалось, были забыты смуты и голод в древних Афинах, Спарте и Коринфе, переживавших невиданный упадок, казалось, была забыта и чудовищная расправа македонцев над жителями Фив, означавшая закат свободы греческих полисов и зарю господства Македонии в Элладе.

Стройные ряды пехоты и конницы греко-македонцев с гимнами, прославлявшими Геракла, двинулись в сторону восходящего солнца. Там, на Востоке, греки видели спасение от внутренних невзгод и бесконечных войн последних лет, а македонцы жаждали богатства и славы. Их соседи — фессалийцы, пеоны, иллирийцы и агриане (по словам древнегреческого историка Арриана, "крепкие и мужественные европейские варвары") — шли в поход не по собственной воле, а как вынужденные союзники своих покорителей, но едва ли и они не мечтали о сокровищах Востока. Не напрасно эллины прощались с лучшими, как им казалось, городами мира. Они давали клятву быть достойными легендарных героев, обещая вернуться на родину с лаврами громких побед. Большинство из них уходило навсегда в неизвестность.

Через пять лет армия Александра Македонского достигнет берегов Амударьи или, как она в те времена называлась, Окса, Аранхи. Отсюда начинался поход в Согдиану.

Как-то древнегреческий автор Павсаний сказал: "То, что касается Александра, известно всем". За многие столетия о царе македонцев было написано столько, что все сочинения составят обширную библиотеку, где наряду с весьма подробным анализом военных подвигов Александра Македонского можно найти сведения об истории и культуре народов и стран, оказавшихся на пути походов греко-македонцев.

Одни трактаты "Все об Александре" представляют собой достоверные сведения, другие — легенды. Даже наиболее близкие царю полководцы, его верные друзья из этерии — содружества, окружения Александра, делившие с ним радости и огорчения похода в неизведанные просторы Востока, упоминаются чаще в эпизодах, связанных с его именем. Безымянными остались тысячи простых воинов греко-македонской армии. Что говорить о народностях, ставших их противниками?

Сочинения современников Александра, прежде всего участников восточных войн, неоднократно дополнялись спустя два-три столетия и вновь переписывались через несколько столетий. Греки и римляне, византийцы и арабы... Казалось, мало осталось на земле народов, знаменитые историки, географы и философы которых не обращались к жизнеописанию Александра — Искандера. Одни из них давали ему восторженную оценку как владыке, другие считали его редчайшим полководцем, который стремился не к завоеванию и порабощению стран, а к созданию мирового государства, третьи видели в нем божественный дар, четвертые — врага, грабителя и жестокого завоевателя.

Казалось, достаточно полно описаны доблесть Александра Македонского и его тернистый военный путь, отмеченный коварными превратностями судьбы. Казалось, что люди, никогда не видевшие Александра, либо города и страны, покоренные им, легко поверили в то, что завоеватель принес в Азию только счастье. Не случайно древний философ заметил, что Александр "отучил дикарей от их дикой жизни" и "положил конец тяжелой жизни последних". И вот с легкой руки покорителя Востока здесь появились многочислен-

ные города: в Египте — Александрия, в Индии — Букефалия, а на берегу Сырдарьи — Александрия Крайняя... Мудрость, щедрость, мужество и гуманность... Что еще осталось вне списка славных дел македонского царя?

Можно поверить в то, что Букефалия была основана после победы над индийским царем Пором в битве у реки Гидасп — Джелум и что город назван в честь знаменитого царского коня, павшего от старости. Можно понять и то, что именами солдат, ставших пешками в бесчисленных сражениях, не было принято называть города. Ведь лавры побед доставались не им. Однако вряд ли большинство народностей Азии, о которых забывают историки эллинов, видели в Александре Македонском своего благодетеля и спешили признать его своим царем. Никогда и никто никому не приносил счастья, прикрывшись боевыми щитами и обнажив кинжалы.

У многих биографов Александра Македонского не было сомнений в добрых его намерениях. Но могли ли они сохраниться при виде конницы и пехоты неприятеля, когда следовало убивать и жечь, когда победители добрались до сокровищ дворцов и храмов Востока, опустошали чужие города, которые иногда легче переименовать, чем построить?

Те, кто вел грабительские войны, никогда не считали себя преступниками, а сама война в их понятии — не была преступлением против народов. Завоеватели призывали наказывать, мстить и превращать "дикарей-соседей" в цивилизованных людей. Наказывали, мстили, уничтожали и, отобрав у побежденных оружие, превращали их в рабов.

Прототипом войны на земле, очевидно, было первое насилие, когда безымянной группе первобытных охотников удалось захватить чью-то пещеру. И пока победители раздували угли чужого костра, побежденные в поисках нового жилья совершали тоже насилие. Возможно, так было. Но все же неизвестно, когда и где вспыхнула "война", хотя ее причины и масштабы представить можно.

Каменные топоры и копья поначалу не служили целям массового уничтожения. Люди не враждовали друг с другом с первых дней своего существования. И далекий предок че-

ловека, вооруженный примитивной дубиной, пускал ее в ход лишь будучи голодным. Он всегда был готов вступить в борьбу из-за туши оленя или пробить череп собрату за горсть сладких ягод. Гораздо реже поводом для ссоры являлись оскорбление и унижение.

Люди, изобретая лук и стрелы, едва ли думали о том, что эти безобидные на первый взгляд орудия охоты превратятся со временем в грозное оружие истребления. На протяжении тысячелетий стрелы будут убивать животных и птиц, но гораздо чаще — самого человека. Разве можно предвидеть все? Но и в этом случае жизнь людей вряд ли осталась бы мирной.

Тысячи лет представители прогрессирующих поколений людей не знали собственности. Не знали, как накопить ее. Процветание общества привело к познанию накопления, закономерно ставшего затем источником зависти, насилия и грабежа. Сила, породившая собственность, вскормит и вырастит свою алчную дочь.

С зарождением производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства — у некоторых племен накапливались большие запасы продовольствия. Но не все общины имели их. У одних земля была не столь плодородной, другие предпочитали заниматься только скотоводством и охотой. Они были не прочь пожить на стороне. Между общинами нередко возникали споры за лучшие земли и водные источники. Племена стали нападать друг на друга. Так начиналась история первых войн.

Наступит час, и земляне станут враждовать днем и ночью, в стужу и в зной, стремясь сохранить и приумножить собственность. Отец враждовал с сыном. Брат с братом. Сосед ненавидел соседа. Вожди племени мечтали о смерти других вождей. Сила поработала, уничтожала и унижала человека. Собственность переходила из одних рук в другие. Каменными топорами можно было рубить лес, мотыгами обрабатывать землю, а стрелами охотиться, но люди предпочитали также убивать ими друг друга. Слово это была воля неизвестного божества. Безымянное божество превра-

тилось в бога войны, которому поклонялись, в честь которого возводили храмы.

Война — страшное порождение человечества. Поводы к ней бесчисленны. Малые и большие войны — малые и большие удачи и поражения, разруха, голод, смерть, символ будущего величия и процветания. Богатые становились божественными, дикари якобы цивилизованными, но нищие оставались нищими. Войнам суждено было изменить представление людей о границах ойкумены и превратить в груды развалин творения рук народов минувших веков и поколений. На руинах древних культур зарождались и новые цивилизации, но только благодаря доброте рук человеческих. Не всегда на земле полыхали пожарища и лилась кровь. Был и мир, и созидательный труд. До тех пор, пока не начинались войны.

Грабительские войны вызывали отпор. Насилие порождало насилие. Выигрывали единицы. Проигрывали тысячи. Вслед за победами приходило возмездие.

Жизненно необходимых пространств, заманчивой роскоши и перспектив вечной власти, порабощения большинства меньшинством жаждали те, кто начинал войны.

Жертвы — пища богов. Наделенные разумом люди свято помнили об этом. Всевышние не страдали от недостатка пищи. На земле множились костры насилия. Иногда войны прекращались. Бог войны засыпал, но не надолго. Спать ему не давали люди, уж слишком увлеченные избиением друг друга. Войны становились затяжными, бедствия неизмеримыми, а жертвы — бесчисленными. И пока образ бога войны сохранялся в памяти человека, земляне расплачивались самым дорогим — жизнью.

История захватнических войн начинается в Шумере и Египте. Древневосточные письмена насыщены описанием военных подвигов царей, "достойных короны со дня рождения". Более пяти тысяч лет назад один из них сказал: "Я разрушу город, и он обратится в ничто!" Но как мало разрушить всего лишь один город! И вот будущие хозяева гигантских пирамид задумывают покорить целые страны —

вначале соседей, затем народности у последней реки, последнего моря и у границ земли. Но нельзя строить огромные пирамиды и вести огромные войны одновременно.

Окрыленный успехами и ожесточенный поражениями бог войны продолжал раздувать костры смертоносных пожаров. Он заставил людей сравнивать войны с извержением вулкана и ураганом, сметающим все на своем пути. Да, трагическая стихия природы, как и война, несла человечеству бедствия и разрушения. Но истоки вулканов и ураганов рождались в недрах земли и океанов, тогда как ядовитые корни войн прорастали в почве цивилизаций. Войны ни с чем не сравнимы и похожи только на себя. Разве можно сравнить с чем-либо смерть за исключением самой смерти?

Шло время, менялись масштабы, стратегия и тактика войн. На арене истории менялись солдаты и полководцы, оружие и пространство сражений. Начиная с XIII в. до н.э. до VII в. до н.э. захватнические войны вела Ассирия, превратившаяся из небольшой страны в верховьях Тигра в сильную военную державу. Войны положат начало и расцвету, и гибели Ассирии. От былого величия ее царей останутся лишь руины великолепных дворцов, построенных на награбленные некогда средства. Они встанут в один ряд с безмолвными башнями Шумера и пирамидами Египта, напоминая людям о древних горизонтах истории.

В середине VI в. до н.э. зажглась звезда древнеперсидских царей из рода Ахеменидов. Все силы они направят на создание крупнейшей державы. Идея мирового господства станет их главной целью. При царе Дарии I, к концу VI в. до н.э., границы государства простирались от севера Индии до Средиземного моря. Ахеменидским царям удавалось вести завоевательную политику в широких масштабах. Вскоре были завоеваны греческие колонии в Малой Азии и Фракия. Но неудачно закончились походы персов против саков — массагетов на севере Средней Азии и скифов Причерноморья. Продвижение завоевателей мира приостановилось неожиданно и на западе. Начались греко-пер-

сидские войны, длившиеся с перерывами десятки лет. И даже мирный договор, заключенный сторонами в 449 г. до н.э., не решил всех спорных вопросов.

В IV в. до н.э. в государстве Ахеменидов продолжались интриги и смуты. В это же время в далекой Греции шли междоусобные войны между городами-государствами. И персы, и греки были заняты устройством внутренних дел, поэтому на международной арене царило относительное спокойствие.

В 359 г. до н.э. началось правление предпоследнего Ахеменида — Артаксеркса III, который заботился только о сохранении государства, не помышляя о расширении его границ. В том же году царем малоизвестных и воинственных македонцев стал Филипп. Ахемениды все больше теряли контроль над отдаленными сатрапиями, тогда как в Греции и Малой Азии все сильнее ощущалось влияние Македонии. В 338 г. до н.э., когда Филиппу удалось подчинить греков, Артаксеркс был отравлен. Македонцы в союзе с греками и балканскими племенами готовились стать хозяевами Ирана. Над Востоком нависла смертельная опасность.

В 336 г. до н.э. началось правление последнего древнеперсидского царя Дария III, представлявшего боковую линию династии Ахеменидов. В Македонии царем становится Александр. Угроза гибели ахеменидского государства оказалась реальной, хотя и не зависела от того, что Дарий III был незаурядным полководцем, но неспособным правителем, правда, традиционно жестоким.

Противники Александра Македонского в Греции поговаривали о том, что если бы на персидском троне был не Дарий, а кто-нибудь другой, царю Македонии пришлось бы нелегко, а события развернулись бы иначе. Этого, видимо, не могло быть. Закономерный крах древнеперсидской державы был предопределен историей. Завоевание ахеменидской державы Александром Македонским и последовавшее за ним образование эллинистических государств — событие в истории Ближнего и Среднего Востока новое, но по насилию и убийствам это была "обычная война" с целью грабе-

жа и порабощения народов, хотя несомненно, что военная стратегия и тактика, оружие и боевые методы значительно изменились. Война привела также к новой фазе развития исторического процесса и в конечном итоге, к синтезу культурных традиций Запада и Востока, что на протяжении более 500 лет определяло развитие новых восточных государств.

Люди не могли припомнить столь жестокую войну, которая принесла ее участникам огромные страдания. В кровавые сражения были вовлечены сотни городов и десятки стран. Каждому народу помогал свой бог войны. Греко-персидские сражения и походы Александра Македонского начинают историю мировых войн. Уже древние историки пытались объяснить их причины, но часто подходили к этому субъективно.

Отец истории — Геродот считал, что первопричину войн между Европой и Азией следует искать в фактах похищения женщин. Такое утверждение восходит к эпической традиции Гомера о начале Троянской войны, отраженной в знаменитой "Илиаде"¹. Геродот пишет: "Похищение женщин, правда, дело несправедливое, стараться мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно... эллины же, напротив, ради женщины² из Лакедемона собрали огромное войско, а затем переправились в Азию и сокрушили державу Приама. С этого времени персы всегда признавали эллинов своими врагами".

Азиаты не остались в долгу и однажды напали на Элладу. Персы грабили Грецию и Македонию, жгли храмы и разрушали города эллинов. Теперь греки и македонцы должны были разграбить Персию. Мечь. Только ли? Например, Плутарх утверждал, что воины Александра "до золота и

---

¹ Парис — сын троянского царя Приама — похищает дочь Зевса Елену, бывшую замужем за Менелаем, царем Спарты. Оскорбленный Менелай и его союзники явились к Трое, намереваясь забрать Елену обратно. Так началась Троянская война.

² Геродот подразумевает здесь Елену.

серебра были падки, как последние рабы". Жажда наживы и славы, жажда порабощения народов и стран... Не она ли одна из основных причин войны? Видимо, она, хотя тот же Плутарх специально оговаривал, что Александр "прошел по Азии не как разбойник и не потому, что вознамерился захватить и набрать данную неожиданной удачей добычу и наживу..., но, желая, чтобы на земле все было подчинено одному закону и собрано в одно государство, предполагая объединить всех людей в один народ, которые бы стремились к единой справедливости, как к единому для всех солнечному свету".

Политики и философы далеких эпох умалчивали об одном немаловажном обстоятельстве. В той же армии Александра Македонского воины и полководцы оставались македонцами и греками, фракийцами, пеопами, агрианами — далеко не единым народом. Одни были нищими, другие богатыми. Первым позволялось мало, вторым — все. Одних жестоко наказывали, других — нет. Тысячи людей подразделялись на лучников, щитоносцев, пехотинцев и всадников, но лишь Александра называли царем. О каком всеобщем государственном строе и едином народе могла идти речь, если сама армия Александра Македонского — основа "добрых и славных деяний" — представляла собой пестрое соединение разноязычных людей, подчинявшихся одному закону лишь в сражениях и походных маршах, но не тогда, когда приходилось делить лавры побед и военную добычу? Единым для всех оставался солнечный свет, но не справедливость.

Задолго до Александра Македонского подчинить людей земли одному разуму и закону мечтали Ахемениды. Об этом думали также цари Ассирии и фараоны Египта. И все они не сомневались в том, что смогут осуществить свои планы одним вдохновением бога войны. Каждый из них считал себя более опытным, сильным и удачливым. Не случайно Дарий I сказал о себе: "Как военачальник я — отличный военачальник... Я обладаю неутомимой силой в руках и ногах. Как всадник я — отличный всадник. Как стрелок из лука я —

отличный стрелок из лука, как в пешем, так и в конном строю... Это способности, которыми одарил меня Ахурамазда, и я сумел использовать их... О, подданный, знай твердо, каков я есть и каковы мои способности, и каково мое превосходство"¹.

Вот и Александр, по словам древних, отправился в поход против персов, "получив от своего учителя Аристотеля больше, чем от своего отца Филиппа". Уже первые шаги его армии в Азии превратили в прах возвышенную идею миротворчества. Как казалось эллинам, Александр Македонский сделал доброе дело, освободив греческие города в Малой Азии. На самом деле он освободил их от персидской власти, но не от своей.

* * *

Лето. Огненный диск сжег траву в степи и иссушил мутные реки в долинах. От весеннего паводка остались волны сухого песка и блестящей гальки.

Азиатский полдень. Знойное солнце и морщины выжженной земли, серые холмы предгорий и пыльный проселок. Греко-македонцам тяжело в плотно облегающих боевых доспехах. Скрипели колеса повозок. Блистел на солнце металл. Армия Александра Македонского ускоренным маршем шла на Восток. Царь торопил ее, и люди проходили за день более двухсот стадий².

Александр не замечал воинов, падавших от усталости на дорогу чужой земли. Царь знал, что они встанут и пойдут дальше, за всеми. Никто не хотел стать виновником ночного пиршества гиен и шакалов. Александр давно уже не считал соотечественников, оставшихся навсегда в пустынях, на берегах рек и у синих гор Азии. И сейчас под стенами забытого варварского³ городища, поросшего кустарником, остались

---

¹ Наскальная надпись V в. до н.э. из Накши-Рустама в Иране.

² Двести стадий составляют около 37 км.

³ Варвар — так греки называли чужеземцев, говоривших на непонятном для эллинов языке, слово первоначально не имело оскорбительного значения.

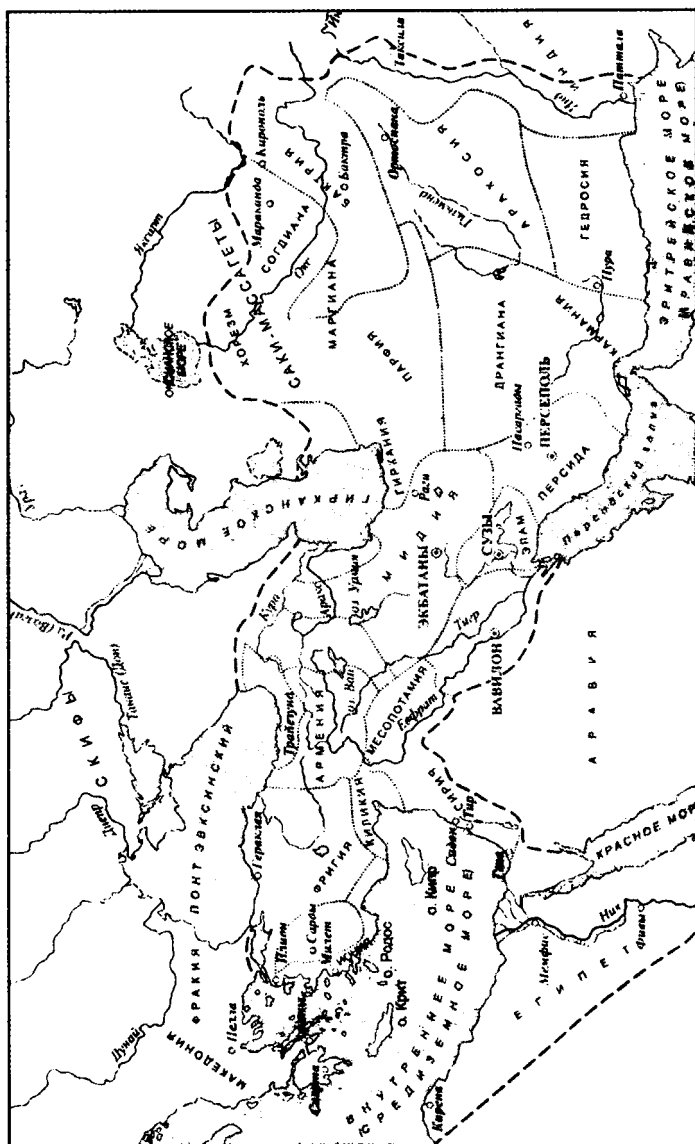

Рис. 1. Персидская держава Ахеменидов. Примечание: пунктиром указаны границы государства.

несколько пехотинцев — гоплитов. Их не могли поднять ни бич, ни проклятья и угрозы, ни даже сам бог войны. Смерть осчастливила несчастных. Усопших не осуждают. Им воздают почести, но у царя не было времени — он торопил армию.

Все мрачнее становились лица знаменитых стратегов — полководцев, прошедших с армией огромные расстояния. Египтяне, ливийцы и мидяне легче переносили жару, но и они проклинали тот день, когда пошли с Александром в неведомые дали. Приуныли агриане, македонцы и фессалийцы. Афиняне и спартанцы тоскливо мечтали о прохладе далекой Эллады. Сердца воинов раздирали смутное волнение и страх.

Крупнейшие страны Азии покорены. Обозы полководцев и царя трещали от награбленного добра. Эллы выиграли крупные сражения и прошли по руинам опустошенных селений и городов. Впечатлений хоть отбавляй. Пора бы возвращаться. Но не одна тысяча греко-македонцев никогда больше не вернется на родину. Они полегли в кровавых жарких битвах — варвары тоже умеют убивать. Не достаточно ли крови? Но фаланга Александра не остановилась, по приказу царя двинулась в глубь Азии. Что ждет впереди? Опять громкие победы? Золото и удача? Или врата царства тьмы — Аида?.. Люди вопросительно взирали на Александра. Разве мог он сказать им правду? Погибнут сотни и тысячи простых смертных, зато сын Филиппа навсегда увековечит свое имя. Кто из эллинов либо варваров сумел покорить столько народов и стран, сколько задумал Александр?

На протяжении двухсот лет греческий мир с завистью и страхом смотрел на Восток, где над народами господствовали персы. Караваны с награбленным добром стекались в Персеполь¹ — столицу ахеменидской державы — из Египта и Анатолии², Бактрии и Согдианы. Персы не раз вторга-

---

¹ Руины Персеполя расположены на юге Ирана.

² Малая Азия, современная территория Турции.

лись на побережье Эгейского моря и территорию Эллады. Греки с большим трудом сумели сдержать натиск персов и освободить страну. Одних царей варваров сменяли другие, и все они не отказывались от мысли покорить Эгейский мир.

Гигантский поход против греческих племен был осуществлен ахеменидским царем Ксерксом (485—465 гг. до н.э.), который, как утверждал Геродот, обещал своим воинам: "Солнце не будет взирать больше ни на какую страну за пределами нашей: я вместе с вами пройду всю Европу и все земли превращу в одну". И хотя этот поход завершился для персов неудачно, они продолжали угрожать грекам.

По мнению ряда исследователей, государство Ахеменидов, просуществовавшее более двух столетий, сумело обеспечить относительный мир на огромной территории от Египта до Северной Индии. Согласно Геродоту, Персидская держава объединяла около 80 народов и племен. Однако, как бы ахеменидские цари терпимо ни относились к культуре, религии и обычаям завоеванных ими народов, эта держава существовала до тех пор, пока удавалось успешно бороться с проявлениями сепаратизма, жестоко подавлять антиахеменидские восстания и силой оружия удерживать различные народы в составе империи. Персидская держава была прежде всего военно-административным объединением, разделенным на податные округа — сатрапии.

Завоеванные народы ежегодно выплачивали царю строго установленную дань. Сами персы, как элитный народ, были освобождены от денежных налогов. Подати служили не только целям обогащения царей, но также шли на содержание армии, царского двора и администрации, использовались для строительства дворцов и других монументальных сооружений. И чтобы подати — денежные и натуральные — поступали в необходимом количестве, персы создавали нормальные условия для развития экономики и торговли.

Задолго до возвышения Македонии Эсхил, Платон и другие великие греки много спорили о том, что в Азии не

было равных персидским царям Киру II и Дарию I. Одни восхваляли Кира, считая, что он давал завоеванным народам большую свободу, другие идеализировали Дария, который якобы обращался с подданными весьма дружелюбно. Однако ни Кир, ни Дарий не добились того, "чтобы люди не убивали друг друга и чтобы каждый был на своем месте, сильный не убивал слабого и не грабил его, и слабый не вредил сильному"¹.

В 522 г. до н.э. в Ахеменидской державе вспыхнули крупные восстания. Восстали Египет, Вавилон, Мидия, Элам, Маргиана и Парфия². Царь Дарий I начал ожесточенную борьбу за восстановление державы в ее прежних границах. Он действовал решительно и жестоко. В двух битвах Дарий I одержал победу над мятежным войском Вавилона. В Бехистунской надписи Дария об итогах сражений хладнокровно говорится: "Всех их мы убили и никого не стали брать в плен". Геродот сообщает, что Дарий взял Вавилон и велел казнить три тысячи знатных жителей города.

При подавлении восстания в Маргиане было убито более 50 тысяч человек и семь тысяч восставших взято в плен. Жизнь человека ценилась меньше всего, что вообще имело цену. Людей, призывавших к неповиновению и участвовавших в восстаниях, убивали десятками тысяч. В различных областях с пленных мятежников персы сдирали кожу и, набив соломой, вывешивали страшные чучела на крепостных стенах городов. Связанных пленных в течение многих дней держали у городских ворот, не давая им пить. И когда мятежники, теряя сознание, падали на землю, то им отрезали нос и уши, а затем сажали на кол. "Их держали связанными у моих ворот, и весь народ видел это. Затем я поса-

---

¹ Надпись Дария I из Суз.

² Мидия — область, располагавшаяся к югу от Каспийского моря, столица — Экбатаны; Элам — страна, граничавшая с Месопотамией у Персидского залива, столица — Сузы; Маргиана — низовья реки Мургаб в Туркменистане; Парфия — область, располагавшаяся на юге Туркменистана и северо-востоке Ирана.

дил их на кол", — победоносно заявлял Дарий I в царских надписях. Все это свидетельствует о том, что персидские цари решительно действовали против непокорных и относились к ним дружелюбно лишь тогда, когда они уважали царей и исправно платили им дань. И хотя в IV в. до н.э. Персидская держава была не столь мощной, как в лучшие времена, она все еще являлась опасным соседом Греции и Македонии.

Первым из противников персов, кто решил "перенести войну в Азию, а счастье Азии к себе"¹ был Филипп Македонский. Но еще не успели начаться военные действия, как в результате заговора в 336 г. до н.э. он был убит и только через два года его сын Александр с тридцатипяти тысячной армией ступил на землю Азии. Поход против персов был общим делом союза греков и македонцев.

Итак, как начинался поход Александра Македонского в Азию?

К ГРАНИЦАМ ОЙКУМЭНЫ

Весной 334 г. до н.э. армия Александра Македонского собралась на западном берегу пролива Геллеспонт — Дарданеллы, где проходила граница двух великих материков Европы и Азии. Здесь все было овеяно мифами и реальными историческими событиями. На противоположном азиатском берегу находились древние города Абидос и Илион.

Именно из Абидоса начинался поход персидского царя Ксеркса в Европу. К скалистому выступу, который врезался в пролив напротив Абидоса, по распоряжению Ксеркса был построен мост из подогнанных один к другому плотов и судов. Когда берега пролива соединили мостом, то неожиданно разразившаяся буря уничтожила его. Разгневанный Ксеркс приказал бичевать воды Геллеспонта и не приносить жертвы проливу, пообещав, что ни один человек в будущем не станет приносить жертвы Геллеспонту.

---

¹ Изречение древнегреческого философа Исократ.

Война переносилась из Европы в Азию, возможно, поэтому Александр приказал полководцу Пармениону начать переправу войска на кораблях именно в том месте, где некогда переправлялись через пролив персы. А сам царь в окружении охраны и некоторых близких полководцев решил переправиться на противоположный берег несколько южнее, напротив Илиона, на месте которого в древности располагалась легендарная Троя. Действия царя порой были непредсказуемы. Это было выражением не только романтики, но и данью уважительного отношения к событиям прошлого, к греческой мифологии, которую эллины воспринимали как реальную историю.

В процессе переправы через Геллеспонт персов в Европу и греко-македонцев в Азию было много общих аналогий и символики. Когда корабль Александра доплыл до середины пролива, македонский царь воздал молитву богам и из золотой чаши совершил возлияние морским нимфам. Точно так же поступал Ксеркс. Как отмечает Геродот, перед началом переправы, на восходе солнца, Ксеркс совершил возлияние в море из золотой чаши. После молитвы персидский царь бросил чашу, а также кинжал-акинак в Геллеспонт. Однако Ксеркс погрузил эти вещи в море не в жертву Геллеспонту, а как дары богу Солнца, тем самым персидский царь не отказался от своего решения не приносить жертвы проливу.

Ранее, дойдя до Абидоса, Ксеркс, как подобает царю-царей, принес в жертву верховному богу персов Ахурамазде сотню быков. Затем он пожелал произвести смотр войска. Для этого абидосцы воздвигнули на холме трон из белого мрамора. Переправа персидской армии в Европу продолжалась семь дней и ночей без отдыха. За это время на противоположный берег переправилось огромное число воинов, представлявших все страны, завоеванные персами.

Однажды утром, наблюдая за переправой своих несметных полчищ, Ксеркс увидел бегущего зайца. Царь тотчас обратился за разъяснением к жрецу храма вавилонской богини Иштар, который был известным предсказателем. Жрец

ответил, что бегущий заяц — это великое предостерегающее знамение, но не сказал всей правды. А заключалась она в следующем: Ксеркс ведет свои грозные полчища на Элладу со всем великолепием, а возвратится в Персию, как заяц, спасаясь бегством. Так оно и случилось. Что касается македонцев, то их будущее оставалось неизвестным. Великие трудности ожидали македонцев в борьбе с персами, но в случае победы — и великая слава, и богатая добыча. Солдаты были полны решимости и верили в выдающееся воинское дарование своего царя.

Корабль царя медленно приближался к берегам Азии. Вспоминая рассказы Гомера, Александр чувствовал себя участником Троянской войны. И так же, как некогда греческие герои, подплывавшие все ближе к азиатскому берегу, царь думал, как высадиться и ступить на берег Азии. Александр вспомнил древнее предсказание, получившее отражение в преданиях о походах греков на Трою: эллин, первым коснувшийся ногой троянской земли, должен погибнуть. Мифы рассказывали, что хитроумный Одиссей знал это предсказание, поэтому когда корабль греков подплыл к берегу Трои, он бросил на берег свой щит и прыгнул на него с корабля, чтобы не коснуться ногами земли. Греческий герой Протесилай, соскочивший с корабля вслед за Одиссеем, не видел, что тот ступил не на землю, а на щит, и первым из эллинов коснулся ногой троянской земли. С обнаженным мечом он бросился на врагов и принял смерть от тяжелого копья троянца Гектора. Так сбылось древнее предсказание.

Александр поступил иначе. Он не стал кидать на берег свой щит и обнажать меч для боя. На берегу не было ни одного перса. Когда корабль приблизился к берегу, Александр бросил копье и оно вонзилось в землю Азии. Стоявший на палубе корабля рядом с царем полководец Гефестион попытался спрыгнуть с корабля, но Александр остановил его и первым ступил на землю Азии. Броском копья царь выразил свои притязания на землю азиатов.

Александр нашел на берегу полуразрушенный каменный жертвенник, поставленный якобы самим великим героем Ясо-

ном, когда он плыл с аргонавтами за золотым руном. Здесь приносили жертвы богам легендарный Геракл и Ахилл, которому не было равных в умении владеть оружием. Именно он бросил вызов Гектору и убил его ударом копья. Александр Македонский принес жертвы богу моря Посейдону и водам Геллеспонта за удачную переправу. На рассвете вся армия выстроилась на берегу моря. Полководцы облачились в пышные доспехи. Воины запели торжественный гимн богам. Слушая его, успокоились морские волны и затихла водная гладь, словно из глубин моря должен был появиться прекрасный бык Посейдона. Не дожидаясь его, более десятка воинов приволокли на берег свирепого, могучего земного быка. Его забили ударом огромной железной секиры по позвоночнику позади рогов. Страшный предсмертный рев быка медленно угас на горизонте. Здесь Александр поступил больше как перс, нежели эллин. Он велел лучникам погрузить стрелы в кровь жертвы и послать их в сторону восходящего солнца.

Так не сбылось предсказание Ксеркса о том, что никто в будущем не станет приносить жертвы водам Геллеспонта. Рев жертвенного быка был услышан далеко на востоке, у границ ойкумены, он словно предвещал гибель некогда могучей Персидской державы. Это было недобрым знамением. Теперь для народов Азии.

Александр вернулся на корабле на западный берег в город Сест, чтобы принести жертвы Зевсу и Афине. Рассказывали, что именно в округе Сеста, на берегу моря были погребены могучие герои греков — Протесилай, Патрокол, Ахилл и Аякс, погибшие на Троянской войне. Их великие подвиги на века прославили Элладу. Однако никто из жителей Сеста не знал мест погребений героев Троянской войны.

Александр не обратил внимания на два кургана, которые возвышались на берегу Геллеспонта. Они были видны далеко с моря. Возможно, под одним из них покоились золотые урны с прахом Патрокла и Ахилла, под другим — прах Аякса — самого могущественного после Ахилла героя гре-

ков. Никто об этом не знает, как и не будут знать в будущем о месте погребения самого Александра, хотя имя его и дела не исчезнут из памяти людей.

Царь вернулся в Илион. Отсюда армия двинулась на восток, навстречу персам. На четвертый день похода македонцы подошли к реке Граник¹, на берегу которой произошло ожесточенное сражение с персами.

В этом сражении проявились талант и полководческий дар Александра. На удивление многих македонских полководцев и неожиданно для персов, он не стал останавливать армию на отдых и приказал с ходу ударить по персидскому войску. Как всегда царю пытался возражать преданный полководец Филиппа Парменион. Но Александр игнорировал его советы. Враг не ожидал нападения, и Александр воспользовался беспечностью персов. Более того, во главе подразделений легкой пехоты и копьеносцев он перешел реку и вклинился в ряды неприятеля.

Появление Александра на поле боя вызвало азартное желание персов разом покончить с царем македонцев, а возможно и с самой войной. Самые отважные воины персов искали единоборства с Александром. Вскоре им удалось окружить Александра и его телохранителей.

Царь оказался в критическом положении. Один из персидских всадников страшным ударом кинжала разрубил его шлем, а другой занес над Александром оружие, чтобы нанести смертельный удар. Клит, брат Ланики — молочной кормилицы младенца Александра молниеносным ударом отрубил занесенную над царем руку врага.

Упорные атаки дисциплинированной македонской фаланги и храбро сражавшейся конницы фессалийцев в конечном итоге сломили сопротивление неприятеля. Персы обратились в бегство. Александру открылся путь на юг к побережью Средиземного моря.

Задолго до походов Александра Македонского на малазийском побережье этого моря греки основали знаменитые

---

¹ Река в Малой Азии.

города-колонии. Это Эфес, Милет, Галикарнас, Книд и другие, которые были известны не только как торговые центры, но и как родина великих историков — Гекатея Милетского, Геродота Галикарнасского и Ктесия Книдского, первых из греков, рассказавших о далеких странах и неизвестных народах Востока. Александр Македонский был осведомлен об этих странах в той степени, насколько позволяла информация, полученная им от Аристотеля, который знал труды этих знаменитых греков.

После поражения войск Дария у реки Граник в Галикарнас отступили основные силы греческих наемников, служивших в армии персов. Их возглавлял Мемнон — талантливый полководец. Александра разгневало то, что в Галикарнасе, на родине великого историка древности Геродота, укрылся грек — изменник Мемнон. Царь велел штурмом взять город, но встретил упорное сопротивление войск Мемнона. Возглавляемые им воины не только отчаянно оборонялись, но и предпринимали неожиданные вылазки, нанося урон македонцам. Мемнон поджег дома Галикарнаса, жители которого вместе с войском перебрались на кораблях на близлежащие средиземноморские острова. У Александра не было судов, и он не мог преследовать мятежников. Но когда македонцы стали властителями Анатолии и Передней Азии, у галикарнасцев не осталось иного выбора, как вернуться в родной город и сдаться в плен македонцам.

Это случилось после второй битвы армии македонцев и персов при Иссе¹.

В этом сражении неожиданно отличились всадники из неведомой македонцам Бактрии и греческие наемники персов. Фессалийцы, храбро сражавшиеся у реки Граник, вынуждены были обратиться в бегство. Греческие наемники прорвали в центре битвы македонскую фалангу и устремились к флангам противника. Александр с резервными силами ворвался в расположение персов и оказался в самой

---

¹ Город в Северной Сирии, 333 г. до н.э.

гуще сражения против конницы и пехоты Дария. Ахеменидский царь не выдержал натиска и панически бежал на колеснице с поля боя. Его сопровождала конная гвардия, за которой последовали персидские лучники и копьеносцы.

Спротивление персов было сломлено, лишь греческие наемники продолжали упорно сражаться, но с наступлением сумерек и они ушли в горы. Бой закончился победой македонской армии. Александр захватил лагерь Дария, его гарем и обоз с огромным количеством золота и серебра. При обозе находилось несколько сотен музыкантов, поваров, кондитеров и виноделов, большое число слуг и ремесленников-оружейников.

Пируя в шатре персидского царя, Александр понял, что ни его отец — Филипп, ни другие правители Македонии и Эллады никогда не знали такой изысканной азиатской роскоши, а захваченные в плен женщины из царской семьи, жены и дочери Дария, а также персидской знати ни в чем не уступали блеску и красоте золота персов. Возможно поэтому Александр воскликнул: "Вот что значит быть царем!" — и после Иссы стал находить вкус в восточных наслаждениях.

И было с чего. В Македонии жизнь царского двора протекала просто и однообразно — страсть к охоте и состязаниям, к обильной трапезе и буйным попойкам. Страсть эта сохранится и на Востоке, но здесь македонцы будут охотиться не только на кабанов, но и на невиданных ранее животных — львов. Наряду с этим, у завоевателей Азии проявится страстная любовь к роскоши — разноцветным коврам, драгоценным камням и к золоту, но особенно к восточным женщинам. Однако драгоценности и знатные женщины Азии достанутся царю и его полководцам, а простых женщин, как недорогую добычу, заберут простые солдаты.

Добытое богатство вызывает еще большую жажду наживы. Как говорил древний философ: "Чем больше человек имеет, тем с большей жадностью он стремится к тому, чего у него нет". Александр носил на голове тяжелую ношу — царский венец. Думал ли он, что этот венец следует носить

разумно, так как сама ноша в конце концов могла раздавить царя?..

Александр направился в Финикию — страну мореходов и торговцев. Финикийские купцы задолго до греков основали торговые колонии на побережье Средиземного моря. Широкою известность имели богатые финикийские города Тир и Сидон.

Жители древнего Тира оказали упорное сопротивление македонцам. С целью разрушения стен города Александр использовал стенобитные орудия. В то время как пехота из числа агриан и пеонов шла на приступ, македонские метатели дротиков и стрелки из луков сбивали со стен Тира финикийских бойцов. И когда на стенах осталось мало воинов, македонцы по заранее изготовленным лестницам взобрались на стены Тира. Штурм города завершился кровавой бойней.

При осаде города Газа в Палестине Александр был ранен. Взяв штурмом город, разгневанный царь приказал убивать всякого встречного, чтобы не уцелел ни один житель Газы. Пленного правителя города Александр повелел привязать живым к колеснице и гнать коней, пока тот не испустит дух. В данном действии Александр явно подражал Ахиллу, который, мчась на колеснице, некогда волочил по земле тело мертвого Гектора, привязанного ремнями за ноги к колеснице. Видя надругательство над телом Гектора, громко рыдали жители Трои. Погиб великий герой — защитник города. В Газе никто не рыдал, все его жители были убиты.

Александр захватил Палестину и двинулся в Египет. Здесь он не встретил сопротивления. Персидский наместник Египта и его войско сдались в плен без боя. В столице Египта — городе Мемфисе Александр был объявлен фараоном — верховным правителем страны и сыном бога Амона.

Бог Амон изображался в виде человека с бараньей головой и рогами. С тех пор древние художники и скульпторы стремились изобразить Александра в шлеме с рогами. И сотни лет спустя Александр остался в памяти народов

Востока как двурогий. Во многих местных преданиях он фигурирует как Искандар Двурогий.

Оракул храма бога Амона предсказал Александру, что он станет владыкой мира. Царь был доволен и не скрывал ликования. Он щедро одарил жрецов храма и принес жертвы богу Амону. Теперь Александр — сын Амона, имел не только земного, но и божественного отца. Вдали от родины, в пустынях Египта многие македонцы поверили в божественное происхождение Александра. Поверили в это египтяне, финикийцы и греки, жившие в Малой Азии. И не случайно неожиданно забил священный родник у храма Аполлона близ Милета. Лишь мать Александра Олимпиада знала о действительном происхождении своего сына, хотя и ей была приятна версия божественного зачатия Александра.

Александр, погасив последние очаги сопротивления в городах Средиземноморья, направился в междуречье Евфрата и Тигра — Месопотамию. На берегу Тигра, у селения Гавгамеллы, македонцев ожидала армия Дария. Шел 331 год до н.э.

Персидский царь собрал огромную армию, усилил ее лучниками из Согдианы, мидийскими щитоносцами и всадниками восточного Ирана. Настало время решающего сражения. В нем отличились бактрийские всадники и согдийские лучники под командованием персидского сатрапа Бесса. Он обошел левый фланг македонского войска, надеясь окружить его. Но легковооруженная конница и пехота греко-македонцев сумела отразить натиск бактрийцев и согдийцев.

Македонская фаланга опрокинула боевые колесницы персов. Александр бросил половину своего войска в образовавшийся прорыв в центре сражения. Фессалийская конница напала на фланги персов. Дарий наблюдал за битвой с колесницы, находившейся на высоком холме, тогда как Александр встал во главе атакующих македонцев. Смешанный строй персидской армии остался в решающий момент без своих предводителей.

Всадники — кочевники Ирана вместо того, чтобы прийти на помощь персидской пехоте, в предвкушении богатой добычи бросились к обозу Александра, который находился в тылу сражения. Боевые порядки персов превратились в оторванные друг от друга воинские подразделения, поэтому македонцы овладели инициативой.

Ожесточенный бой продолжался, персы местами храбро сражались и не все еще было потеряно, тем не менее Дарием овладел панический страх. Великий владыка, последний царь-царей персов вновь обратился в бегство. Воины, управлявшие колесницей Дария, неистово шелкали бичом. Из-под копыт взмыленных коней клубилась пыль. Это паническое бегство было концом Персидской державы. И все же коннице кочевников удалось разграбить македонский лагерь. Александр пытался преградить им путь, но кочевники прорвали заслон. Обстреляв македонцев из луков, они бесследно исчезли в бескрайних просторах Азии.

Сражение было кровопролитным, а число убитых и раненых — большим, но Александр одержал победу. Это была последняя битва с персидским царем.

После победы македонцев следовали погребения павших воинов и жертвоприношения богам, среди которых особое место теперь занимали не Зевс или Афина, а бог Амон.

* * *

После сражения у селения Гавгамеллы армия прибыла в Вавилон — огромный город, знаменитый величественными храмами, изображениями богов и дворцами, оживленными торговыми площадями и многочисленными увеселительными заведениями. Завоевателей Азии встретили как героев-освободителей. Ни один город Эллады, Малой Азии и Египта не мог сравниться с Вавилоном. В нем проживало около 200 тысяч человек. Снаружи город был обнесен рвом и тремя рядами оборонительных стен, первая из которых была из кирпича-сырца, вторая — из обожженного кирпича, а третья — каменная. Македонцы видели немало фортифика-

кационных сооружений, но все они уступали мощным стенам и высоким башням Вавилона. Город мог выдержать длительную осаду.

У ворот богини Иштар начиналась широкая магистральная улица — Дорога процессий богини, ведущая в центр города. Башни ворот были облицованы синими глазурованными кирпичами с изображениями быков и драконов. Александр торжественно въехал в Вавилон на колеснице по Дороге процессий. Ее ширина достигала местами более двух десятков метров, поэтому конница и пехота македонцев вошли в город без особой спешки и суеты.

Над Вавилоном возвышалась громадная ступенчатая башня Этеменанки¹. Некогда сооружение венчали огромные бронзовые бычьи рога, под ними находилось большое спальное помещение бога Мардука и его супруги. Здесь же располагались золотое ложе, кресла и золотые статуи.

Неповторимо красивый город, сады на берегу Евфрата, разделявшего Вавилон на две части, сокровища дворцов и храмов вызывали у македонцев чувство изумления и радости, что все это отныне принадлежит им.

Как свидетельствует древний историк, ни один город не мог сравниться с Вавилоном по испорченности нравов и различным соблазнам. Здесь продавалось почти все, что можно было купить, вплоть до любви. Вавилон славился многочисленными "рынками любви", заполненными необычным товаром — девицами на любой вкус, пользовавшимися большим спросом у солдат Александра.

Около месяца греко-македонцы отдыхали и веселились в Вавилоне. Сюда же прибыл обоз Александра с огромным количеством золота, захваченного у Дария. Большую часть этого золота Александр отправил в Македонию. Он знал, что впереди его ожидают богатства, которые никогда не видели даже бог света Аполлон и бог вина Дионис. Кара-

---

¹ В Библии — Вавилонская башня, по-шумерски — «Дом основания небес и земли», священная часть храма Мардука, верховного бога Вавилона. Общая высота башни в древности составляла 90 м.

ван из десяти тысяч лошадей и пяти тысяч верблюдов, груженный сокровищами, отправился на запад.

Вступая в Иран, Александр воссел на трон Ахеменидов в Сузах, затем захватил другие столичные города персов — Персеполь, Пасаргады и Экбатаны. В городе Пасаргады находился знаменитый дворец, построенный Киром II.

Вавилонские жрецы считали Кира посланником бога Мардука, а греки — великим государственным деятелем. После гибели Кира в битве с массагетами тело его было выкуплено у кочевников и доставлено для погребения в Пасаргады. Этот город располагался на юге Ирана в области Парс, которую греки называли Персида, отсюда и название всей страны — Персия.

Гробница Кира была довольно скромной для великих царей — относительно небольшое по размерам здание с двускатной крышей, возведенное на постаменте из шести каменных плит. Общая высота гробницы составляла более десяти метров (для сравнения — высота пирамиды Хеопса достигает почти 150 м). Вокруг гробницы был прекрасный сад с фруктовыми и другими деревьями, зеленым лугом и цветами. Такие сады-парки, где водились дикие звери и различные птицы, персы называли "парадиз" — райское место¹.

Александр Македонский велел отодвинуть каменную плиту, закрывавшую вход в гробницу основателя Персидской державы. Как рассказывали очевидцы далеких событий, македонцы обнаружили в гробнице набальзамированное тело Кира в роскошных одеждах, покоящееся на усыпанных бесчисленным множеством драгоценностей ложе, окруженном богатым оружием и золотыми сосудами. Александра поразило то, что в сравнении с гигантскими пирамидами египетских фараонов мавзолей великого Кира напоминал простой дом персидского земледельца, хотя был сказочно богато украшен драгоценностями.

---

¹ Видимо, вначале греки, а позднее христиане словом «парадиз» стали обозначать рай.

Македонский царь не стал грабить гробницу Кира, возможно, он думал о том, что если бы он не был Александром, то хотел бы стать Киром. Ведь однажды Александр хотел стать мудрецом Диогеном, беззаботно лежащим под открытым небом и греющимся на солнце. Со знаменитым греческим мудрецом Александр Македонский беседовал перед походом против Персидского царства.

И все же завоеватели полностью разграбили царскую сокровищницу во дворце Кира в Пасаргадах. В этом дворце удачно сочетались здания и колонны из белого и черного камня, как бы напоминая стремление Кира к созиданию и разрушению.

В знаменитом городе Персеполе¹ располагался жилой и парадный дворец Дария I и его сына — Ксеркса. Потолок зала парадного дворца поддерживали более семидесяти каменных колонн. В нем происходили царские приемы и пиры, а также торжественные церемонии преподношения царю подарков. Здесь же персидские цари встречали первый день Нового года — Навруз.

Дворец строился в течение десятков лет. Он стоял на искусственной террасе, облицованной громадными каменными блоками, и возвышался над равниной. В него можно было войти по широкой парадной лестнице, насчитывающей сто десять ступеней. Двери дворца были украшены золотыми пластинами. По обе стороны лестницы на каменных блоках были изображены вооруженные бородатые царские телохранители — "бессмертные". Александра поразил тронный зал ахеменидских царей. Его потолок держался на ста колоннах высотой двадцать метров. Зал мог вместить десять тысяч человек и освещался факелами.

По сторонам лестницы, ведущей в зал, возвышались каменные блоки с рельефными изображениями — охота царей на львов, быки и фантастические животные, придворные и многочисленные слуги, несущие еду, кубки, чаши, сосуды с вином, ягнят и дичь для царского стола. Но самыми величе-

---

¹ Город находился в 80 км к юго-западу от Пасаргады.

ственными были изображения длинной процессии представителей народов, плативших дань персидским царям. Художники попытались передать особенности их одежды, вооружения и черт лица. Казалось, что здесь изображены представители всех народов мира.

Интересно, что среди данников были изображены фракийцы, ведущие за собой коня, и македонцы, несущие копья и щиты. Видимо завоеватели не обратили внимания на эти изображения, и они сохранились до наших дней.

В Вавилоне, Сузах, Экбатане, Пасаргадах и Персеполе при дворцах-резиденциях персидских царей находились сокровищницы, в которые из разных стран поступали золото, серебро, драгоценные камни, слоновая кость, оружие, ковры, ткани, одежда и продукция сельского хозяйства.

Громадная сокровищница в Персеполе состояла из 110 помещений-хранилищ. Она функционировала в течение 160 лет, пока не была захвачена Александром Македонским. Завоеватели, выносившие из сокровищницы драгоценности, оставили в ней немало вещей, казавшихся им не столь значительными. Многие столетия спустя археологи нашли здесь изящные керамические вазы, бронзовые сосуды, оружие, стеклянные изделия, вавилонскую скульптуру и греческую мраморную статую, более трех десятков монет, которые обронили македонцы при грабеже Персеполя, а также ассирийский кубок из гранита, некогда принадлежавший знаменитому царю Ашшурбанапалу — создателю большой библиотеки ассирийских и вавилонских мифов, записанных на глиняных табличках. На кубке сохранилась надпись с именем царя.

Каждая сатрапия имела свою местную сокровищницу, из которой выплачивали жалованье воинам, выдавали различные товары и продукты (зерно, масло, вино, скот). При сокровищницах располагались пекарни. Надзор над ними осуществлял сатрап — правитель страны или области. Возможно, что частью такой сокровищницы является крупный бактрийский клад, известный как Амударьинский, или клад Окса. Ныне он хранится в Британском музее. Клад Окса был найден в 1877 году на землях Кобадиянского бекства

в Южном Таджикистане. В фонды музея попало около 180 драгоценных изделий из клада и большое количество монет V—IV вв. до н.э. Путешественник, побывавший в Кобаданском бекстве через два года после находки клада Окса, писал, что местные жители часто находят на развалинах городища Тахти-Кават драгоценные изделия, что здесь "постоянно копаются несколько десятков человек, отыскивая клад; по преданию, какой-то человек закопал там идола в рост человека и вылитого из золота тигра ..." Интересно, что живые тигры еще водились тогда в зарослях поймы Амударьи, Вахша и Пянджа.

Не исключено, что с приближением македонцев к границам Бактрии драгоценные изделия и монеты из сокровищницы этой страны были вывезены в отдаленные районы. Поэтому многие драгоценности Бактрии так и не достались Александру Македонскому. Они все еще находятся в забытых тайниках.

В Пасаргадах и Персеполе происходила коронация царей. Согласно древнему обычаю, персидские цари, вступая в эти города, дарили всем встречным женщинам по золотой монете. И наоборот, когда царь проезжал мимо домов персов, то хозяева, в зависимости от достатка, дарили царю оружие, ковры, быка или овцу, хлеб и фрукты. Особо отличившимся воинам, полководцам и приближенным персидские владыки дарили коня с золотой уздечкой и драгоценный браслет. Цари обожествляли золото. Во дворце в Сузах над царским ложем была протянута золотая виноградная лоза, украшенная алмазами. В спальне находились также деревья, изготовленные из золота.

Древнегреческий историк Ктесий, служивший придворным врачом царя Артаксеркса II, писал, что ежедневно во дворце за счет царя питалось несколько тысяч человек. Для трапезы забивали сотни голов скота — быков, оленей, лошадей и овец, а также множество птиц. К обеду подавали хлеб из пшеничной и ячменной муки, сыр, вино и фрукты. Во время обеда играла музыка, танцовщицы плясали и пели.

Царь ел обычно вместе с царицей и своей матерью в скрытой от постороннего взгляда отдельной комнате. Закончив трапезу, женщины уходили в свои покои, царя окружали танцовщицы. Он пил вино и веселился, гордо восседая на ложе с золотыми ножками, восхищаясь жизнью, богатством, властью и своей необходимостью.

Александр захватил в Персеполе царскую сокровищницу, состоявшую из бесчисленного количества золотых и серебряных изделий и золотых монет. Многие из них принадлежали Дарию I, который за сто девяносто лет до прибытия Александра Македонского в Персеполь заложил фундамент роскошного дворца.

Именно Дарий I и Ксеркс когда-то пытались завоевать Элладу, поэтому Александр решил уничтожить персепольский дворец и тем самым отомстить персам за деяния их предков. Царь первым взял в руки факел и поджег прекрасные ковры дворца. Вскоре огонь охватил деревянные перекрытия строения. Быстро распространявшееся пламя поглощало одно помещение за другим. Парадный и тронный залы персидских царей оказались в стихии сплошного огня. В это время поджигатели дворца поднимали кубки вина за конец войны отмщения персам. Утром Александр отрезвел и распорядился погасить последние угольки пожара. Но великолепный дворец сгорел.

О мощи бушевавшего некогда огня свидетельствуют археологические раскопки. На полу здания выявлен метровой толщины слой пепла от сгоревших кедровых балок, которые поддерживали потолок дворца.

Многие, кто писал об Александре как о строителе и основателе новых городов, видимо, никогда не видели разрушенных им городов, подобных Тиру или Персеполю.

Ныне от огромного дворца персидских царей сохранились многочисленные руины. Факел, зажженный Александром, не смог до конца уничтожить рельефные изображения персидских богов и царей, воинов и подданных народов. Сохранилась также незаконченная гробница Дария III.

Утренние лучи солнца по-прежнему освещают многочисленные приемные покои, обширные залы для торжеств и пиров, могучие колонны дворца. Здесь царствуют тишина и печаль. Развалины чередуются друг за другом на сотни метров. На закате солнца на дворец опускается зарево далекого пожара, которое удивительно напоминает пламя над Персеполем, бушевавшее здесь многие столетия назад.

Жители окрестных селений, ежедневно собирающие хворост на равнинах Персеполя у горы Кухи Рахмат — горы Милосердия, не обращают внимания на величественные руины дворца и зарево заката. Они, думая о хлебе насущном, едва ли помнят о тех, кто строил и разрушал дворец. Эти мудрые труженики хорошо знают простую истину — на нашей вечной земле слишком много жизни и смерти, и все, что возводится, затем разрушается или человеком, или временем. Видимо поэтому труженики селений Персепольской равнины живут не одними лишь воспоминаниями о прошлом, каким бы оно ни было — героическим или трагическим.

Это правда, но также вечен вопрос о земном бытии. Где-то в дальнем краю есть селение у горной реки. С одного берега ее — узкая равнина, а с другого — предгорные холмы. Зимой они белые, весной — зеленые, а летом — серые. И лишь поздней осенью, когда увядает любой цвет, открывается ясный вид на гору с ровной и гладкой поверхностью на ее вершине. Вся она покрыта извилистыми красными линиями, словно когда-то здесь струилась кровь.

Человек живет так же, как дерево, меняя цвет весны, лета и осени, до зимы. Единственное различие, видимо, состоит в том, что дерево всегда живет и умирает стоя, если его не свалит буря и не срубит человек.

ПАРОПАМИС-ГИНДУКУШ

*Страна лежит в сверкающей близине
снегов и застывшего льда. Не присядет и
птица, не пробежит через дорогу зверь.
Все неприветливо и неприступно в этой
стране.*

ДИОДОР

Весной 329 г. до н.э. армия Александра Македонского достигла горного хребта Паропамис. Вершины суровых гор упирались в небо и были покрыты вечными снегами. Недоступные человеку синее небо и величественные горные вершины были воплощением неизведанности и чистоты. Македонцы никогда ранее не видели таких могучих гор. Они полагали, что Паропамис — это часть Кавказского хребта, где бог-кузнец Гефест по велению Зевса приковал к скале Прометей.

И когда проводники из Арахосии¹ показали эллинам огромную мрачную пещеру, Александр решил, что именно здесь был прикован Прометей. Солдаты затем рассказывали, что нашлись даже следы цепей и гнездо могучего орла, ежедневно терзавшего Прометей. Ликованию эллинов не было предела. Им казалось, что они дошли до отдаленных мест, до которых добирались лишь Дионис и Геракл.

Согласно греческим мифам, веселый гуляка Дионис странствовал по всему свету. Однажды, взяв с собой виноградную лозу, он отправился в Индию. Диониса сопровождала дикая толпа хитрых и похотливых сатиров², которые резвились в лесах. Весело шел по горным долинам Дионис. За буйным шествием ехал на осле старик Селен — мудрый учитель Диониса. Он был пьян и добродушно улыбался. Молодые сатиры шли рядом и поддерживали старика, чтобы он

---

¹ Древняя область в Южном Афганистане.

² Духи греческих лесов, изображавшиеся в лошадином или козлином облике.

не упал с осла. На склонах Паропамиса был устроен пир, который продолжался несколько дней. В одной из пещер Дионис якобы оставил ветку виноградной лозы и кувшин крепкого вина. Местные жители нашли кувшин и выпили его содержимое. С тех пор азиаты научились выращивать лозу, делать вино и пить его не разбавленным водой, к чему со временем пристрастились в Азии и сами греки.

Что касается Геракла, то он прибыл сюда, чтобы освободить Прометея. Он поразил орла-злодея стрелой прямо в сердце. Говорят, что с тех пор горцы считают хищного орла врагами людей. Поэтому они сжигали гнезда стервятников горящими стрелами. Вспоминая все это, солдаты Александра Македонского, здесь, на рубежах Азии, становились участниками древних мифов. Вначале перехода через Паропамис зелень предгорных холмов и первые весенние цветы вызывали у них прилив сил, вдохновение и чувство радости.

У горного ущелья, на мосту через бурную реку, македонцы увидели странные деревянные скульптуры, изображавшие всадников верхом на конях. Эти памятники были установлены в честь погибших воинов. Они охраняли мост и являлись объектом поклонения бактрийцев. Александр приказал сжечь скульптуры. Он не считал, что мертвые могут вознаграждать за почитание памятников и мстить за их поругание. Мечь усопших бактрийских воинов проявится на вершинах Паропамиса.

Македонцы быстро продвигались вперед. Но чем выше становились горы, тем меньше оставалось сил и вдохновения. И уже через несколько дней после начала перехода у вечных снегов и льда многие воины отморозили ноги. Ночью от мороза и холодного ветра их не спасали костры, палатки и навесы гротов. Днем солдаты слепли от ярких высокогорных лучей солнца, сверкания снега. У многих болели и слезились глаза, а другим казалось, что они ослепли навсегда.

Утомленные переходом воины, проклиная бактрийского бога зимней стужи, чтобы как-то перевести дух и отдохнуть,

падали прямо на снег. Через некоторое время мороз сковывал их с такой силой, что несчастные уже не могли подняться сами без посторонней помощи. Отставших в пути солдат бичом поднимали со снега и льда, заставляя двигаться вперед. Александр видел это печальное зрелище — холод, утомление, отчаяние. Он вынужден был обходить войско, подбадривая уставших воинов. Царь говорил, что сама богиня дикой природы — Артемида разрешила им перейти через Паропамис. Осталось совсем немного пути, солдаты должны напрячься, собраться с силами и сделать последний бросок.

Македонцы верили Александру. Ведь больше всего Артемида любила носиться по горам. Она была богиней-девственницей и поэтому не терпела вторжения мужчин в свои владения. Лишь завоевателям Азии Артемида позволила сделать это. Но Александр не сказал солдатам всей правды. Он был уверен в том, что в походе армию сопровождает богиня-воительница Афина. И хотя она была такой же убежденной девственницей, как и Артемида, Афина взяла с собой Эос — любвеобильную богиню утренней зари.

Поход на Восток и первые сражения показали, что армия Александра Македонского была более подвижной, чем персидская. Обоз македонцев состоял из вьючных животных, которые везли тяжелое вооружение, палатки, плащи и другое военное снаряжение. В этих целях также использовались носильщики. Обычно они несли тяжелые длинные копья. Дария, напротив, сопровождали многочисленные громоздкие обозы с запасами продовольствия и царский гарем с огромным количеством ковров и одежды, посуды и украшений, а также евнухов, слуг и поваров. В походе впереди персидской армии несли священный огонь, за которым шли жрецы — маги, распевавшие религиозные гимны. Далее ехали колесницы, украшенные золотом и серебром, в которые были впряжены белые кони. За колесницами шли десять тысяч "бессмертных" воинов в богатых одеждах, расшитых золотом и украшенных драгоценными камнями. За ними следовали пешие воины и конница. Царь

обычно ехал в колеснице в середине войска. Царскую колесницу с обеих сторон украшали статуи богов из золота и серебра. Между этими статуями находилось изображение парящего орла. За армией персов гнали стада скота, табуны лошадей и верблюдов. Македонцы добывали пропитание для себя и фураж для лошадей по мере продвижения в глубь Персидской державы и завоевания все новых городов и областей Азии. Однако чем дальше шла армия Александра на Восток, тем больше обоз македонцев становился похожим на персидский. Все больше места в нем занимали награбленное добро, слуги, ремесленники-оружейники, пленные воины и женщины, захваченные в Азии, а также рожденные ими в походе дети македонских полководцев и солдат.

Рассказывали, что греческий наемник Мемнон, служивший у Дария III, предлагал персидскому царю использовать против македонцев тактику, которую применили скифы Причерноморских степей в войне против Дария I в 512 г. до н.э. Они избегали открытых столкновений и крупных сражений с персами. По мере приближения врага кочевники отступали в глубь страны. Они уничтожали запасы кормов, продовольствия и источники питьевой воды. Персы, теряя силы, отчаянно преследовали противника. Постоянные жажда и голод, болезни воинов и участвовавшие внезапные набеги летучей конницы скифов заставили персов отказаться от мысли покорить кочевников. Дарий I повернул армию назад. У царя был горький опыт. Несколько раньше точно так же с персами воевали массагеты Средней Азии.

Но Дарий III не принял плана Мемнона, скифской тактики выжженной земли и трагически поплатился за это.

Александр столкнулся с новой тактикой ведения войны на подступах к Бактрии. Как сообщает древнегреческий историк Арриан, бактрийский правитель Бесс опустошил земли у подножия Паропамиса — Гиндукуша, "пустыня, в которую он превратил область, должна была, по его расчетам, удержать Александра от продвижения вперед". На пути следования македонцев не оказалось провианта. Земледель-

ческие поселения и дома-усадыбы были заброшены. Противник увел стада с предгорных пастбищ. Македонская армия, спустившаяся с горных перевалов в Бактрийскую равнину, до отчаяния была ослаблена многодневным утомительным переходом через суровый Гиндукуш. При переходе через горы пало много лошадей. В армии не хватало продовольствия и средств передвижения. Но бактрийцы не рискнули напасть на македонцев. Отступая, они думали измотать противника, однако Александр не повернул назад. Царя уже не могли остановить ни реки, ни пустыни, ни горы. Он шел вперед, навстречу славе, туда, где идут золотые дожди. Страной золотых дождей считалась Индия, которая сверкала золотом и жемчугом. Никто не мог тогда представить, что в этой стране вместо сказочных богатств их ожидают непрекращавшиеся неделями ливни, сырость и слякоть индийских джунглей, кишаших ядовитыми змеями.

С высоты Гиндукуша открывался вид на благодатную Бактрийскую равнину. Десятки рек, начинавшихся в горах, разбегались в разные стороны. Реки дарили жизнь многочисленным полям и садам. Равнина была сплошным земледельческим оазисом, где чередовались поля, селения и ирригационные каналы.

Восточные границы Бактрии окружали высокие горы. Они словно подчеркивали, что где-то здесь начинается край земли. На западных окраинах страны простирались степи и пустыни. Через эти бесконечные просторы протекал великий Окс. К северу за бактрийцами проживали согдийцы, в низовьях Окса — хорезмийцы, в степях и пустынях обитали кочевники-саки и массагеты. Это был совершенно иной мир, традиции и обычаи которого отличались от египетских, месопотамских и персидских. Некогда в этих краях проповедовал Заратуштра. Он призывал к миру, добру и созиданию. В Бактрии, Согдиане и Хорезме священными считали землю, воду и огонь. Им поклонялись и приносили жертвы. Люди верили в конечную победу добра над злом. Именно эта вера объединяла их, когда необходимо было защищать свою землю от врагов. И когда разгоралась война против

завоевателей, то из этой среды выходили яркие личности, возглавлявшие борьбу за свободу родины.

Такой была царица Томирис, разгромившая в бою великого персидского царя Кира, таким был и Ширак, заманивший армию Дария I в знойную пустыню, в которой погибло большое число персидских воинов.

Геродот, рассказавший о походе Кира на саков-массагетов, подробно описал события минувших веков. В труде историка содержатся данные о жизни и быте массагетов. Как писал Геродот, они верили лишь в одного бога — Солнце. Ему массагеты приносили в жертву коней, полагая, что самому быстрому богу не свете необходимо приносить в жертву самое быстрое земное существо.

Саки и массагеты не раз проявляли себя как искусные воины. Они стояли в центре боевой линии персидской армии и отличались храбростью в знаменитой Марафонской битве в 490 г. до н.э. Неизвестно, знал ли об этом Александр Македонский. Однако, вторгаясь в новые, неведомые просторы Азии, македонский царь не предвидел серьезной угрозы войны против него. Не встречая большого сопротивления, македонцы прошли от Вавилона до Паропамиса. Они без боя взяли столицы Персидского царства — Сузы, Персеполь и Экбатаны. Лишь Фратаферн в Гиркании¹ и другой сатрап персов — Сатибарзан в Арии² пытались организовать сопротивление, но македонцы легко расправились с мятежниками. Теперь Александр был уверен в том, что кто решится бороться против него, должен признать свои ограниченные возможности. Эти возможности, несомненно, были ограничены в военном отношении, но когда у человека хотят отнять землю, веру и жизнь, то даже самый невоинственный обнажает меч, чтобы доказать, что он человек.

Александр думал, что, разбив Дария, он покончил с его государством. Свобода в Элладе ценилась превыше всего,

---

¹ Область на юго-восточном побережье Каспийского моря.

² Область в долине реки Герируд в Афганистане.

но к ней стремились и народы, покоренные персами. Бактрия и Согдиана более двухсот лет находились в составе Ахеменидской державы. Это были одни из самых богатых стран, покоренных персами. Не случайно поэтому бактрийцы, согдийцы и хорезмийцы в числе других народов, плативших дань персидским царям, были изображены на каменных рельефах Персепольского дворца с дарами — кубками, оружием, тканями — они ведут за собой скот, коней, овец и верблюдов. Для строительства дворца Дария I в Сузах из Бактрии было доставлено золото, из Согдианы — драгоценные камни — сердолик и ляпис-лазурь, а из Хорезма — темно-синяя бирюза.

Александр доброжелательно принял в свое окружение персидских вельмож. Даже мятежник Фратеферн был милостиво помилован, ему царь вернул управление Гирканией. Лишь правитель Арии — Сатибарзан не сдался Александру. В последнем бою, когда македонцы окружили арийцев, Сатибарзан вызвал на поединок самого сильного македонского воина, который оказался более удачливым. Его копье сразило Сатибарзана.

Пожалуй, лишь Мемном, жители Тира и Сатибарзан оказали Александру достойное сопротивление. Когда со всеми было покончено, казалось, что в Бактрии и Согдиане уже не найдутся военачальники, которые смогут противостоят Александру Македонскому. И эта мысль была приятна царю. Он надеялся найти здесь взаимопонимание, так как считал себя освободителем народов Азии от персидской власти. Но прежде всего Александр должен был объяснить своим полководцам и простым воинам, почему он, не закончив войну, упорно идет к границам земли. И этому нашлось довольно простое объяснение. За Окс бежал правитель Бактрии и Согдианы Бесс, правая рука персидского царя. С ним ушли остатки разбитой армии Дария. Александр не считал Бесса серьезным противником. В течение нескольких месяцев он собирался покорить народы, живущие за Оксом, а затем начать поход в Индию.

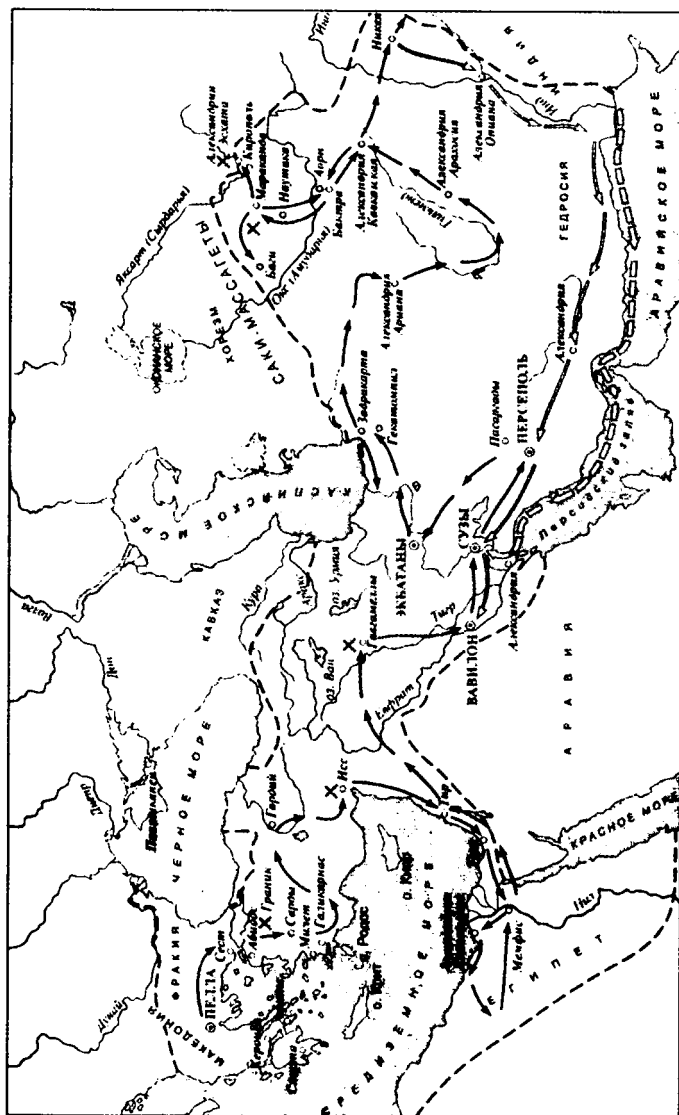

Рис. 2. Походы Александра Македонского.
 Примечание: стрелкой указано направление движения греко-македонской армии.

После труднейшего перехода через суровый Гиндукуш македонцы направились в столицу Бактрии — легендарный город Бактры¹.

В благодатной равнине реки Бактр тысячи воинов неожиданно стали очевидцами преследования стаей диких собак грациозного бактрийского оленя. Прекрасный олень, закинув на спину длинные рога, несясь словно ветер, но собаки не отставали и мчались за ним. Это было новым знаменем на неизведанной земле. Александр вспомнил историю об Актеоне, который охотился в цветущей долине Беотии. Порядком уставший Актеон в поисках прохлады и отдыха вошел в сказочный грот, обвитый зеленью. Он не знал, что этот грот часто служил местом отдыха Артемиды. В нем Актеон увидел обнаженную Артемиду, которая готовилась к купанию. В гневе богиня превратила Актеона в оленя и натравила на него собственных собак охотника, которые не узнали своего хозяина и с яростным лаем бросились за ним. И так же, как бактрийский олень, несясь олень — Актеон, через поля и леса, закинув на спину рога, но собаки достали его.

Актеон — единственный из смертных, увидевших необычную красоту Артемиды — дочери Зевса, погиб в страшных муках. Его товарищи охотники, подоспевшие к месту трагедии, искренне радовались добыче и жалели, что нет Актеона рядом с ними при такой удаче. Коварна богиня судьбы.

Александр не считал бактрийского оленя вторым Актеоном, поэтому приказал фракийским всадникам догнать собак и спасти оленя от неминуемой гибели. Как и в случае с пещерой в горах Паропамиса, где нашлись следы пребывания закованного Прометея, так и в случае преследования бактрийского оленя дикими псами, вновь и вновь повторялись эпизоды мифов древней Эллады. Они как бы напоминали, что пришло время создания новой истории, не менее величественной и героической.

---

¹ Руины города погребены под современным Балхом.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОКС

Александр прибыл в Дрансак, дал войску отдохнуть и повел его на Аорн и Бактры: это самые большие города в бактрийской земле.

АРРИАН

Раскаты грома. Песнь весны. По узким улицам Бактры текут мутные ручьи. Город словно вымер. Или горожане испугались грозы и заперлись в глинобитных домах? Не светился раскаленный металл и не раздавался стук наковальни в кузницах. Гончары не месили глину, не крутили круг и не разжигали огонь в обжигательных печах. Лавки мукомолов, медников и ткачей были закрыты. Опустела рыночная площадь. Не развлекал толпу масхарабоз — сатир в маске и разноцветном, пестром одеянии и не играл на струнном инструменте слепой музыкант. Где шум и разноголосая речь большого города? Лишь иногда, в поисках укрытия от дождя, по улицам пробегали мокрые нищие да собаки.

Но вот будто по велению богини вод и земли Анахиты дождь перестал. Черные тучи медленно уползли за горизонт. Над пригородом появились островки синего неба. Огромной дугой засветила радуга. Все кругом ожило. Но город не радовался солнцу. Его улицы по-прежнему были пусты и печальны.

Да и чему радоваться, если неделю назад в Бактры вошла армия Александра. Никто не оборонял города. Его взяли без боя. Бесс — сатрап Бактрии вовремя покинул столицу. Многие горожане бежали из Бактрии. Богачи припрятали драгоценности. Купцы увели караваны. Ремесленники закрыли лавки. Торговцы разбежались.

Старейшины и жрецы открыли Александру ворота города. Горожане предпочли укрыться за толстыми стенами глинобитных домов, однако завоеватели не стали жечь и грабить Бактры. Но чем отличается волк от шакала, новый хозяин от старого? Все одно — хищник.

Давным-давно (об этом смутно помнят даже седобородые старцы, да и они, в свою очередь, когда-то слышали это от старших) к стенам Бактры подошел Кир — иранский царь. С тех пор в стране хозяйничали персы. Перс из рода Ахеменидов, обычно брат или дядя царя, правил бактрийцами. Лучшие воины Бактрии гибли на полях сражений персидской армии. Бактрийцы воздвигали для завоевателей дворцы и храмы, строили дороги, рыли каналы и изготавливали оружие. Персы собирали плоды щедрой бактрийской земли. Чего ликовать, когда одних господ заменили другие?

...Из цитадели вышел отряд пеших легковооруженных агриан, которые, сверкая на солнце шлемами и панцирями, направились в сторону Северных ворот. Сквозь щели деревянных дверей — дарчи за воинами Александра наблюдали десятки испуганных и любопытных детских глаз. Александр приказал усилить охрану города.

За мощными стенами цитадели, возвышавшейся над жилыми кварталами Бактры, находился дворец Бесса — жилые покои, казарма и хозяйственные помещения. Здесь некогда устраивались пышные встречи персидским царям. В приемном зале теперь восседали их победители.

Царь заметно осунулся. На его волевом лице появились неглубокие морщины. Александра называли сыном бога, но он во многом был похож на простых македонцев. Открытый лоб, светлые брови и глаза, небольшой рот и крупный подбородок. Из-под бронзового шлема царя выбивались пряди рыжеватых волос. На широкие плечи был накинута походный плащ. Этот человек сделал многое, что не удавалось сотням эллинов, достойных почетного места на горе Олимп.

По правую руку от Александра сидел друг его юности Птолемей Лаг — опытный полководец. Слева от царя расположился широкоплечий Селевк. Разве мог знать Александр, что после его смерти они разделят державу на части и положат начало крушению нового царства? Далее от Птолемея и Селевка расположились ближайший спутник царя — красавец Гефестион и Клит — брат кормилицы Александра Ланики. У них незавидное будущее. На совете также при-

существовали Каран, Кратер, Кен, Филота и еще несколько командиров. Некоторые из них проведут остаток жизни в нищете. Но это все только будет. А сейчас они, богатые и сильные, обсуждают важные дела. Совет несколько затянулся. Александр внимательно слушал полководцев, но не принимал участия в споре.

Покорена еще одна область Востока — Бактрия. Оставались Согдиана и Индия. Но стоит ли углубляться в неизведанные просторы Азии? Ведь землям варваров нет конца. Никто из эллинов не хотел бы вернуться на родину дряхлым старцем. Не лучше ли начать индийский поход, не переходя Окса? Больше всех упорствовали Клит и Филота — сын старого полководца Пармениона. Им давно уже не нравятся "дикие" обычаи Азии. Еще немного, и все станут говорить на языках варваров, распевать их гимны, носить разноцветную одежду и почитать восточных богов. Царь однажды изумил армию, надев персидский кафтан и войлочную шапку. Не случайно улыбался Клит и загадочно смотрел на сводного брата. Он представил Александра с золотыми серьгами в ушах, ведь у персов не только женщины, но и многие мужчины носили серьги.

Александр вспомнил, как на подступах к Бактрийским горам в стан македонцев примчался гонец от ликийца Фарнуха — командира лазутчиков с известием о том, что Бесс убил Дария. Никто не удивился, что гонец столь поспешно прибыл сюда. Царя персов Дария больше не было в живых. Никто из греко-македонцев не собирался оплакивать гибель царя варваров. Они шли по следу Дария не для того, чтобы посадить его на македонский трон в Пеллах или любоваться Дарием на афинской агоре¹. И никто из приближенных Александра не считал поступок Бесса благородным. Было ясно, что Бесс — родственник Дария, поэтому он — наследник престола. Александр не мог простить цареубийства уже потому, что Дария казнил не он, а

---

¹ Площадь для народных собраний, торговых сделок, встреч и бесед горожан.

простой смертный — слуга бывшего повелителя Востока. Ускорить поход! Наказать неприятеля и победоносно пройти по отдаленным сатрапиям персов.

И все же Бесс — не очень серьезный противник. Он может оставаться царем Азии, но только за Оксом. Испугал воробей орла! Но вдруг Бесс пожелает большего?

Варвары умели воевать. Тому же Клиту надоели обычаи, но не золото азиатов. Он слишком быстро забыл, как при Иссе согдийская пехота и сакская конница смешали его ряды. И не приди вовремя на помощь Гефестион, вряд ли Клит улыбался бы и загадочно смотрел на царя. Но к чему воспоминания о счастливых днях варваров? Они давно не те, что при Иссе. Наточи зубы ослу, но он не станет леопардом. Ускорить поход! За Окс, к последней реке Согдианы, за которой начинается либо темная пропасть — земная граница, либо последнее море. Ускорить поход! Ведь греко-македонцам полезно то, что неприятно их врагам. Варвары не трусы и, окрепнув, вновь пойдут на эллинов. Вслед за малымя огорчениями появились бы большие. Не надо ошибок. У Александрида¹ сказано: "Девушки у меня просрочили время вступления в брак". Так и Александр мог просрочить время завоевания Согдианы.

Кто спорил или молча присутствовал на совете, — все подчинятся воле царя. Очередные лавры и слава. Кому меньше, а кому больше. Но Окс до Александра переходили два царя. Первый лишился головы, а второй бежал, сломав ее. О северных походах Кира II и Дария I Александру было известно по рассказам Аристотеля.

Два царя потерпели за Оксом поражение. Настал черед третьего? Не так ли дерзко думали Клит и Филота?.. Но это были цари варваров, и у них было не войско, а рабы, воевавшие против подобных себе. Цари варваров? Однако все же цари, подчинившие некогда десятки стран. И они когда-то считали себя потомками великих богов. Рабы? Но оружием азиаты владели весьма неплохо, если сумели по-

---

¹ Древнегреческий драматург. IV в. до н.э.

корить греческие города в Малой Азии. И скорее моря уйдут под землю, чем за время созревания плодов удастся завоевать Согдиану. Не так ли дерзко думали Клит и Филота?

Александр побледнел. Пора бы закончить споры. Только трусы укрываются от боя. Аристотель однажды сказал, что бедствий далеких люди не особенно боятся. Кто думает о неизбежной смерти в старости? Если она не близка, то никто. Но предстоящий поход погубит многих. И кто страшился этого, тот давно был сыт по горло речами, устал от свиста вражеских стрел и даже с почестями, достойных богов Олимпа, не хотел остаться мертвым на земле варваров. Такие могли бы воскликнуть: "Довольно! Вы как хотите. Спорьте до хрипоты. Пойте гимны. Идите за Окс, Яксарт¹ и еще дальше... С нас же хватит!" Но кто осмелится сказать об этом? Бледное лицо Александра приводит всех в трепет.

Неужели в Бактрах рухнет мечта царя стать властелином мира? Надо действовать. Пообещать. Успокоить толпу, а кое-кому заткнуть крикливую глотку.

В зале приутихли. Стратеги доверились царю и слушают его. Александр говорит, что некоторые из старых полководцев дрожат от страха не для того, чтобы больше казаться дряхлыми. Они давно не молоды, заслужили покой, желая вернуться на родину, чтобы спокойно умереть. И если ветераны не хотят смерти в Азии, то пусть не делают ничего, достойного ее. Царь также устал и боится погибнуть. Ему не стыдно сознаться в этом, разве он бессмертен? Стыдно трусу. И Александр тоскует по родине не меньше остальных. Но не присутствующие ли на Совете стратеги повели воинов в Азию? Выходит, они обманули их? Мало кто из полководцев вспоминает соратников, погибших в восточных войнах и оставшихся на земле варваров. Живые думают только о себе. На войне погибают не только седые мужи, но и юноши. Армия знала, с какой целью идет она в Азию.

---

¹ Сырдарья.

Персы десятилетиями угрожали грекам, македонцам, фракийцам и другим балканским племенам. Падение Афин привело к тому, что горожане вынуждены были ходить по окрестным селениям в поисках куска хлеба. Стратеги забыли о чудовищном походе Ксеркса. Александр объявил войну, чтобы навсегда покончить с величием Востока. Вот уже пять лет, как пол-Азии у ног сына Филиппа. Чужой хлеб, вино и золото. Чем плохо? Боги помогают царю. Однако не успел он сбить золотую корону Дария, как ее надел Бесс. Но не участь Александра висит на волоске, а участь Бесса.

Александр призывает всех к терпению. Еще немного, и покорители Востока покончат с варварами навсегда. Они установят в Азии свои порядки, диктуя местному населению свою волю, чтобы потомки варваров помнили об этом днем и ночью и никогда больше не посягали на свободу эллинов... Царь имеет право выбирать деяния во славу каждого полководца и солдата, на то он и царь. И Клит стал слишком раздражительным. На севере он останется в первой же согдийской крепости. Филоте Александр доверит охрану дороги из Бактр в Персеполь...

Сын Пармениона вздрогнул. Уж слишком зловеще прозвучали слова царя. Не ослышались ли полководцы? Какому унижению подвергает царь Филоту? Словно Александр забыл, что Филота командовал отборной македонской конницей, а его отец Парменион руководил всей пехотой армии. Да, так было в Анатолии, Египте и Месопотамии, когда командные посты в армии занимали лучшие полководцы Филиппа. В Бактрии Александр все больше доверял друзьям своей юности. Поэтому Птолемей и Гепестион не удивились решению Александра.

После захвата Вавилона, а затем и Персеполя стало ясно, что некоторые полководцы перестали разделять планы царя, получив удовлетворение от уже достигнутой славы и награбленного добра. Свежа память о заговоре Александра Линкестийца, зятя Антипатра, старого полководца Филиппа, который раскрыли в Ликии. Это он, командир фессалийской конницы и доверенное лицо царя, обещал владыке пер-

сов Дарию убить сына Филиппа. Александр, опасаясь, что Антипатр — наместник Македонии поднимет в тылу восстание, не казнил тотчас Линкестийца, как казнил его братьев, участников убийства Филиппа.

Пришло время мстить! Тот же Филота вел недостойные речи в Малой Азии, приписывал себе и отцу военные успехи македонцев. Но самое главное — за Парменионом, Филотой и его братом Никанором могли последовать командиры и солдаты, все чаще думавшие о родине и все реже о восточных границах ойкумены, куда неудержимо шел молодой царь.

После трехлетнего заточения Александр Линкестиец был казнен в небольшом иранском селении. Антипатр не осмелился осудить царя. Слишком рано овдовела любимая дочь наместника Македонии.

... Царь предлагает налить полные чаши за удачный согдийский поход! Полководцы наполнили вином кубки и встали. Наступила тишина. И вдруг, когда Александр спросил, кто недоволен решением совета, утвердительно ответил Клит. Александр вновь побледнел, но сдержался.

Клит говорит, что чем дальше армия идет на Восток, тем чаще они забывают о демократии. Александр удивлен. Разве не обсуждают они важные вопросы на совете вместе? Царь говорил о походе за Окс еще в Персеполе. Разве Клит не был согласен тогда с решением Александра? Царя поддерживает Селевк, замечая, что из различных суждений полководцы выбирают одно-единственное — поход за Окс!

Клит не унимается. Совет сидит не перед Дарием, а перед его победителем, поэтому он — сподвижник Александра — имеет право на свои суждения. Эллы оказали услугу и тем азиатам, которые остались и последовали за ними, и тем, которые бежали от них. Первым царь сохранил большие земли, дома и рабов, а у вторых еще достаточно земель для сооружения домов. Так пусть строят они новые замки за Оксом. Совет здесь еще спорит, а Александр все уже давно решил. Он ставит во главе Бактрии перса Артабаза. Но почему царь не спросил об этом у других?

Клит говорил дерзко, он словно опьянел от своих безумных речей. Он пьян, но не больше Птолемея, Селевка и Кратера. Он хотел быть Александру другом, а не псом... Что же хотел Клит еще? Совсем немного, чтобы все осталось так, как в садах Пеллы¹, когда они носили деревянные мечи...

Равенства?! Но разве царь обижает и притесняет свое окружение? Разве он запрещает высказывать мнения? Разве у Клита мало золота? Разбивая толпы варваров, он достиг воинской доблести. Клит богат и знаменит, но слишком горч. Люди, быстро достигшие величия, так же скоро могут и потерять славу. Совет не одобряет его поступков. Александр — царь, а Клит лишь командир первой "царской" илы². Тот же Филота руководил всеми илами греко-македонской конницы, а их было восемь. Было все ясно. Сын Филиппа, бога Амона и вавилонской богини Иштар, много не говорил. Он вновь покорил стратегов.

Птолемей и Гефестион завтра выступают. Их подразделения подготовят переправу через Окс. Больные и слабые останутся в Бактрах, и Артабаз — во главе гарнизона. Армию следовало привести в боевую готовность, воинам выделить из царской казны драхмы³ сверх нормы и объявить, что азиаты из Согдианы готовятся напасть на македонцев. Командирам проследить за порядком. Нарушителей дисциплины наказывать на месте.

Утром небольшой отряд Филоты ушел из Бактры на юг, в отдаленную крепость у дороги в Персеполь. Гоплиты Птолемея и конница Гефестиона — на север к Оксу. За Бактрами отряд Гефестиона отделился и повернул на юг, за Филотой. Через день к Оксу двинулись основные силы македонцев.

Александр в окружении агемы — царской конной гвардии — ехал в середине войска за тяжелой пехотой. Гефес-

---

¹ Столица Македонии.

² Конная часть.

³ Драхма — древнегреческая мера веса, 4–5 г золота.

тион не заставил себя ждать и нагнал армию у небольшой реки, впадавшей в Окс.

Филоты больше нет в живых. Следов не осталось. Похоронил ли его останки Гефестион, как подобает хоронить эллинов? Военские почести были соблюдены. Правда, Филота просил перед смертью, чтобы его тело не было предано земле, а как подобает обычаям предков, сожжено на погребальном костре, и прах развеян над бактрийской рекой. Он надеялся, что река принесет его бранные останки к берегам Эллады (Скорее всего в Окс и Согдиану, куда Филота не хотел идти, — подумал царь).

Перед глазами Гефестиона долго еще мелькала картина пленения Филоты, отряд которого настигли в предгорьях у реки Бактр. Филоту связали и привели к Гефестиону. По приказу царя Гефестион лично должен был убить его. Филота не молил о пощаде, а лишь попросил не издеваться над его телом, не предавать его земле варваров. Тело убитого полководца сожгли на огромном костре. Гефестион выполнил просьбу Филоты и в сопровождении траурной песни воинов развеял золу погребального кострища над бактрийской рекой. Земле были преданы ксифос — меч и боевые доспехи казненного.

Еще в Малой Азии Александру донесли на отца Филоты — Пармениона, якобы тот с сыновьями замышляет заговор против царя. Александр не мог тотчас расправиться с лучшим полководцем Филиппа, пользующимся уважением среди простых солдат, имевшим поддержку македонских военачальников. К тому же поход в Азию только начинался, и Александр дорожил опытом таких людей, как Парменион и Филота. Спустя месяц после убийства Филоты, в Экбатанах¹ был зарезан и Парменион. Антипатр промолчал и на этот раз. Действия царя внушали страх. Клита же Александр не тронул. Но через два года царь пронзит его копьем на пиру в цветущих согдийских садах под Маракандой.

---

¹ Город на северо-западе Ирана.

Шел четвертый год 112 Олимпиады¹. Утро. Напрасно опасался Александр. Бесс не стал препятствовать переправе. Он сжег суда и ушел в Согдиану. Противоположный берег Окса был уныл и пуст. Царь приказал начать переправу и сам наблюдал за ней.

Мощно запели походные трубы. Люди закопошились, словно муравьи. К воде двинулись первые ряды воинов. Песчаные берега Окса обваливались и растворялись в мутной воде. Тысячи мешков, набитых соломой, легкие плоты и надутые меха были спущены на воду. Уже давно, со времен Кира и Дария I, через великий Окс не переправлялось такое множество людей.

Что сравнится весной с азиатскими реками? Они бурные и полноводные. Окс рвал шерстяные жгуты, соединяющие меха, и опрокидывал легкие плоты. Несмышленные воины тонули. Несчастливым было трудно помочь. Окс, играя мутной волной, бешенно несясь вперед. Казалось, никто не переплывет эту коварную реку. Но за долгие годы войны македонцы научились многому. Уже не в первый раз преодолевали они бурные азиатские реки. Окс по ширине, как казалось им, уступал разве что Нилу в Египте, но был свирепей и многоводней.

Через пять дней переправы, к полудню шестого, армия выстроилась на покоренном берегу. Командиры подсчитывали потери. Полководцы намечали маршруты движения. Воины вспоминали, как пятнадцать дней штурмовали они горы на пути в Бактры. Тогда Александр, не считаясь с потерями, в труднейших условиях перешел через суровый снежный хребет. Вот теперь переправа через Окс. А сколько еще испытаний впереди? Чужая земля. Всюду поджидала смерть. Люди боялись не то что говорить, но и думать о ней.

Пока армия Александра спешила в Согдиану, до далекой Эллады неведомо откуда долетели слухи, что царь утонул в мутных волнах Окса. Эллина, готовясь к трауру, пришли в уныние. Однако нашелся оратор в Афинах, который успокоил Элладу: "Александр не умер, афиняне, иначе бы весь

---

¹ 329 г. до. н.э.

мир почуял запах его трупа". Это было признание величия Александра. Уже египтяне называли его сыном своего верховного божества Амона. Жители священного города Вавилона преподнесли ему ключи от знаменитых ворот богини Иштар, а воинственные кочевники пустыни Дашти Кевир в Иране привели в дар македонскому царю чистокровных жеребцов. Казалось, что величие Александра признала вся Азия. Но лишь народы, живущие за Оксом, не захотели этого сделать.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

За пять лет восточных войн боевые подразделения Александра Македонского прошли огромные расстояния от Балкан до восточных границ Ирана. Покорители Азии не раз отклонялись от прямого маршрута. Им пришлось завоевывать Сирию и Египет. Продвижение армии затрудняли кровопролитные сражения, осада крепостей и восстания в тылу. Эллинам приходилось преодолевать многочисленные естественные преграды — реки, пустыни и горы. К тому же они не располагали точными географическими сведениями о многих областях Азии.

Весна 329 г. до н.э. Путь армии Александра пролегал в Согдиану из Ирана через снежные перевалы Гиндукуша. Греко-македонцы захватили столицу Бактрии город Бактры, а также крепости Аорн и Драпсак. От Бактр до Мараканды (Самарканда) по прямому направлению — не менее 15 дневных переходов. В древности один дневной переход измерялся разными показателями. По Геродоту он равнялся 150 стадиям, или 5 парсангам, что составляет около 28 км.

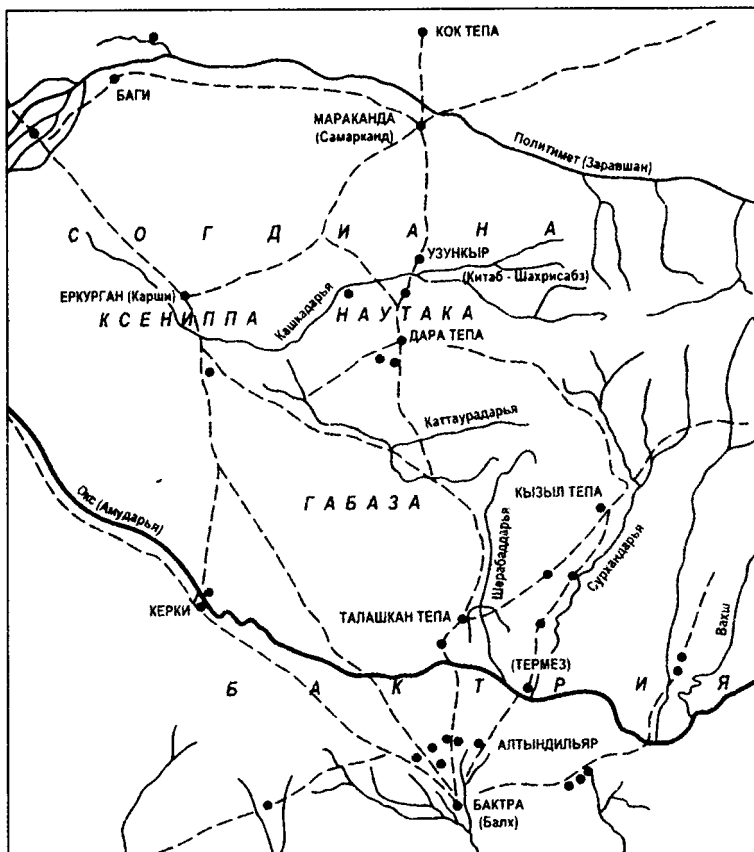
Точный маршрут движения армии Александра в Согдиану в письменных источниках не указан. Предполагается, что исходным пунктом согдийского похода был город Бактры. Эллина, пополнив здесь запасы продовольствия и воды, двинулись к Оксу. По прямому направлению к реке от Бактр около 70 км. Такое расстояние в 400 стадий приводят и древние историки. Этот путь подразделения Александра

могли пройти за два с половиной дня, хотя их маршрут пролегал по безводной и малонаселенной пустынной местности. Безлюдные пустынные земли располагались ближе к Амударье, площади вокруг Бактр на большом протяжении до низовой реки Балхаб были интенсивно освоены земледельцами. Согласно археологическим данным, первые оседлые поселения сформировались здесь приблизительно за 1500 лет до похода Александра Македонского. В IV в. до н.э. в данном районе было не менее трех-четырёх десятков селений. Ближайшие переправы через Окс находились между современным Термезом и Келифом. Еще два-три столетия назад прямая дорога от Бактр выводила к переправам, расположенным в 30—50 км к западу от Термеза. Уже в прошлом веке историки и востоковеды считали, что македонцы переправились через реку где-то западнее Термеза, используя одну или сразу две переправы. Надо отметить, что одни исследователи фактически не располагали никакими географическими сведениями, другие строили свои выводы на данных 70—80-х гг. XIX в., когда некоторые традиционные переправы через Амударью были уже заброшены. Никаких археологических обоснований существования в древности амударьинских переправ не было.

Лишь в 70-х гг. прошлого столетия, когда в правобережных и левобережных землях Амударьи археологи открыли многочисленные поселения эпохи Ахеменидов и Александра Македонского, вопрос о древности переправ получил в научной литературе наиболее достоверное освещение.

Географическое районирование древних поселений на юге Узбекистана (долина реки Сурхандарьи) и в северном Афганистане свидетельствует об их расположении у дорог, ведущих к переправам Шуроб и Чушка Гузар, расположенным к западу от Термеза. Такая ситуация была характерна для времени от XV до IV в. до н.э. и более поздних периодов, тогда как у Келифа и дорог, начинающихся отсюда в Согд, столь древние поселения не обнаружены. Надо полагать, что и в древности дороги пролегли по густонаселенным оазисам, богатым водными источниками.

Рис. 3. Древнейшие пути в Бактрии и Согдиане.
 Примечание: пунктиром обозначены древние дороги;
 населенные пункты — Талашкан Тепа и другие.

События разворачивались следующим образом. Новый "царь Азии" — Бесс скрылся в согдийской области Наутака. Александр, получив известие об этом, приказывает Птолемею Лагу срочно двинуться в Наутаку. Древнегреческий историк Арриан сообщает, что авангард Птолемея шел в Наутаку ускоренным маршем и всего за четыре дня покрыл расстояние, которое обычно проходят за десять дней. Если один дневной переход это — 28 км, то весь путь равнялся тогда 280 км. Однако вряд ли авангард македонцев мог пройти это расстояние за четыре дня. Видимо, Арриан преувеличил их возможности. Они действительно спешили в Согдиану и шли ускоренным маршем, но если даже предположить, что дневной переход в день составлял 40—50 км, то расстояние от Окса до Наутаки будет равняться 160—200 км.

Где же находилась "согдийская земля" — Наутака? Древние источники не содержат конкретных данных об этом. Известно, что данная область располагалась к северу от Окса. В научной исторической литературе высказывались различные предположения. В настоящее время большинство исследователей считает, что Наутака располагалась в восточной части долины реки Кашкадарья. Эта область или подобласть расселения согдийцев объединяла обширную территорию от предгорий Зеравшанского хребта до Урадарья (Гузардарья), что подтверждается довольно четким выделением нескольких районов расселения V—IV вв. до н.э., которые и могли составлять отдельную согдийскую область.

Указанное географическое районирование Наутаки подтверждает еще одно обстоятельство. Древнеримский историк Квинт Курций Руф намечает следующий маршрут движения армии Александра в Мараканду: Гиндукуш — Бактры — Окс — городок Бранхидов — горы. О местоположении этих гор автор ничего ясного не сообщает. Известно, что они находились за Оксом. Здесь на македонцев, выступивших для сбора фуража, якобы "напали варвары, спустившиеся с соседних гор", они стреляли из пращей и луков. Оттуда на четвертый день македонская армия дошла до Мараканды.

Итак, греко-македонцы шли в столицу Согдианы по предгорной местности, а расстояние до города составляло более трех дневных переходов, когда на них неожиданно напали азиаты. Если идти обычным маршем по 28—30 км в день, то за три дня и начало четвертого можно преодолеть 100—105 км, что, например, равно пути от предгорий Яккабага (южные отроги Гиссарского хребта) до Самарканда через перевал Тахтакарача. И, наконец, в обратном направлении от предгорий Яккабага до Амударьи около 200 км, а от современного Гузара до реки — 160 км. Не исключено, что именно это расстояние прошел за четыре дня авангард Птолемея. Однако по какому маршруту?

Если допустить, что авангард Птолемея Лага начал путь в Согдиану от Келифа, то дальнейшая дорога должна была проходить в обход Кугитанга по безводной и малонаселенной местности, либо по многокилометровым и труднопроходимым горным ущельям Кугитанга. Наиболее благоприятный и оживленный путь начинался в долине Шерабадарьи, освоенной земледельцами еще в середине II тысячелетия до н.э. Согласно археологическим источникам и хронологии поселений, здесь начинались древнейшие пути, ведущие на юг к Оксу, Бактры и в Иран, а на север — в Согдиану.

Авангард македонцев довольно быстро мог пройти в верховья Шерабадарьи, а затем через ущелья Кичик и Каттаурадарьи — в предгорья Яккабагского хребта. Основные силы греко-македонцев, скорее всего, шли по следу передового отряда, что было гораздо безопаснее, чем выбирать новые неизведанные маршруты движения. К тому же авангард в случае нападения превосходящего в численности противника всегда мог рассчитывать на скорую помощь армии. Но согдийцы как будто не собирались нападать на македонцев и укрылись во главе с сатрапом в Наутаке.

Наутака имела важное стратегическое значение. Отсюда шел прямой путь в Мараканду и к Сырдарье. Не случайно также, что Бесс выбрал Наутаку в качестве опорного пункта для борьбы с македонцами. В близлежащих к Наутаке горах Гиссара и Байсуна находились убежища согдий-

ских вельмож. Одну из согдийских зим греко-македонцам суждено было провести в Наутаке.

Другая согдийская земля — Ксениппа описывается древними авторами как область, расположенная на границе с пустыней и граничившая с ареалами обитания кочевых сакских племен. По этим данным, восточная часть долины Кашкадарьи никак не может соответствовать Ксениппе, тогда как степные и пустынные районы начинаются в низовьях Кашкадарьи. В IV в. до н.э. здесь функционировал крупный город Еркурган, руины которого ныне располагаются в 9 км к северо-западу от города Карши. Низовья Кашкадарьи составляли отдельную согдийскую подобласть расселения, но не Наутаку, а Ксениппу. В низовьях Заравшана находилась еще одна древняя область Согдианы и крепость, названная античными авторами Баги¹.

Местоположение древней столицы Согдианы известно достаточно хорошо. Ее руины — городище Афрасиаб — расположены на северо-восточной окраине Самарканда. В IV в. до н.э. город был укреплен и имел крепость-цитадель. Продвижение армии Александра от Бактр до Мараканды проходило довольно удачно, не считая дерзкого нападения согдийцев в предгорьях за Оксом.

После Мараканды Александр Македонский поспешил в Кирополь, руины которого ныне находятся на месте Нуртепа в районе Ура-Тюбе. "Сначала царь решил пощадить этот город, основанный Киром, — пишет Курций Руф. — Однако упорство горожан разгневало его. Поэтому он велел взять город, разграбить и уничтожить его... Никакой другой город не выдерживал осады с большим упорством: и под его стенами пали храбрейшие воины; сам царь оказался на краю гибели. Один камень с такой силой поразил его в шею, что его глаза застлал туман, и он упал, лишившись чувств; войско, конечно, стало его оплакивать, думая, что он погиб".

---

¹ Эта крепость, видимо, располагалась в Бухарском оазисе. Происхождение ее названия, скорее всего, связано с бактрийским и согдийским понятием «бага» («бог»).

Кирополис — термин греческий и означает "город Кира" (от местного названия "Курушката"). Письменная традиция связывает его строительство с ахеменидским царем Киром II, хотя не исключено, что Кирополь — согдийская колония, которая еще до Ахеменидов сформировалась на восточных рубежах Согдианы.

Пока македонцы осаждали Кирополь, пришло известие о том, что на берегу Сырдарьи собираются кочевники и готовятся напасть на эллинов. Александр выступает против кочевников и где-то между современным Бекабадом и Ходжендом переправляется через реку, но не решается преследовать противника и, похоронив с почестями погибших в бою товарищей по оружию, возвращается на левый берег Сырдарьи. Здесь была основана крепость, названная Александрией Крайней. Это и есть конечный пункт движения македонской армии в Средней Азии.

Тем временем в тылу македонцев согдийцы осаждают Мараканду. Александр явно не ожидал столь неожиданно поворота событий. Теперь маршруты движения греко-македонской армии теряют строгую ориентацию. Чтобы завоевать территорию, едва ли достигавшую 150 тыс. км², им предстоит встретить здесь не один новый год, правда, не так весело, как в начале войны.

Древнегреческие авторы часто превозносили доблесть эллинов. Они, как правило, преувеличивали численность войск Дария III и приуменьшали потери Александра. Но в одном выводе, пожалуй, все они едины: в Согдиане завоеватели оказались в труднейшем положении.

Когда Александр переходил Окс, он думал о скором завоевании Согдианы. Как человек, проживший лишь четверть века, царь был полон сил и замыслов. Он спешил. До смерти Александра Македонского оставалось немногим более шести лет, несколько меньше до кончины Гепестиона и совсем мало до гибели Клита ... Покорение Согдианы начиналось успешно.

БЕГ

Пройдут столетия после похода Александра, и греко-римские историки напишут, что Согдиана начинается за Оксом, что река отделяет согдийцев от страны бактрийцев. Так думали и воины Александра, не видевшие Согдиану даже во сне. Но страна, куда спешили они, оказалась далеко за Оксом, а край земли был не за Согдианой и не в стране саков или у Оксианского моря, и не у города Кирополя. Далеко на север и запад от Согдианы простирались слабо населенные, безводные степи и пустыни. Здесь, в "стране рогатых ослов"¹ персы потерпели некогда сокрушительное поражение от кочевников.

Эллины не пойдут в пустыню, а повернут назад. Но не потому, что их манила сказочная Индия, скрытая пеленой загадочности на далеком горизонте Востока, и не потому, что они отступились от намерения покорить весь мир. В Согдиане, у народа которой не было ни регулярной армии и боевых слонов, ни колесниц с разящими серпами, завоеватели поймут, что невозможное неподвластно и всемогущим богам, не то бы боги эллинов уже давно господствовали на Востоке. Поймут, конечно, не все, однако и зная об этом, будут упорно идти вперед, подгоняемые голодом наживы и удачи.

Гимны богам Олимпа услышала и эта унылая местность правобережья Окса. Еще недавно здесь пасли скот редкие пастухи, а теперь она была необитаема и враждебна.

Пока армия Александра переходила Окс, Бесс со свитой спешил в Наутаку. Беглецы отошли от Окса на расстояние пятидневного пути.

* * *

Вечер. На небе светились красные отблески заката. Со свистом пронеслась стая мелких птиц. Вдали на холмах задымили костры. До Наутаки оставалось менее шести пар-

---

¹ Подразумеваются антилопы и сайгаки.

сангов¹. Бесс приказал воинам остановиться на отдых. С первыми лучами утреннего солнца они продолжают бег.

Никто не пел, не смеялся. На отдых располагались молча. Пыльная одежда, нестриженные бороды, изношенная обувь, исхудалые лица и воспаленные глаза — беглецов узнать нетрудно. Эта жалкая толпа еще недавно грозно бряцала оружием на дорогах азиатских стран.

Смуглые воины в пестрых плащах и в мягких войлочных шапках — персы. Они носили чешуйчатые железные панцири, кинжалы, короткие копья и плетеные щиты. Воины в остроконечных шапках с боевыми секирами и луками — саки — дети среднеазиатских пустынь и степей. От них отличались бактрийцы и согдийцы, носившие кожаные сапоги с заостренными носами, просторные шаровары, подпоясанные рубахи и разноцветные кафтаны до колен. Они вооружены тростниковыми луками и камышовыми стрелами, пращами, копьями и щитами.

Беглецы не могли разойтись по домам. Родные жилища одних остались далеко к югу от Окса, другие боялись мести Александра. Не лучше ли держаться вместе?

Скудный ужин. Все быстрее подкрадывалась ночь. Медленно гасли костры. Тишина. Вдруг какой-то воин запел и нарушил ее. Голос сильный, красивый, а песня унылая, грустная, как и далекая бесконечная степь, о которой говорилось в ней. Уснули быстро, как мертвые. Лишь охрана не дремала.

В шатре Бесса сидели военачальники. Остроносый Хориен — владелец горной крепости Паритак, высокорослый согдиец Аримаз, чернобородые предводители бактрийцев Катан и Австан, а также светловолосый глава саков. В шатре сатрапа из согдийских вельмож не было Спитамана, который еще у Аранхи — Окса, поссорившись с Бессом, покинул лагерь беглецов.

Крупные куски вареного мяса, хлеб, вино. Скромная пища для знатных людей. Ели молча и жадно. Бесс не производил

---

¹ Один парсанг — 5549 м.

впечатления полководца, несмотря на то, что поверх его белой рубахи блестела боевая кольчуга, а на поясе висел царский кинжал Дария с позолоченными ножнами. От еды Бесс вспотел и не переставал вытирать хитрое, полное лицо белым платком. Наконец он решил выслушать мнения приближенных.

О чем они будут говорить, можно было догадаться. Ведь за последние годы главной темой разговора оставался Александр. Кто-то предложил заключить мир с ним. Мир?! После того, как Бесс убрал Доро — Дария, об этом не могло быть и речи.

Колчаны беглецов были пусты, а в щитах — трещины. Все они знали, что Александр, победив Доро, не побежит назад. Но колчаны заполнить не трудно, щиты можно залатать, войско собрать. Из пустыни придут к ним на помощь кочевники. Они любят грабить. В обозах Александра и его людей столько добра, сколько не было у самого Доро. Однако в Наутаке и Мараканде вряд ли согдийцы ждали Бесса с ликованием. Разве он не видит, что люди устали от сражений и не хотят больше воевать? Не хотят? Можно заставить. Стадо идет под палкой пастуха. Почему же тогда Бесс не согласился дать бой Александру у Аранхи, чтобы помешать тому переправиться через реку? Место весьма подходящее для обстрела из луков и пращи, хотя воинов у Александра тьма, и одно его имя наводит страх на людей.

У Александра не было судов. От стрел согдийцев врагам пришлось бы худо. Вполне возможно, что Бесс не дал бой у Аранхи, чтобы сохранить войско. В Наутаке к нему придет уважаемый Оксарт — правитель области. И, думается, что Спитаман признает свою ошибку и попросит прощения за дерзость противоречить сатрапу. Бесс его простит, забудет нехорошие речи, услышанные им в шатре.

Бесс рассуждал "мудро", как положено рассуждать наследникам великих царей. Он не отступился от своего намерения сохранить титул правителя. Да поможет ему бог солнца Митра! Все поднимают чаши за победы Бесса, но каж-

дый думает о своем. Хориен о том, что пусть Бесс сводит счета с Александром без него, Аримаз решает, что Бесс согдийцам не нужен, Австан и Катан усмеваются, не скрывая презрения к своему сатрапу.

Бесс не считал себя глупцом. Он знал, что Хориен собирается уйти в горную крепость, что и Аримаз мечтает угнать отары в горы и спокойно пасти скот, что этот светловолосый кочевник уже давно видит сокровища Александра в своем обозе, тогда как бактрийские змеи — Катан и Австан — желают сатрапу скорейшей гибели. Завтра все запоют по-другому. Вот только мысли Спитамана Бессу неизвестны.

В шатре беглецов мало кто знал, что Спитаман отбыл на переговоры с Оксиартом. Правитель Наутаки по милости Дария не принимал участия в войне и все эти годы отсиживался либо в Бактрах, либо в горной крепости за Аранхой. Пока согдийцы гибли под ударами дротиков Александра, а их предводители теряли величие и славу, Оксиарт стал самым богатым и влиятельным человеком в Согдиане. Он ценил Бесса меньше шкурки степной лисицы и готовился убрать его. Двум сатрапам в Согдиане было бы тесно. Против Бесса решительно были настроены Спитаман, Катан, Австан и Аримаз. Но хозяином Согдианы Оксиарт станет лишь после измены своему народу, когда на этой легендарной земле поубавится благородных и смелых людей.

На рассвете беглецы выстроились в походном марше. Все ждали высочайшего приказа сатрапа двинуться вперед. Однако Бесс долго не выходил из шатра. Будто сам бог тьмы и смерти Ахриман проглотил его. Наконец показался "страж дверей" — начальник телохранителей Бесса. Он окинул всех гордым взглядом...

Еще до Наутаки Бесс решил объявить себя царем. Он оправдывал свое решение тем, что якобы перед восходом солнца его шатер посетил всемогущий Ахурамазда и, вручив ему золотую корону царя царей, сказал: "Великий Артаксеркс! Продолжи дело святого рода Ахеменов!" Те-

перь Бесс — Артаксеркс — царь Бактрии, Согдианы, страны маргиан¹ и саков!

Пышной коронации не было. Барабаны не били. Из шатра новоявленного царя царей жрецы-маги не вышли и не запели священную гату². Пир для народа и войска объявлен не был. В жертву Ахурамазде и Митре принесли лишь несколько овец, которых еще не успело съесть войско. Бесс не восседал на троне. Трон не покоился на плечах великанов рабов. За ним, обнажив кинжалы, не шли "бессмертные" — телохранители царя.

Но когда Бесс в роскошных царских одеждах Дария вышел из шатра, воины тотчас опустились на колени. Военачальники примирительно согнулись в поклоне. Бесс ослепил их разум хитрыми речами. Зажглась звезда нового царя Азии.

Однако не дойдя до первого селения области Наутака одного парсанга, около тысячи воинов во главе с Аримазом, Катаном и Австаном, словно сговорившись, покинули великого Артаксеркса. Вскоре от него ушла и сакская конница. Напрасно вопил "царь Азии", призывая ушедших повернуть назад. Ответом ему был поток недостойных речей, растворившийся в пыльном воздухе.

* * *

У Южных ворот Наутаки столпились нищие и, вытянув костлявые руки, жалобно просили милостыню. "Хлеба! Хлеба!" — жадно шептали их губы. Нищих на земле много, это привычное зрелище, и люди не обращали на них внимания. Они равнодушно проходили мимо. Редко кто из прохожих безгласно кидал в толпу оборванцев кусок хлеба и спешил прочь. Голодные люди, как свора собак, бросались на подачку. Начиналась потасовка.

У крепостных стен, среди глинобитных развалин, лежали люди, обреченные на голодную смерть. Каждое утро их

---

¹ Народность, проживавшая в низовьях Мургаба.

² Религиозная песня зороастрийцев.

навешали могильщики. Они хладнокровно собирали трупы, бросали их в повозки и отвозили на холмы предгорий. По закону согдийских богов мертвых не хоронили в земле, не предавали огню и воде, дабы не обидеть богиню Анахиту и не осквернить трупами добрые начала жизни, охраняемые богом света Ахурамаздой.

По закону хранились только кости усопших. Поэтому на предгорных холмах, вдали от жилищ, тела мертвых проходили обряд очищения, в котором особенно усердствовали хищники и птицы. Через год сюда приходили могильщики и собирали кости, омытые снегами и дождями, высушенные ветрами и солнцем. Кости нищих было запрещено хоронить на одном кладбище для благородных людей, где в специальных глинобитных склепах стояли небольшие гончарные гробики с останками умерших.

Небо заволокло пылью. Ее принес ветер из Черной пустыни. Ясный день стал серым. Клубы густой пыли, словно легкие облака, проносились над плоскими крышами глинобитных домов и верхушками деревьев. Там, где летают птицы, лучи солнца не могли пробить на землю дорогу сквозь слой пыли и песка. Буря. Как будто демоны Ахримана летели в Наутаку творить злые дела.

Поредевшая армия Бесса подошла к Наутаке. Ее ждали. Оксиарт, хотя сам и отбыл в горную крепость, где в это тревожное время жила его семья, но послал навстречу Бессу — Артаксерксу своих слуг. Люди Оксиарта с почестями встретили царя. Нищие были разогнаны. Воины поработали дубинами. Бесс брезгливо заметил на пыльной дороге лужицы спекшейся крови. Колесница Бесса и ряды воинов вошли в город.

"Царь" остался доволен. Еще во дворе дома, отведенного для его покоев, он заметил бронзовые котлы, где варилось мясо ягнят. Вкусно пахло испеченным недавно хлебом. В приемном помещении был накрыт обильный стол. Пировали на коврах, сидя на суфе — прямоугольной сырцовой площадке, возвышавшейся над глиняным полом. Гостей обслуживала вереница слуг. Пирующие любезно предлагали друг

другу отведать то или иное кушанье. На потраченные средства можно было устроить пир для всего селения. Но какое дело Бессу до черни? Он не успел еще насытить свой желудок, чтобы думать о других.

* * *

Из-под скалы били ключи. Волны небольшого водоема, омывая подножие горы, бежали вниз, и чем дальше неслись они по ущелью, тем шире становилось русло новой реки.

Горы — вечная загадка даже для горца. Суровые жители пустынь избегают их, а земледельцы долин навещают сюда лишь во время сбора плодов, целебных трав и корней.

По берегам реки, на высоких холмах теснились глинобитные мазанки. Нехитрые сооружения окружали каменные ограды. В таких домах живут горцы. В мазанках ютятся люди попроще. Богатые строят добротные дома.

По ущелью ехал всадник. Редкие встречные вежливо сторонились и долго смотрели ему вслед. Богатый набор сбруи коня и седло с ковровым покрывалом говорили о том, что всадник — человек знатный. Под ним был крапчатый жеребец с волнистой черной гривой. Могучая грудь коня играла мускулами, а сильные ноги неудержимо неслись вперед. Он был из породы коней, удобных для езды в долинах и горах. Легкая упряжка обеспечивала маневренность движения и устойчивость всадника при любой скачке. Кожа ремни накрепко привязывали седло к спине коня. Настоящее седло — большая редкость в этих краях. Бедняки вовсе не употребляли его или использовали самодельное плетеное седло.

Всаднику было более тридцати лет. Лицо волевое, с правильными чертами. Круглый ворот белой рубахи открывал мощную шею. Красный кафтан на широких плечах выгорел. На боку незнакомца висел короткий кинжал и колчан со стрелами, а на плече — лук.

На высоком обрывистом берегу реки показалась крепость. К ней можно было добраться по крутой тропе, словно огром-

ная змея, извивавшейся по склону холма. Тропа через широкий ров и мост вела к единственным воротам. Одной стороной крепость упиралась в могучую скалу. Внутри замка располагались различные строения, возведенные вокруг двора с водоемом.

Это горное убежище Оксиарта. Всадник видел, что крепостные ворота открыты. У стен бегали дети. Несколько мужчин стригли овец. На башнях расхаживала стража. Поистине богат Оксиарт!

Незнакомец подъехал к воротам и назвал себя. Стражники неожиданно согнулись в поклоне. Навстречу всаднику поспешил сам хозяин дома.

О, боги! Это ведь Спитаман! Откуда он пришел? Неужели из Страны Мертвых!? Оксиарт, все еще не веря глазам, долго обнимал согдийца.

Оксиарт повел гостя в приемную дома. Он долго расспрашивал Спитамана о далеких странах и войнах, о гибели Доро и коварстве Александра. Кто он? Зачем перешел Аранху и идет в Согд? Только ли за головой Бесса?

Что делать? Встретить Александра с почестями и признать его царем? Не все ли равно, кто будет великим правителем? Говорят, что Александр не столь жаден, как Доро?

Прежде надо убрать Бесса. Это верно, но Оксиарту успеть бы укрепить стены крепости. Так, на всякий случай. Хотя Александр брал и не такие укрепления, к чему ему замок правителя Наутаки? Неужели снова война? Если Александр задержится в Согде, так и случится.

Кто же будет воевать? Согдийский народ? Народ, народ! Голодных словами не накормить. Но разве Оксиарт кормил их раньше хлебом? Скорее всего согдийцы кормили Оксиарта. Там, за Аранхой, в стране персов погибли тысячи согдийцев. Они защищали тогда богатства Доро, но не Согд.

Простые согдийцы вызывали страх у Оксиарта гораздо больший, чем Александр. Он никогда не забудет, как один из земледельцев Наутаки, приговоренный им к избиению плетьюми, гневно сказал: "Чтобы вы, посланники богов, по-

жили в нашей шкуре одну зиму или весну, чтобы расселили вас в знойной степи, на чахлой неплодородной земле и чтобы вы не могли оттуда уйти, пока сам Ахриман не переменит ваше местожительство, чтобы на ваших полях не было воды и посевы погибали от засухи, чтобы настал день и в вашем доме не было зерна. Даже маленького зернышка...".

Оксиарт недоволен. Толпа согдийцев, вооруженная копьями и луками, собирается выступить против самого Александра. Словно не он разбил могучие войска Доро. Разве не Александр опрокинул боевые колесницы персов, уничтожил и обратил в бегство знаменитые ряды воинов всех стран? Казалось, никто не победит полчища царя Ирана. И вот согдийцы решились сразиться против великого Александра!

Правитель Наутаки мысленно представил, как согдийцы-ополченцы поедают его хлеб и овец. Ведь воинов надо кормить, кто знает, сколько лет будет длиться война. А голодные ополченцы, особенно из бедного люда, — воевать не станут. Конечно, если Оксиарт станет правителем Согда, то все расходы можно восполнить (и эта мысль утешила Оксиарта). Однако может Хориен, а возможно и сам Спитаман давно мечтают об этом? Возможно, и сам Спитаман?!..

Убрав Бесса и победив Александра, Спитаман смог бы стать первым человеком за Аранхой, самым влиятельным и могущественным в горах и на равнинах Согда. Согдийские вожди идут с богатыми дарами в дом Спитамана. Чтобы стать повелителем богатых, Спитаман спешит стать предводителем нищих...

Эта мысль явно не по душе Оксиарту, но он не выдает себя и говорит, что слишком слабы согдийцы воевать с Александром.

Не время для споров, и Спитаман прибыл сюда не для этого. Зачем напоминать Оксиарту, что и трусливый шакал защищает свое логово? Когда Александр возьмет Наутaku, то горная крепость Оксиарта для него не будет преградой.

Надо забыть презрение к народу, примириться с ненавистью, уничтожить высокомерие и сжечь злобу. Оксиарт — согдиец, а враг идет в Согд.

Спитаман говорил так, словно он сам только и возделывал с чернью землю или лепил всю жизнь горшки. Нет, земледельцем он не был, но в отличие от Оксиарта знал настоящую войну. Ведь пока согдийцы гибли на полях невиданных сражений, у стен родового горного убежища не пролетела ни одна стрела.

Спитаман понимал, что Оксиарт не желает воевать. "Для хорошей лошади достаточно тени от прута, для ленивой мало и шпор", — гласила старая пословица.

Правитель Наутаки не желает ссориться с гостем. Он согласен, что враг Спитамана — и его враг, хотя у хозяина гор тревожно мелькнула мысль о том, не убить ли Спитамана, который едва не назвал Оксиарта трусом. Но Оксиарт еще не сатрап Согда. И Бесс в Наутаке. Стрела в горном ущелье успеет найти Спитамана. И Аримаз происходит из того же рода, что Спитаман. Тогда кровная месть. Нет, Спитаман необходим Оксиарту. Не лучше ли закрепить с ним союз? У Оксиарта дочери-красавицы на выданье. Зачем спешить? Надо убрать Бесса и подождать Александра. Ведь он еще не знает, что Оксиарт — один из немногих согдийцев, который не станет воевать с ним.

Через день Спитаман отбыл в Наутаку. Когда стража закрыла за согдийцем ворота крепости, к Оксиарту подошел один из его племянников и спросил о таинственном знакомце.

— Обычный глава пастухов, — был ответ.

— Но пастухи не носят богатое оружие и перстень с синим камнем!

Да, он благородный человек, но не столь богат, хотя и мечтает стать правителем Согда...

"Самые глубокие реки текут бесшумно", — думал Оксиарт, — и потому он решил не воевать с Александром.

Никто не помнит времени, когда появилось это древнее согдийское предание. Однажды орленок, у которого недо-

статочно окрепли крылья, вылетел из горного гнезда. Однако летать было тяжело, и он опустился на край скалы. Орленок оказался в довольно сложном положении. Он отчаянно пытался удержаться когтями за край каменной глыбы. Казалось, вот-вот птица сорвется со скалы в пропасть. Но орленок вновь взлетел и, расправив молодые крылья, стал гордо парить в вышине. Неожиданно налетели тучи, и воздух окутала мгла. Орленок полетел наугад и разбился о скалу. Мертвую птицу нашли на дне пропасти пастухи, перегонявшие стада на высокогорные пастбища. Легенда гласит, что орлы не гнездятся в низинах, а выбирают места для гнезд на вершинах скал рядом с небесами. Здесь орлята учатся летать высоко, и если не случайная трагедия, подобная той, о которой рассказывает предание, то ничто не заставит их упасть вниз.

* * *

Там, где кончается горное ущелье, Спитамана ждали Аримаз и три сотни вооруженных всадников. Катан и Австан отбыли в долину реки Паритак¹, чтобы начать восстание в тылу Александра. Конница саков ушла в пустыню.

Весть о том, что Бесс надел золотую корону Дария и принял титул царя царей, поразила Спитамана, словно стрела Ахримана. Всадники поспешили в Наутаку.

... Когда десяток лучников во главе со Спитаманом ворвались в покои Бесса, последний понял, что они пришли сюда не за прощением. Почему Спитаман должен просить у Бесса прощения? Потому, что этот перс против воли богов принял титул царя Азии? Потому, что убил Доро и надел его корону? Но цареубийца не может быть царем. Согду цари не нужны. Прошло то время, когда Бесс надменно смотрел на согдийцев, считая их своими подданными и рабами. Никто не рухнул перед ним на колени, хотя Бесс все еще надеялся, что Спитаман не посмеет поднять руку на "царя царей". Однако сумел же Бесс проткнуть горло Доро ножом?! Те-

---

¹ Сурхандарья.

перь настал черед его самого. Согдийцы заковали Бесса и увели его. Напрасно он просил о пощаде. Согдийцы решили выдать Бесса македонцам и с этой целью вывезли его в предгорное селение.

Через два дня в Наутаку срочно прибыли Оксиарт и Хориен. Состоялся совет. Оксиарт предлагал вести переговоры с Александром.

— Александр не будет воевать с согдийцами, он заберет Бесса и уйдет назад, — вторил ему Хориен.

— Но вдруг Александру понравятся не только горы Наутаки, но и сады Смаракансы¹, — возразил Аримаз.

— Что ж, согласно гостеприимным обычаям Согда, придется сопровождать его, — неудачно пошутил Оксиарт.

— "Гость" идет не один, поэтому хозяевам также надо собрать воинов.

— Спитаман говорит хорошо, но Александр может заподозрить недоброе, — недовольно сказал Оксиарт.

— Это его дело, зато он будет чувствовать себя в Согде только гостем. Мы не должны быть похожими на трусливую собаку, которая громко лает, но не кусает.

"Злая собака кусает сразу, и потому ей больше достается плетью", — подумал Хориен.

Снова война! Как надоела она Хориену! Он считает, что лучше всего обороняться в горных крепостях. Зачем идти туда Александру? Персы разбиты. Последний отпрыск иранских царей — Бесс — в плену. Александр повернет коней назад. К чему пугать его и собирать войско?

Главы великих согдийских родов спешат в горы. В селениях страны остается беззащитный народ... И как ни предлагал Спитаман собрать воинов Согда, Оксиарт и Хориен решили уйти в крепости. В заоблачных вершинах они неприступны. Разве у Александра крылатые воины?

... На дворе заржали лошади, послышались тревожные крики. Город пришел в движение. Отряды воинов покидали Наутаку. Пошли слухи, что царя в Согде больше нет. Скоро придет Александр.

---

¹ Смараканса — согдийское название Мараканды.

ВОИНЫ АЛЕКСАНДРА

Александр совершил дела более великие, чем те, которые совершили все цари.

ДИОДОР

Армия Александра Македонского дошла до первой гряды Согдийских гор¹ и остановилась в долине небольшой реки.

Говорят, что первым из эллинов Окс увидел Геракл. Не успел он вступить в воду, как началось сильное землетрясение. Почувствовав недобрые предсказания богов, Геракл не рискнул перейти реку.

Каково же было удивление Александра, когда в восьмидесяти стадиях от Окса у небольшой крепости местные жители приветствовали армию на ломаном языке эллинов с сильным варварским акцентом.

— Кто вы? — не скрывая радости, спросил царь у старейшины жреца, преподнесшего дары Александру от односельчан.

— Мы потомки бранхидов — жрецов, обслуживавших храм Аполлона в Дидимах у славного города Милета.

Услышав это, Александр побагровел. Бранхиды некогда предали эллинов и позволили царю персов Ксерксу разграбить и сжечь храм Аполлона, а его святые реликвии и драгоценности увезти в Персеполь. Страшась народной мести, бранхиды покинули Дидимы и ушли вместе с персами в Азию. Они упросили Ксеркса поселить их в глуши Востока, куда никогда не смогли бы прийти эллины. Царь варваров, выполняя эту просьбу, поселил их за Оксом у границ Согдианы.

И вот перед Александром стоят потомки тех самых бранхидов. На них варварские одежды и лицами многие похожи на азиатов, но язык Эллады они не забыли. Александр приказывает коннице Гефестиона и гоплитам Карана окружить

---

¹ Байсун — Кугитанг.

крепость и перебить все население. Стариков и детей не щадили. Так Александр учинил жестокую расправу над невинными людьми за измену их прадедов. Крепость сгорела полностью. Александр принес жертвы богам и Оксу за то, что река разрешила ему переправиться. Воинов, утонувших в ней, царь не жалел. Ведь боги не повинны в том, что солдаты не учились раньше плавать.

Пейзаж за Оксом приводил завоевателей в уныние. Здесь не было величественных сооружений, что высились на берегах Нила и Евфрата, пышных дворцов, подобных строениям Вавилона и Персеполя. Чередовались горы, пустыни, реки и небольшие селения с серыми глинобитными строениями. Их население жило довольно бедно. Зачем эллинам нужны каменные зернотерки и бронзовые земледельческие серпы или гончарная посуда, легко бьющаяся в походном марше? К чему им камышовые циновки и бесчисленные айгес — козьи шкуры, лежавшие на земляных полах варварских жилищ? Другое дело — добротный конь, золотые украшения и драгоценные камни. Но Александр уже давно запретил грабить богатых азиатов. Многие воины поплатились за это жизнью. Царь македонцев, привлекая местных богачей на свою сторону, щадил их земли, дома, рабов и скот. Не обязательно завоевывать страны и народы только мечом. Есть еще и такое грозное оружие, как подкуп — сын измены.

Александр, Птолемей и Гестиион отдыхали в тенистом саду, под навесом большой чинары. Чем дальше царь шел на восток, тем ближе становились ему обычаи и быт варваров. Вот и сейчас у водоема с прозрачной холодной водой из горного ручья слуги расстелили знаменитые персидские ковры с яркими красочными изображениями. На деревянном столике стояли сладости и сушеные фрукты, а также красные керамические кубки с вином. Полководцы сидели за столиком, как азиаты, скрестив ноги. Они были довольны началом согдийского похода и делились впечатлениями.

За Оксом не было Вавилона и Персеполя. "Далекий дикий край, где люди попроще", — говорил Птолемей. Но это

вовсе не означало, что их легко покорить. Александр думал иначе. Индию уже пыталась покорить Семирамида — ассирийская царица, однако бактрийцы и согдийцы не пропустили ее туда, а значит, они были сильны, тогда как ахеменидские цари к тому времени еще не родились.

Полководцы запели: "Флейту сюда и вино! Пусть враг рыдает! Смеяться будем мы, пить и есть, грабя именуе врага"¹. Затем заспорили о пустяках, например, сколько хеников² вина заполнит крупный керамический сосуд, стоявший под стволом чинары... Наверное, тридцать, сорок, не больше. Такого количества вина, хватило бы им до Мараканды. "Флейту сюда и вино! Пусть враг рыдает!.."

Показался один из телохранителей царя и сообщил, что прибыл Фарнух.

Александр ценил командира лазутчиков, который один стоил отборного отряда гоплитов. Фарнух прекрасно знал языки и обычаи Востока, был хорош собой. После проскинезы — земного поклона царю — ликиец доложил о том, что Бесс объявил себя в Наутаке царем Азии под именем Артаксеркса. Но владыка Зевс помнит об Александре. Военачальники согдийцев во главе с неким Спитаманом, недовольные поступком Бесса, низложили его и думают передать царю.

Фарнух — ликиец, но достоин эллина. За хорошие вести Александр обещает наградить его. Греко-македонцы войдут в Согдиану без единого сражения. Что же представляет собой эта страна?

Согдиана расположена на плодородных долинах двух рек. Они гораздо меньше Окса, берут начало в горах и теряются в Красных песках. Первая — река Наутака³, вторая золотосная река — Зарафшан. Долины разделяют невысокие горы. За согдийцами у Яксарта обитают родственные им племена мамакенов, за рекой — саки. В пустыне и у Окси-

---

¹ Из сочинения древнегреческого поэта Феогнида, VI в. до н. э.

² Хеник — 1,08 л, древнегреческая мера емкости.

³ Кашкадарья.

анского моря¹ также живут саки-массагеты. Длина моря — десять дней плавания, ширина — пять. В низовьях Окса много городов и крепостей. Там живут хорасмии, чьи традиции и обычаи похожи на согдийские и бактрийские. Они выращивают пшеницу и ячмень. Саки не имеют ни городов, ни постоянного места жительства, они разводят скот и кочуют в поисках пастбищ. Живут бедно, хотя говорят, что в пустыне много золота и драгоценных камней.

Фарнух был опытным лазутчиком. Он возглавлял отряды бематистов, проводивших осмотр местности, запоминая все, что видел и слышал. От Окса до Мараканды двенадцать дневных переходов. Столько же от столицы Согдианы до Яксарта. Двадцать четыре перехода, и они у стен Кирополя, последнего города у последней реки за Оксом. В честь подвигов греко-македонцев они назовут город Александрией Крайней, на то воля Зевса. "Будь громовержец справедливей, он назвал бы город Селевкийей Крайней либо Кратерополисом, но куда лучше Птолемеей Крайней," — подумал Птолемей. Варвары забудут о том, что город у Яксарта некогда построил Кир. Вместе с именем персидского царя они уничтожат память о нем так же, как разрушили копьями войны огромное государство варваров. Птолемей и Фарнух не скрывали восторга.

Но льстивые речи полководцев не по душе Александру.

Он почитал Кира как великого полководца, задумавшего первым на земле построить мировое царство. Почему этот перс родился раньше? Почему Александру досталась доля быть вторым? Александр завидовал Киру и в душе восхищался царем персов. Он жестоко наказал нескольких воинов, попытавшихся проникнуть ночью в гробницу Кира в Пасаргадах. Александр повелел персу Гарпагу, происходившему из знаменитого рода Мардония — полководца Ксеркса, принести обильные жертвы на могиле Кира и охранять гробницу от грабителей.

---

¹ Аральское море.

Огромное разрушенное государство, легенды и рассказы о войнах Кира, гробница, дворец в Пасаргадах и Кирополь — это, пожалуй, все, что еще напоминало о былом величии основателя Ахеменидской державы. Придет время, и богиня судьбы накажет и Александра. Полководцы будут грызться у тела покойного царя, как свора диких собак. Птолемею удастся перехитрить всех и увезти из Вавилона в Египет тело царя, которое было бальзамировано врачами. Слава мертвого Александра станет основой благополучия Птолемея, но только до тех пор, пока он сам не уйдет в Аид. Сыновья и внуки соратников Александра, которым посчастливится создать восточные государства, переименуют города Александра. Так, Александрия Оксианская, получит название Деметрия¹, Александрия Маргианская — Антиохия², а Александрия Крайняя со временем опустеет и превратится в кладбище унылых развалин. И уже через сотни лет люди посмеются над тем, кто назовет это обиталище шакалов и лис, заросшее верблюжьей колючкой, городом Великого Александра. И все же Александрия Египетская, городок Искандерон в Малой Азии, река Искандера и озеро Искандеркуль в глуши согдийских гор и многие другие названия будут напоминать людям о царе македонцев так же, как и Кирополь напомнил сейчас Александру о царе персов.

Будущему не будут известны многие полководцы и воины Александра. Именем Клита, Неарха, Кена, Карана или Фарнуха не назовут даже жалкие селения. В этом отношении больше повезет любимому коню царя — Букефалу. И тысячи воинов, нашедших вечный покой на безымянных холмах Азии, останутся неизвестными, как и бескрайние просторы Востока, так и не завоеванные Александром Македонским.

---

¹ Деметрия — городище Старого Термеза. Александрия на Оксе, согласно другой гипотезе — городище Кампыртепа, расположенное в 30 км к западу от Термеза.

² Городище Мерв в округе Байрам-Али (Туркменистан).

... Двадцать четыре перехода. Они дойдут до стен Кирополя быстро, эллинов побеспокоят на этом пути разве что острые шипы красных роз, которые куда приятней трехгранных жал бронзовых стрел варваров.

Итак, от Окса до Яксарта всего двадцать четыре перехода. Разве сравнить их с боевыми переходами в Малой Азии, Египте и Иране, занявшими пять военных лет? Но жестока и коварна богиня судьбы. В Согдиане македонцы потеряют счет переходам с юга на север, легким перебежкам с севера на юг и яростным погоням с востока на запад. Заветные двадцать четыре дневных перехода окажутся равными годам кровопролитных сражений, тысячам мертвых воинов и сотням бессонных ночей. Согдийский орех окажется крепким.

Да, это были храбрые и сильные люди, рожденные вельможами, наследниками царей и простыми людьми Греции, Македонии или других областей запада. Они бросили вызов народам, живущим на восходе солнца, и огромному пространству, заселенному людьми, также происходившими от вельмож, потомков царей, а больше от простых смертных.

Эллины и их союзники были отважными воинами, поскольку рискнули отправиться в поход в неведомые дали, народы которых в тысячи раз превосходили численность армии завоевателей. У покорителей мира были опытные полководцы, стратегия и тактика ведения войн, грозное оружие, а главное — великий царь, рожденный якобы самими богами. Завоеватели пели гимны, одерживали победы и умирали. Они упорно шли вперед к границам земли, где изредка бывал сам Зевс. Они жаждали подвигов. Не будь этой войны, Птолемей либо Селевк были бы не знаменитыми полководцами, а обычными правителями провинций, но и Александр был бы не Александром, а простым царем. Им мало было быть правителями провинции или царем неизвестной многим Македонии. Они прошли по миру с копьями войны, жгли, убивали во имя своей славы.

Пригрозил копьем, получиай стрелу. Не достаточно ли крови? Нет. У Александра, как лучи утреннего солнца, все

ярче разгорались глаза. Царскому коню, в честь которого назовут города Востока, суждено оставить следы железных копыт на новых дорогах Азии. Но время предает забвению величие царей. Оно сотрет, уничтожит следы царского коня. Разве не рассказывал Александру Аристотель об участии Кира? Но Александр не был Киrom и потому надеялся избежать ошибок. Однако первый просчет был сделан уже в Македонии, когда сын Филиппа решил завоевать заселенный Восток. Александр полагал, что ошибаться могут только варвары, но не тот, кого сопровождали в поход боги Олимпа. Александр не хотел думать о своих просчетах, однако о них вспомнят через сотни лет новые завоеватели, хотя будут говорить о войне эллинов с азиатами, как о древней старушке, прожившей положенный ей век.

Что же заставило Александра отправиться в поход? Надежда на благополучие и славу македонцев? Угроза персов? Или богатство их царей? Вряд ли предполагал Александр, что задолго до рождения Геракла, прославившего эгейский мир, дикие обитатели данного региона часто совершали дерзкие набеги на соседние территории лишь потому, что там было больше плодов и съедобных корней. Но пришло время, и заботы людей измерялись уже не одной едой, хотя сытыми по-прежнему оставались "сильные". Именно в них и сохранился инстинкт постоянного голода. Но это был не просто голод или жажда наживы, это была неутомимая жажда славы.

Рассказывали, что с детства Александр отличался острым умом, сообразительностью, тягой к военному делу. Он был равнодушен к еде и удовольствиям, и даже к богатству. Царевич мечтал о военной славе. Он ревностно относился к победам Филиппа, и, не скрывая зависти и раздражения, говорил друзьям: "Отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и серьезного".

Александра манили чужие просторы. Там слава и величие. Эллины ждали чуда, верили, что деяния Александра станут достойными вечного почета и восхищения. Сейчас

же ни сам царь, ни Птолемей, Гепестион и Фарнух и никто в армии не могли представить себе, что борьба за мировой Олимп закончится скоро и далеко не так, как думали они. Никто никогда не узнает, остался ли доволен Александр войной в Азии. Скорее всего, нет, поскольку ему не удалось сделать то, о чем он мечтал. Задуманное не продолжат его соратники, а их внуки и правнуки навсегда откажутся от заманчивой идеи мирового господства.

...Александр, Птолемей и Гепестион внимательно слушали Фарнуха. Царь и стратеги думали о знатных и богатых согдийцах, кого можно было бы подкупить и привлечь на свою сторону, о тех, у кого свои крепости и воины, поля которых обрабатывают сотни людей, а ремесленники изготавливают для них посуду, оружие и разную утварь. Среди согдийцев выделяются богатством Оксиарт и Хориен.

Кто такой Спитаман? Храбрый человек. Так, по крайней мере, считают сами согдийцы. У него нет таких богатств, как у Оксиарта, но благородства и бесстрашия не занимать. Он молод? Несколько старше Александра. По рассказу Фарнуха, варвару присущи качества, достойные самого элина. Не слишком ли возвышает его ликиец? Однако Фарнух говорил о том, что видел и слышал.

Правда, что согдийцы большие любители вина? Нет, они пьют ни меньше, ни больше элинов. Виноградная лоза у них в почете, но пьянство осуждается. Вода и земля для них священны. Согдийцы с большим уважением относятся к рекам и водоемам, не плюют и не мочатся туда. От воды зависит их жизнь. С детства их учат говорить правду и уважать старших, независимо от положения последних в обществе. Кроме праздников, посвященных богам, временам года и сбору урожая, как и у персов, самым большим торжеством согдийцев считается день рождения человека. Согдийцы — народ гостеприимный...

В таком случае Александр непременно навестит их! Птолемей и Фарнух выступают завтра в Наутаку. Они поведут себя на переговорах скромно и дадут согдийцам понять, что Александру нужен только Бесс, за этим якобы элины

и пошли в Согдиану. Птолемей предложит варварам вечную дружбу и скажет, что Александр — "друг" согдийцев...

Царь неожиданно чихнул. Это считалось у эллинов добрым знамением, только вместо ныне традиционного: "Будь здоров!" — присутствовавшие говорили чихнувшему: "Помоги, Зевс!"

* * *

Авангард Птолемея и Фарнуха уже полдня пробирался сквозь заросли кустарника и арчевого леса Согдийских гор. Впереди, по тропе, шла вооруженная пращами, луками и кожаными щитами пехота пельтасты — из числа фракийцев и агриан, за ними — гипасписты — щитоносцы и пехота педзетер с тяжелыми копьями — сариссами, замыкали строй фессалийские всадники, ведшие коней под уздцы. Особенно трудно в горах приходилось тяжеловооруженным щитоносцам, поэтому авангард то и дело останавливался на отдых.

На одном из привалов неожиданно послышалась согдийская речь. Птолемей поднял руку, и воины тотчас притихли. Полководец раздвинул ветки арчи и в шагах восьмидесяти на соседней поляне увидел высокого широкоплечего варвара в шароварах из тигровой шкуры и сухого старца. Путники-незнакомцы отдыхали. Вскоре великан легко поднял старика на спину и пошел на вершину горы. "Должно быть, старец болен и не может передвигаться сам", — подумали македонцы. У подножия скалы темнела пещера. Что задумал согдиец? Эллины, недоумевая, следили за ним.

Великан вошел в пещеру и через некоторое время вышел из нее, но уже один. Он оставил там старца, видимо, желая спрятать его от врагов или недругов.

Тем временем согдиец упал на колени и, протянув руки к солнцу, стал рыдать. Он взывал к богам и произносил непонятные заклинания. Быть может, просил у своих богов прощения? Но вскоре он встал и спокойно пошел назад. Когда незнакомец был совсем близко от македонцев,

несколько гоплитов быстро окружили его. Горец выхватил кинжал и, медленно приседая, приготовился к прыжку, но, заметив множество людей, остановился как вкопанный. Почему он оставил в пещере старика? Так ведь это его родной отец! Тем более?! Что за странные люди? Почему стоят они на тропе? Перед согдийцем — воины великого Александра!

Великана это, видимо, не удивило. Неожиданно он спокойно присел на пень старой арчи и стал разглядывать воинов чужой и неизвестной ему страны.

Птолемей с любопытством смотрел на дерзкого согдийца. Фарнух вновь спросил, с какой целью согдиец оставил в горах отца. Тот вдруг хлопнул себя по груди и захохотал, словно лишился разума. Вытирая слезы, он не переставал смеяться.

Только Фарнух догадался, почему развеселил варвара его вопрос. Обычаи гор ведутся с давних пор. Эти горцы — люди простые и не нарушают их. Если человек, проживший долгую счастливую жизнь, уже более не может есть хлеб или страдает страшным недугом, то старший сын относит больного либо глухого и слепого старого отца высоко в горы и оставляет его в родовой пещере молчания. Умереть так на старости лет почетно. Дома людей, нарушивших закон, обходят стороной. Законы богов не обсуждают.

Птолемей усмехнулся. На то воля восточных богов. Хорошо, что эллины не знают подобного обычая, не то бы в их стране перевелись все мудрецы. И не только они. Птолемей представил, как сыновья царей, вельмож и богатых торговцев, жаждущие власти, почета и богатства, спешат с еще далеко не старыми отцами высоко в горы...

Птолемей предлагает варвару свое покровительство. Пусть он переходит к ним на службу и укажет кратчайший путь в Наутаку. Согдиец встал и спокойно направился к тропе, будто на ней стояли не македонцы, а каменные изваяния. Птолемей, пораженный дерзостью варвара, приказал остановить его. Щитonosцы преградили согдийцу путь. Он повернулся и что-то крикнул Птолемею. Варвар

предлагал состязание один на один, вроде олимпийского пятиборья с любым воином Александра, способным драться. Не лучше ли прикончить его ударом сариссы?

Птолемей заинтересовался. Слова варвара хороши, и полководец поступит так, как хочет согдиец. Конечно, обстановка далека от настоящих состязаний. Нет здесь условий для прыжков и бега на скорость, метания копья и диска, остается борьба. Птолемей дает варвару удовлетворение, но если тот думает победить, то жестоко ошибается.

Полководец посмотрел на отряд и кивнул одному из воинов. Из строя вышел огромный, как Антей, македонец, один из самых сильных и ловких борцов — панкратистов в армии Александра. Птолемей в победе македонца не сомневался. Согдийцу и его противнику дали по боевому топору и кинжалу. Круг расширился, борьба будет не рукопашной.

Соперники, пригнувшись, стали друг против друга. В правой руке каждого был топор, а в левой — кинжал, удобный в ближнем бою. Македонец, решив одним мигом закончить поединок, со страшной силой занес топор над головой противника, но тот вовремя отразил удар. Искры металла разлетелись в стороны.

Начинался настоящий поединок.

Глаза македонца налились кровью. Он с яростью обрушил на соперника град ударов. Согдиец защищался умело, его манера ведения боя была хороша, и это раздражало македонца. Нет ничего коварней в бою, чем ярость, когда человек теряет бдительность. Македонцу удалось ранить варвара кинжалом в плечо, однако рана была легкой. Тем не менее это вызвало восторг македонцев.

Неожиданно согдиец поскользнулся и упал на спину. "Добей его! Добей!" — возбужденно закричали воины. Македонец с ревом обрушил топор, который мягко врезался в землю рядом с согдийцем. Тот лишь в последний миг ухитрился сдвинуться в сторону. В толпе пронесся гул азартного разочарования. Македонец с кинжалом бросился на лежащего и правой рукой схватил согдийца за горло. Левые руки соперников с кинжалами застыли в единоборстве.

Согдиец отталкивает ногами воина Александра. Они быстро поднимаются. В руках остались лишь кинжалы. Топоры лежат на земле.

Давно уже Птолемей не видел столь зрелищного единоборства. Вдруг ему стало жаль гибели соперников. Каждый из них стоил десятка пехотинцев. Но поединок уже не остановить. Исход близок. Все ждали его.

Воины продолжали бой. Пот катился ручьями. У согдийца кровоточила рана. Он сделал ложное движение вправо. Македонец бросился на него, но согдиец успел отскочить в сторону и молниеносно всадил кинжал в живот противника, который, обливаясь кровью, рухнул на траву.

Пораженные эллины молчали. Согдиец почистил о траву кинжал, затем бросил его к ногам Птолемея и вышел из круга. Македонцы расступились перед ним.

Первым не выдержал Птолемей. Он выхватил из рук одного из пехотинцев пельтасты лук со стрелой и выстрелил в спину уходящего победителя. Коварная стрела угодила в шею согдийца. Он успел повернуться и, погрозив кулаком Птолемею, упал на землю. Птолемей — будущий основатель Египетского царства после своего коварного поступка, недостойного царя, приказал сбросить согдийца в пропасть.

Этот случай надолго запомнится эллинам. Получилось, что один согдиец не испугался тысячи воинов Александра! Что будет, если авангард Птолемея встретит на своем пути еще сто таких же смелых варваров?

Огорченный Птолемей приказал воинам запеть пеан — гимн богам. Задул южный ветер нот. Он уносил торжественные слова пеана далеко на север в страну согдийцев. Заканчивался последний день последнего месяца весны — фаргелиона.

...Ветер привел в движение тучи, которые нависли над ущельем. И тихо-тихо пошел дождь. Говорят, что когда-то ветры и дожди были людьми, поэтому они возвращаются к собратьям, живущим на земле. Но в далеких мирах, на планетах, не заселенных человеком, нет дождей. Они не падают на земли, где нет людей.

Ни в одной из предгорных крепостей области Наутака завоеватели не встретили сопротивления. Эллины шли по центральной улице селения, где был заточен Бесс. Редкие жители, которые не испугались выйти на улицу, с любопытством рассматривали воинов Александра, их лица, оружие и необычные одеяния.

Это селение напоминало эллинам захудалый населенный пункт. Узкая извилистая улица вела к площади, рядом с которой на возвышенности располагалось нечто вроде цитадели. От изобилия воды площадь и улицы селения были залиты лужами.

Птолемей и Фарнух в сопровождении лучников и щитносцев направились к дому, где находился Бесс. В пустом дворе македонцев встретил низкорослый согдиец и доложил, что пять человек охраняют Бесса, и они готовы выдать его.

А где Спитаман? Они ушли. Кто они и куда? Спитаман, Аримаз, Хориен, а куда — неизвестно. А Оксиарт? Откуда бедному воину знать, куда ушли их правители? Кто приказал охранять Бесса? Спитаман. Но почему сам решил уйти? Неизвестно. Сколько воинов было в отряде Спитамана? Неизвестно. И все они ушли со Спитаманом? В ответ — молчание. Сколько дней пути до Мараканды? Два. Быть может, Спитаман ушел в Мараканду? Молчание. Как были вооружены согдийцы? Молчание. Сколько пеших и конных воинов? Неизвестно. Напрасно Фарнух задавал вопросы. Согдиец либо ничего не знал, либо притворялся простачком. Непонятно. Что ж, пусть ведут этого Бесса.

Согдиец ушел. Вскоре из углового помещения дома вышла стража с закованным персом. Бесс вспотел и был бледен. Птолемей долго рассматривал последнего варвара, надевшего корону Ахеменидов. Бесс опустил глаза. Он знал, что будет с ним и, кажется, успел примириться со страшной участью.

Но где корона Дария? Согдийцы никак не могли понять, что спрашивает у них Фарнух. Наконец первым догадался

все тот же низкорослый воин. Фарнух и два лучника пошли за ним. Во внутреннем дворике дома согдиец остановился и боязливо показал на одно из помещений.

Великолепная корона Дария, которую носили все великие цари персов, лежала на полу невзрачной комнаты рядом с забытыми вещами. Каков печальный конец венца царей! Возможно, в спешке о короне забыли. Быть может, согдийцы, страшаясь кары богов, боялись поднять ее? Или они не знали цену благородного металла? Или они не притронулись к короне лишь потому, что она уже принадлежала Александру? Но может это и есть презрение к величию тиранов, не давших Согдиане ничего хорошего, кроме войн, бедствий и нищеты? Фарнух был поражен, но он знал цену славе и потому дрожащими руками бережно поднял корону. Вот она — знак повелителя земных судеб, мечта стран и народов! В охоте за короной Дария приняли участие тысячи воинов, но первым до короны коснулся Фарнух. От радости Фарнух чуть было не примерил ее, но постеснялся окружающих.

Как несправедливо делят боги славу на земле! Венец Дария нашел Фарнух, а наденет ее Александр. Сейчас он передаст бесценную находку Птолемею. Тот возьмет ее дрожащими руками и переживет все то же, что и Фарнух, — сладостный миг жизни. Но если Птолемею суждено со временем стать царем, то Фарнуху, как и многим соратникам Александра, никогда! Как несправедливо даруют людям боги власть, как неправильно выбирают они лучших... Но всемогущим, как и людям, свойственны ошибки. Люди не знали об этом и верили в богов.

* * *

Авангард Птолемея Лага и основные силы македонцев должны были встретиться у южных границ области Наутака. Слепленный успехом, Птолемей не шел, а буквально "бежал" навстречу Александру. Ускоренным маршем, всего за день, авангард прибыл на место встречи. Лагерь греко-македонцев, окруженный повозками и рвом, расположился

на берегу горной реки. Победителей Наутаки встретили с ликованием.

К удивлению Птолемея, Александр не потерял рассудка при виде золотой короны Дария. Неожиданно для всех он бросил ее к своим ногам. Это привело армию в бурный восторг.

— Слава Александру! — раздался мощный гортанный крик воинов.

— Слава Александру!

— Слава Александру!

Царь приказал бичевать Бесса на виду у всех. Затем он объявил воинам о празднике. Зазвучали флейты и струны кифаредов — артистов, играющих на струнных инструментах, слышались хоровые песни — дифирамбы, начался комос — веселая процессия в честь бога вина Диониса.

Пока воины веселились, в царском шатре шел суд над Бессом. Почему он убил Дария? Персидский царь не мог сохранить государство. Когда один из стратегов-командиров легкой пехоты поинтересовался, собирался ли Бесс сформировать новое азиатское царство, тот надменно ответил: "Да, если бы меня не предали согдийцы".

Куда ушел Спитаман? Бесс только пожал плечами. И, наконец, цареубийцу спросили: "Какую смерть желает он?" Неожиданно "царь Азии" упал на колени, умоляя Александра не отдавать его на растерзание родственникам Дария. Он уверял, что злодеи разрубят его кинжалами на куски и будут стрелять телом Бесса из дротиков в собак. Бесс говорил, что заслужил более достойной смерти, так как был сатрапом Бактрии и Согдианы, а также последним царем Азии.

Но Александр решил поступить так, как не хотел Бесс — отдать его на суд родственникам Дария. Александр ненавидел и боялся цареубийц, ибо сам был царем.

На следующий день авангард Птолемея и Фарнуха направился на север, через горы в Мараканду, а основные силы армии во главе с Александром двинулись в Наутаку. Итак, македонцы не повернули коней назад, как думали Оксиарт

и Хориен. По их милости страну можно было брать голыми руками. Александр спешил превзойти в подвигах самого Геракла.

Царь пытался ответить на вопрос: почему боги дали человеку разум и силу, но не дали бессмертия? Возможно, потому, чтобы тщеславные люди не пытались вознестись на небеса, не мечтали жить среди всевышних и быть богами. Старое предание гласит о том, что "если ты человек, то помни, что ты всегда им и останешься". Человеку дозволено жить и умирать на земле. С тех пор мир состоит из живых и мертвых, настоящего и прошлого, а будущее остается великой тайной.

Два года спустя Александр спросит у индийского философа: "Кого в мире больше — живых или мертвых?" "Живых, — ответит мудрец, — потому что мертвых больше нет".

Но даже самый мудрый философ не знает, сколько людей приходило в этот мир и покидало его. Если бы кто знал, откуда он пришел и куда уйдет... Жизнь иногда кажется слишком долгой для отдельного человека и бесконечно длинной для поколений человечества.

Люди благодарно зывают к богам, приносят им жертвы и, обращаясь к невидимой Силе, на разных языках произносят молитвы. Священные слова возносятся от земли к небесам.

ЗАСАДА

Между тем, на македонцев, выступивших из строя... напали варвары. Они стреляли из пращей и луков.

Квинт КУРЦИЙ РУФ

Горы, разделявшие долину Наутаки с Маракандой, называли по-разному — Заравшанскими или Золотоносными, Наутакскими или Черными. К западу они понижались. Здесь начинались проходы в Мараканду. Местность напоминала завоевателям знакомую Македонию и Фессалию — узкие ущелья, зеленые леса и холодные ручьи.

Птолемей и Фарнух находились среди воинов тяжелой пехоты — педзетеры, шедших за головным отрядом аконтистов, вооруженных короткими копьями и дротиками, тылы прикрывала конница. События разворачивались весьма удачно. Варвары добровольно отдавали Согдиану.

Как долго покорители Азии задержатся в этой стране? Все в руках богов! Легкий ответ известен каждому. Но к чему Птолемею и Фарнуху время, если они завоевывают Согдиану без сражений? О, Согдиана! Покорись им добровольно! Отдай эллинам свою красоту!..

— Засада! Засада! — страшно вдруг завопили воины головного отряда. Враг напал неожиданно, не давая развернуться рядам македонцев в узком ущелье. Со скал, словно небесный град, посыпались огромные валуны, и со всех сторон обрушился поток стрел с острыми бронзовыми жалами-наконечниками. Атака согдийцев была настолько молниеносной, что многие воины передового отряда были уничтожены, даже не вступив в бой. Легкие кожаные щиты — пельты не смогли защитить македонцев от согдийских стрел и дротиков.

— Лучники!

— Пращники!

Тяжелая пехота педзетер македонцев, прикрываясь щитами, сбилась в кучу. В горах она неповоротлива. Согдийцы будто знали об этом. Пока пехотинцы выстраивали ряды, три десятка завоевателей были уничтожены. Наконец гоплиты наострили жала сарисс и тесной шеренгой устремились вперед. Обстрелом из катапульт македонцы заставили отступить пехоту и конницу неприятеля. Пеоны и иллирийцы, имеющие опыт преследования противника, окружили и заперли согдийцев в ущелье.

В ближнем бою македонцы оказались гораздо сильнее. Короткие копья и кинжалы согдийцев не могли разрушить стену длинных копий. Диммахи — всадники, способные вести бой в пешем и конном строю, настигали и безжалостно истребляли отступающих. Жалкая кучка противника сумела вырваться из окружения и скрыться вдали. Македонцы, опа-

саясь другой засады, не стали преследовать их в незнакомом горном ущелье.

Птолемей велел разыскать на поле боя раненых согдийцев, но таких не оказалось. Мертвые согдийцы не могли рассказать полководцу, что заставило их напасть на воинов Александра, хотя Птолемей сам мог догадаться об этом. Он приказал собрать мертвых варваров и положить их к ногам павших в бою солдат Александра. На каждого из сорока убитых эллинов пришлось по три сраженных ими согдийца. Потери Птолемея были велики. Столько воинов македонцы не теряли от Персеполя до Окса. Победа была равносильна поражению. Однако македонцы, привыкшие только к славе, не думали об этом.

Птолемей отобрал оружие и боевые доспехи у чудом оставшегося в живых командира передового отряда. Следующий бой несчастный начнет в рядах штрафников, как правило, обреченных на гибель.

Хороший урок! Где были бематисты, проводившие разведку местности? Как же не заметили они, что в ущелье скопились варвары и готовят засаду? Толпа согдийцев заставила дрогнуть и чуть было не обратиться в бегство воинов, завоевавших почти всю Азию! Еще два таких сражения... Владыка Зевс! Прости промах.

Фарнух молчал. Не он ли говорил о мирном покорении Согдианы? Неужели придется штурмовать Мараканду? Вряд ли. Где у согдийцев армия? Тогда становится непонятной эта засада. Может быть, это были разбойники, грабители или же это рука Спитамана?

Пока воины Александра оплакивали убитых в бою соотечественников, более десятка уцелевших всадников неприятеля спешили в горы. Несмотря на большие потери, они были довольны. Фарнух не ошибся, засадой руководил Спитаман.

* * *

Александр занял город Наутаку и несколько крепостей в его округе. Затем он поспешил в Мараканду. Царь наде-

ялся, что Спитаман встретит его и признает власть эллинов. Он назначит отважного согдийца правителем Согдианы. Многочисленные гарнизоны македонцев, оставленные за Оксом, смогут держать местное население в повиновении. Тогда Александр осуществит свою заветную мечту — вновь перейдет Окс и захватит Индию.

Однако у стен Мараканды Александра встретил не Спитаман, а потрепанный авангард Птолемя, только что свершивший трудный переход через горы. Царь сдержал себя от гнева и назвал засаду не иначе как разбойничьим нападением варваров. Зачем пугать армию вестью о том, что согдийцы объявили войну эллинам? Стало ясно, что согдийский поход затягивается и неизвестно, когда закончится. Но в царском шатре в присутствии полководцев он объявил Птолемя и Фарнуху выговор за оплошность, приказав им искупить вину в первом же бою с согдийцами.

Сражения за Мараканду не состоялось. Город взяли без боя так же, как и Наутаку. Между тем оба города согдийцев были укреплены и имели цитадели. Тактика неприятеля настораживала. Лишь население окрестных селений Мараканды оказало завоевателям сопротивление. Александр приказал опустошить и сжечь дома мятежников.

В Мараканде состоялся военный совет. Многие полководцы не присутствовали на нем. Неарх — командир македонского флота — готовил на Юге Ирана суда для похода к Индийскому заливу, где он должен был встретить сухопутные силы эллинов. Певколай и Кратер были в Бактрии, Клит — в Наутаке, Кен сопровождал Бесса в Бактры.

Александр решил оставить в Мараканде гарнизон во главе с Гефестионом и Караном, тогда как основные силы выступили к Яксарту и там, закончив поход, должны были повернуть назад. Это не вызвало возражений.

Но что делать со Спитаманом? Он, кажется, умнее Бесса. Спитаман и непокоренные горные крепости согдийцев остаются в тылу и затрудняют положение македонцев. Не исключено, что когда эллины покорят народы у Яксарта, Спитаман придет с повинной сам. Земли междуречья Окса и Як-

сарта будут подчинены новой власти. Спитаману деваться некуда, а крепости можно захватить на обратном пути.

Кто знает? Ничто не мешало Спитаману признать Александра царем в Наутаке и Мараканде. Неужели согдиец выжидает и набирает силы? Но с какой целью? Чтобы говорить наравне с Александром?! Это уж слишком! Дерзости варвара нет предела. Царь уважает смелых людей. Но что сделает этот народ, который может только пахать и сеять, с доблестной армией, покорившей Азию. Это так. Но и воины Александра были когда-то хлебопашцами, разводили скот и лепили горшки. И смерть от махайры — всадника македонца не легче смерти от отравленной стрелы согдийца.

Эллины обучаются военному искусству с детства, они гораздо сильнее в этом любого варвара, поэтому они сегодня в Мараканде, а не Дарий и Спитаман в Афинах и Пеллах. Говорили в основном македонцы. Командиры греки молчали. Их подразделения с некоторых пор выполняют привилегированные функции — охраняют обозы, несут гарнизонную службу и редко участвуют в сражениях.

Здесь, вдали от Эллады, когда македонцы и их союзники — "европейские варвары" — агриане, пеоны, иллирийцы и другие неожиданно стали эллинами, греки с гордостью могли бы напомнить царю и его друзьям, что в основу знаменитой македонской фаланги была положена спартанская система построения сариссоносцев, и что ксифос — меч гоплита — оружие истинных эллинов, и что осадные орудия греки использовали задолго до Филиппа, который многое перенял из стратегии и тактики греков. Об этом давно уже все забыли, и тот, кто идет под началом Александра, считает себя эллином, исключая разве что азиатов, перешедших на службу к царю.

На все воля богов. Если варвары не состязаются в гимнастических упражнениях, это не означает, что они ничего не умеют. Союзники могли бы поучиться у них стрельбе из лука и верховой езде. Легкая кавалерия фракийцев и македонцев-лучников, призванная прорывать оборону врага, часто в Азии не могла выполнить этой задачи.

Спитаман не организовал оборону Наутаки и Мараканды, так как знал, что Александр успешно штурмовал более мощные укрепленные города. Главной ударной силой согдийцев являлась конница, которую невозможно было использовать, укрывшись за стенами городов и крепостей. Видимо согдийцы решили действовать на неограниченных пространствах, применяя метод засад и неожиданных налетов конницы. Но планы Спитамана оставались неизвестными.

Что ж, остается послать к Спитаману людей с требованием покорности. Так некогда поступил персидский царь Дарий I, отправив в Афины и Спарту послов с требованием покорности. В знак этого греки должны были дать варварам землю и воду. Однако афиняне сбросили послов в пропасть, а спартанцы — в колодец. "Оттуда и принесете своему царю землю и воду", — мудро решили они. Теперь эллины предоставляют варварам возможность ответить тем же. Александр приказывает Фарнуху разыскать Спитамана, но потребовать у согдийца не покорности, а передать ему "дружественное" послание царя. Если Спитамана не убедят слова Александра, то ликиец соблазнит варвара подарками.

Обсудив дальнейшие стратегические планы, полководцы решают двинуться на рассвете к Яксарту. Завоеватели думали, что до конца Согдийского похода оставалось лишь двенадцать дневных переходов, а затем — Индия и конец войне. Конец войне на Востоке! Торжественные гимны эллинским богам не слышали народности, жившие далеко к северу от Македонии или к югу от Египта.

* * *

К северо-востоку от Мараканды, за степными просторами, начинались горы. Коварные горы Азии! Нет им конца и края. К удивлению македонцев, город Кирополь стоял отнюдь не на берегу Яксарта. До реки оставалось более полудня пешего пути. Видимо Киру так и не удалось дойти до Яксарта. Не случайно "город Кира" стоит вдали от реки.

Это обрадовало Александра, как новая игрушка радует ребенка. Из царей запада и востока он первым увидит Яксарт. Коварная жажда славы!

В крепости Кира, где уже давно не было ни одного перса, завоеватели встретили упорное сопротивление местных жителей. Еще в конце горных ущелий, откуда шел прямой путь на Кирополь, тысячи местных жителей неожиданно атаковали армию Александра. Большинство из них, вооруженные только дубинами и железными топорами или копьями, дрались отчаянно. Понятно, что македонская фаланга быстро оттеснила неприятеля к городу, оставив на выгоревшей траве горы трупов и лужи крови азиатов.

Греко-македонская армия окружила Кирополь на расстоянии полета стрелы. Жители города готовились к обороне. Они собрали большое количество ядер и при удобном случае обстреливали македонцев из пращей. Появились раненые, но, слава Зевсу, их было немного.

Царь, огорченный неподвиженными задержками, не прекращал давать стратегам-командирам приказы:

— Дать воинам отдохнуть! Подготовить конницу для отражения вражеской атаки! До утра вести обстрел города из катапульт. Прочесывать окрестности, вражеских лазутчиков убивать на месте. Штурм начнем завтра.

Но неприятности Александра на этом не закончились. Прибыл Стазанор, возглавивший отряд лазутчиков в отсутствие Фарнуха. Он сообщил, что на берегу Яксарта скопились кочевники-саки и собираются прийти на помощь осажденным. Царь, не скрывая волнения, приказывает Птолемею усилить отряд Стазанора лучниками и пращниками. Затем отменяет приказ и решает сам выступить против саков.

На рассвете осажденные заметили, что часть македонцев уходит в неизвестном направлении. Одновременно эллины усилили обстрел города из метательных орудий. Защитники ответили им тем же. Тысячи стрел, керамических и каменных ядер летали из одной стороны в другую.

С первыми лучами солнца начался штурм Кирополя. Мощно запели трубы, вместе с гортанными криками воинов сотрясая воздух. Осажденные на миг растерялись, будто на них двинулась не лавина убийц Александра, а налетели злые ведьмы Ахримана. При виде тысячи врагов, шедших на стены родного города и несущих смерть, защитники почувствовали себя увереннее. На головы македонцев градом посыпались камни и полилась кипящая вода.

Стоны раненых и хрип лошадей. Свист стрел и холодное дыхание смерти. Под прикрытием "черепax"¹ македонцы столпились у стен города. Самые отчаянные из них взбирались на стены по плетеным и деревянным лестницам, но, наткаясь на вражеские кинжалы и удары дубин, с предсмертными криками летели вниз вместе с проломленными деревянными лестницами.

Солнце шло к зениту. Все яростные атаки македонцев оказались безуспешными. Птолемей и Селевк, командовавшие штурмом города, после совещания решили остановить бой. Македонцы вернулись на исходные позиции. Облегченно вздохнули и осажденные. Армия Александра, словно огромная, свирепая, побитая собака, отдыхала, зализывая раны.

* * *

Подразделения Александра благополучно дошли до Яксарта и незаметно для противника расположились на высоком холмистом берегу реки. Вот первая группа саков стала переплывать Яксарт, который в этом месте был не широким, а его течение не быстрым. На воду были спущены плоты. Скоро к южному берегу причалило человек сто пятьдесят. Побросав на землю луки, колчаны со стрелами и кинжалы, они стали ждать остальных.

Александр велел лучникам и пращникам пехоты пельтасты начать обстрел противоположного берега реки, а сам во главе конницы лучников — гипотоксоты напал на отды-

---

¹ Навес от стрел и ядер.

хавших после переправы саков. Несчастные бросались в воду, но и здесь их настигали стрелы, кони на берегу топтали безоружных, а копыта пробивали тела людей, застигнутых врасплох.

На противоположном берегу раздались вопли остальных саков. Они видели, как демоны в рогатых металлических шапках безжалостно истребляли их соплеменников. Кочевники ничем не могли помочь несчастным собратьям, лишь звучали грозные, но беспомощные крики-проклятия в адрес коварного врага. Македонцы ликовали. Траурный плач с другого берега реки звучал для победителей как веселая песня.

На высоком берегу Яксартта воины Александра установили катапульты и начали обстрел кочевников. Осыпаемые стрелами и камнями, те стали отходить от реки. Ни на минуту не прекращая обстрел, войско Александра, воспользовавшись плотами саков, переправилось через Яксарт и стало преследовать неприятеля.

Саки атаковали фалангу македонцев, однако, наткнувшись на длинные копыта, повернули назад, не прекращая стрельбы из луков, выпуская на ходу десятки стрел. Они стреляли в любом положении, даже верхом на коне при бешеной скачке. Македонцы ложились на землю и укрывались огромными щитами, но стрелы достали многих из них.

Александра поразила горькая правда — край земли не начинался и за Яксарттом. Он не решился преследовать кочевников, которые скрылись в бескрайних степных просторах, но готовы были вновь в любую минуту обрушиться на карательный отряд. Александр не хотел повторять ошибок царей персов. Похоронив с почестями погибших воинов, он вновь переправился через Яксарт и двинулся к Кирополю.

Город не был взят, и это привело завоевателя мира в бешенство. Быстро оценив обстановку, Александр велел начать обстрел города с холма у Западных ворот. Одновременно начался ожесточенный штурм. В воротах Кирополя появились пробоины, и скоро они были сломаны. Македонцы ворвались в город, на улицах которого начались руко-

пашные схватки. Древний автор писал: "Бились они с мужеством отчаяния; сражение было страшным: и по причине их проверенной в битве храбрости, и по причине рвения македонцев, не желавших уступать варварам в доблести. Бились врукопашную враги, схватившись грудь на грудь..." Македонцы, пробивая сариссами щиты варваров, вонзали наконечники своих копий в грудь противников. Было много раненых и убитых. Александра поразило мужество женщин Кирополя. Они подбирали оружие павших и бились наравне рядом с мужчинами. Страшная опасность заставила их забыть, что они не воины, а мирные женщины — матери, хранительницы семейного очага. Отчаянное сопротивление азиатов было сломлено лишь к вечеру. Греко-македонцы вырезали почти все население города и лишь уцелевшим в битве женщинам сохранили жизнь.

Слухи о кровавой бойне в Кирополе быстро дойдут до Согдианы и Бактрии. Назревало восстание.

СОГДИЙЦЫ

А смелое настроение является у людей в тех случаях, когда они сознают, что, имея во многом успех, они ни в чем не терпели неудачи, или, что, побывав много раз в ужасном положении, они всегда счастливо выходили из него.

АРИСТОТЕЛЬ

Наконец Фарнух узнал о месте пребывания Спитамана. На то он и лазутчик сильнейшей в мире армии. Ему пришлось переодеться в нищего, бродить по темным закоулкам Мараканды и подслушивать разговоры бродяг. Все говорили о том, что Спитаман скрывается с войском в верховьях Золотоносной реки.

В лагере согдийских ополченцев царило спокойствие. Их охраняли горные кручи. Спитаман и Аримаз были удивлены, когда воины привели в шатер оборванного нищего. Фарнуха тотчас узнали. Ликийцы не похожи на согдийцев:

ему не стоило больше притворяться, считая варваров ослами. Фарнуха смутило такое начало. Им не понравилось его одеяние? Не мог же ликийец прийти сюда в доспехах воина Александра?!

Такая одежда ему к лицу. Но вдруг Спитаман вспомнил, где видел Фарнуха. В иранской пустыне Дашти Лут! Тогда Александр преследовал своих врагов и резал их, как весенних ягнят. Фарнух был во главе передового отряда и спешил за согдийцами до Бактрийских гор. Его надменное лицо нельзя было не запомнить. Жаль, что стрелы согдийцев не достали тогда Фарнуха.

Ликийец вздрогнул. Этот Спитаман не под стать многим врагам Александра. И умом хорош, очень хорош. Фарнух не мог знать, что Спитаман служил в армии Ахеменидов долгих десять лет и начал службу он еще до того, как Филипп Македонский решил "перенести войну в Азию, а счастье Азии к себе", и задолго до событий, когда двадцатилетний Александр решительно перешел Геллеспонт и когда при Гранике Фарнух впервые увидел пехотинцев — согдийцев. Этот Спитаман — достойный противник, вряд ли подкупишь его дарами Александра.

Итак, Александр передавал согдийцам пожелания процветания. Весьма запоздалые пожелания. После жестокой резни на Яксарте они напоминают отравленную ядом стрелу. Но Александр не повинен в том, что какие-то разбойники устроили засаду его доблестным воинам в горах Наутаки, как не повинен и в том, что жители Яксарта первыми напали на него.

Как дерзко и надменно говорит посланник Александра! Они хотели бы видеть согдийцев, согнутых в поклоне, и обильные дары у ворот их городов? Они были бы рады тому, что согдийцы добровольно накинут на себя петли? Но, спрашивается, ради чего? Лишь потому, что к ним пришел Александр, пусть даже трижды он велик и могуч! Разве обрадовался бы Александр встрече с вооруженными согдийцами у себя на родине? Так почему этот ничтожный человек называет согдийцев разбойниками и обвиняет их в напа-

дени на воинов его царя? Никто не говорил Александру — переходи Аранху и спеши в Согдиану, там нуждаются в мудром царе. Александр, не спрашивая согдийцев, перешел реку и первым напал на Согдиану, а не согдийцы на его страну.

Фарнух хотел было напомнить этим дерзким согдийцам, что их предки в составе армии Дария I и Ксеркса грабили и жгли города Малой Азии, Македонии и Эллады, но сдержался. Он отказывается обсуждать деяния великих людей. Ведь смертным не даны полномочия богов.

Зачем же раб Александра пришел сюда? За смертью?

Он пришел передать волю своего царя, который желает видеть предводителей согдийцев.

Хоронить его воинов, убитых за Аранхой стрелами согдийцев? Александр предлагает им вечную дружбу! Александр не может быть другом согдийцев. Он принес в Согдиану огонь войны и смерть. Яд остается ядом, будь он даже сладким. Оковы всегда оковы, если они и цвета золота, поэтому дружба Александра — не больше чем обман...

Александр предлагает согдийцам дружбу на века. Он пошел войной на Азию потому, что первыми враждебные действия начали персы. Он завладел их страной, потому что боги отдали ее ему. Он победил Доро в открытом бою, но тот отказался подчиниться Александру и признать себя побежденным. Он не хотел идти в Согдиану, но путь туда ему указал Бесс. Спитаман выдал Бесса Александру, за что царь хвалит его. Македонцы наказали цареубийцу, но Спитаман не захотел встречи с ними. Сын бога Амона не причинит Спитаману и его друзьям зла, о чем согдиец ни попросит, все будет сделано. Царь Эллады и Азии предлагает отважному Спитаману титул сатрапа Согдианы, пусть он идет к нему.

Заманчивое предложение. Александр ценит мужественных людей!

Но почему этот согдиец отказывается принять предложение, от которого Фарнух не отказался бы никогда в жизни и даже в Стране Мертвых. Ликийцу не понятно.

Александр был готов к отказу, хотя и удивился высокомерию варвара. Он отправил Фарнуха со вспомогательным отрядом в Мараканду, а сам в предчувствии недобрых событий стал строить крепость на берегу Яксарта для отражения набегов саков.

Царь не ошибся. От Окса до Яксарта вспыхнуло восстание. Македонские гарнизоны, оставленные в крепостях Бактрии и Согдианы, подверглись нападению варваров. Один за другим прибывали к Александру гонцы. Они сообщали, что в долине реки Паритак местные жители под предводительством неких Австана и Катана начали войну против Кратера, что согдийцы заперли Клита в крепости Наутаки. Наконец пришла весть, которую царь не желал слушать, — Спитаман осадил Мараканду.

Александр оказался в затруднительном положении. За Яксартом вновь стали собираться кочевники, а крепость была еще не достроена. В одном из налетов саков царь был тяжело ранен стрелой в плечо.

Спитаман осадил Мараканду, взял город и запер гарнизон греко-македонцев в цитадели. Неожиданно на помощь согдийцам пришли кочевники низовий Зарафшана. Македонский гарнизон отчаянно сдерживал натиск войск Спитамана. Однако узнав, что к Мараканде приближается отряд Фарнуха, согдийцы решили отступить к Зарафшану.

Гефестион и Каран радостно встретили Фарнуха. Жарко было. Умеют варвары воевать. У Спитамана, надо признать, есть задатки полководца, и он сумел бы командовать легковооруженной пехотой эллинов. Что делать? Укрепить оборону города либо преследовать жалких трусов? Мнения полководцев разошлись.

Гефестион предлагал оставаться в Мараканде, Фарнух — напасть на согдийцев и расправиться с ними. Карану также надоело отсиживаться за стенами Мараканды, тем более, что Александр велел действовать по обстановке. Каран и Фарнух считали разумным напасть на врага и уничтожить вар-

варов. Разве устоят они перед фалангой в открытом поле боя?! Никогда! Так было при Гранике, Иссе и Гавгамеллы. Так было и будет всегда! Решено, что Гефестион остается с отрядом в городе, Каран и Фарнух выступают в погоню.

Из ворот Мараканды выходили отборные войска, облаченные в шлемы и панцири. В первых рядах одетые в хламиды — короткие походные плащи шли фракийцы и агриане, вооруженные дротиками, пращами и кинжалами. За ними — тяжеловооруженные македонцы с длинными копьями и округлыми либо прямоугольными щитами, далее — легковооруженные пеоны и иллирийские лучники. Замыкала этот великолепный строй фессалийская конница, считавшаяся одной из лучших в мире. Казалось, ничто не могло устоять перед несущейся лавиной воинов, могущей повернуть вспять русло Зарафшана. Трубы громко пели о победе.

По пыльной дороге к Золотоносной реке, пугая ящериц и грызунов, шли славные воины Александра. Они спешили свершать обычные дела — убивать, жечь и побеждать. Они привыкли убивать сначала по воле других, затем это стало традицией и ремеслом. Война заставила их огрубеть, забыть сострадание и добро к людям, забыть то, что природа дарует всем лишь один раз — жизнь. Разрушая и сея смерть, оставляя после себя пепелища городов, трупы чужих матерей и отцов, они думали, что побеждают. Но за победами приходит и час расплаты. Эллины, привыкшие к лаврам, не думали об этом. Они спешили к свершению обычных дел. Трубы громко пели о победе.

Напрасно лазутчики Карана и Фарнуха высматривали войско Спитамана. Неприятель исчез. Его не было видно ни на берегу реки, ни вдали на холмах. Неужели варвары трусили и бежали?

Жарко, людей мучает жажда. Каран предлагает отдохнуть и двинуться дальше, враг далеко уйти не мог. Фарнух говорит, что лучше выстроить воинов на берегу реки и ждать Спитамана, который не выдержит и сам нападет на них. Каран не соглашается и уводит свой отряд в глубь большого

острова. Фарнух с основными силами, которые состояли из эскадрона всадников — ила, легкой пехоты, сариссоносцев и лучников, остается на берегу реки и готовится к отражению нападения согдийцев.

Прохлада зарослей острова клонит ко сну в знойный день. Рядом вода, щебечут птицы. Тишина...

Вдруг зазвенели струны тростниковых луков. Из-за кустов посыпались стрелы. Коварный враг напал неожиданно. Македонцы онемели от страха. Опять засада! Напрасно кричал Каран, отдавая приказания. В панике македонцы побежали, но наперерез им из зарослей вышла пехота неприятеля и обоюдоострыми боевыми секирами начала крушить врага.

Крики македонцев долетели до берега. Фарнух приказал легковооруженным пеонам и агрианам спешить на подмогу Карану. Но на их пути внезапно появилась сакская конница и стрельбой из луков уничтожила добрую половину агриан, шедших впереди. Конница быстро отступила. Ее место заняла пехота Аримаза и столкнулась с пеонами. Последние оказались проворней в ближнем бою и стали теснить согдийцев. Однако из зарослей, словно огромные тени, появились бородатые горцы, вооруженные дубинами и боевыми топорами. Они отбросили пеонов назад. Конница согдийцев через головы своих пехотинцев метко поражала стрелами бегущих воинов Александра.

Наконец опомнились иллирийские лучники, ударившие из луков и пращей по пехоте и коннице противника. Неприятель дрогнул. Тем временем Фарнух перестроил ряды. В центре встали македонцы из числа тяжеловооруженных педзетер — копьеносцев, по флангам — фессалийская конница, тылы прикрывали иллирийские лучники. Было ясно, что отряд Карана попал на острове в засаду, но и Фарнух оказался в затруднительном положении.

Конница саков должна была ударить в центр македонцев, тогда как пехота согдийцев заходила с флангов. Однако они ошиблись. Лошади кочевников натыкались на тяжелые длинные копья македонцев и с храпом валились на зем-

лю. Македонцы безжалостно уничтожали лежащих на земле саков. От кинжалов противника эллины умело закрывались щитами, не переставая при этом орудовать копьями. Фессалийская конница не давала подходить согдийской пехоте к флангам.

Согдийцы и саки не имели достаточного опыта борьбы с македонской фалангой. Сила последней — не только в высоких физических качествах, дисциплине и вооружении, но и в том, что вторая шеренга в момент столкновения заполняла прорывы, образовавшиеся в первой шеренге, а дальнейшие боевые линии — третья, четвертая... были всегда готовы заменить убитых и раненых гоплитов первых шеренг. Таким образом, напор фаланги не ослабевал до тех пор, пока между шеренгами не образовывались разрывы. Для этого необходимо было напасть на фланги гоплитов — самое уязвимое место фаланги.

Маневр Фарнуха удался. Уже, казалось, победа близка, и он разгромит противника. Однако Спитаман, покончив с отрядом Карана, поспешил к берегу реки, где шел ожесточенный бой. Прав оказался Гефестион, утверждая, что у Спитамана есть задатки неплохого стратега, но в одном ошибся полководец — согдиец мог командовать не только пехотой, но и конницей.

Спитаман велел коннице саков зайти с тыла и флангов тяжеловооруженной фаланги, а согдийской пехоте Аримаза напасть на иллирийских лучников, тогда как строй агриан он выманил на свой отряд. Превосходя на всех участках боя числом, согдийцы окружили противника. Фарнух, чувствуя неизбежный крах, приказал македонцам отступать. До самых стен Мараканды согдийцы преследовали врага, нанося ему ощутимые потери. В город вошла лишь горсть доблестного войска Александра.

Если бы Спитаман, как недавно поступил Птолемей, приказал собрать мертвых врагов и положить их к ногам своих воинов, погибших в бою, то на каждого из четырехсот мертвых согдийцев, бактрийцев и саков пришлось бы по пять и более убитых воинов Карана и Фарнуха. Две тысячи фра-

кийцев, агриан и пеонов, македонцев, фессалийцев и иллирийцев остались на острове и берегу Золотоносной реки. Возмездие не заставило ждать себя долго. Все боги Олимпа не могли помочь армии эллинов вернуть погибших воинов в строй. Это крупное поражение развеяло миф о непобедимости греко-македонцев.

Каран и Фарнух, сумевшие выбраться из ада, словно побитые собаки, сидели у Гефестиона. Стратеги Александра обвиняли друг друга в поражении и не стеснялись в оскорбительных выражениях, которые знал, пожалуй, далеко не каждый уличный бродяга. Богиня раздора подкинула им на двоих одно яблоко. Они спорили до хрипоты, словно разум расстался с ними навсегда. Не исключено, что настал их последний час. Не лучше ли достойно встретить смерть?

Спитаман, развивая успех, вновь запер македонцев в цитадели Мараканды.

* * *

Успех Спитамана заставил Оксиарта послать гонцов к Хориену. Может, поддержать согдийцев и выступить против Александра? О, боги, неужели Спитаман победит Александра? Не лучше ли погреться у костра славы Согдианы? Но Хориен охладил пыл Оксиарта. Костер Спитамана еще не разгорелся. Он победил не Александра, а только часть его войска. Александр справился с кочевниками у Яксарта и идет в Мараканду. Эти безумцы Катан и Австан после первого боя спрятались в горах. Спитаману скоро конец, но, если случится чудо, и последний вдруг победит, вот тогда можно "прийти к нему на помощь". Время — лучший советчик.

Вскоре под Наутакой воинам Александра удалось разогнать восставших согдийцев. Оксиарт успокоился, но продолжал укреплять стены крепости. Но напрасно Оксиарт и Хориен считали себя мудрецами. Их мудрость не стоила даже горсти серой пыли.

К Александру продолжали прибывать гонцы, сообщая о затруднительном положении македонцев. Царь похудел, осунулся, под глазами появилась синева, лицо стало бледным. Его беспокоила Согдиана — страна, в сотни раз меньшая, чем все земли Азии, покоренные Александром. Страна, оказавшая упорное сопротивление, гораздо большее, чем многие страны и города Востока.

"Нет, это еще не конец!" — думал царь. Он покажет согдийцам! Александр, не считаясь с потерями, разбил саков у Яксарта и, оставив небольшой гарнизон в новой крепости, с основными силами направился в Мараканду.

Спитаман отошел от Мараканды. Александр увидел в городе изможденных и голодных воинов после осады. Он прибыл в Мараканду вовремя. Лишь заступничество Гефестиона спасло Карана и Фарнуха от позорного разжалования в рядовые. Перейдя Заравшан, царь решил преследовать Спитамана.

После пяти дней погони, на рассвете, вдали на холмах появились всадники неприятеля. Они сначала исчезли, затем вновь появились и, растягивая строй, помчались в разные стороны. Согдийцев становилось все больше и больше.словно из-под земли вынырнула пехота. Она выдвинулась впереди конницы. Столь умелое построение без суеты и спешки раздражило македонцев.

Армия Александра выстроилась как обычно. Впереди стояла легкая пехота из числа агриан, фракийцев и пеонов, вооруженных дротиками, пращами и луками. Они начинали бой. Пехотинцы не имели тяжелых доспехов — панциря, шлема и большого щита. Кроме метательного оружия у них были мечи. В центре в несколько рядов выстроились гоплиты — македонцы, с щитами и сариссами. Слева от фаланги гоплитов стояли пехотинцы греческих городов и фессалийская конница, справа — царские щитоносцы и македонская агема — отборная конная гвардия, сопровождавшая царя в сражении. Александр приказал выдвинуть по флангам

легкой пехоты подразделения аргираспид, оснащенных серебряными щитами.

Место между гоплитами — копьеносцами и легковооруженными воинами заняли пельтасты. Их вооружение состояло из легкого круглого щита — пельты, обтянутого козьей кожей, и длинного меча.

Задул северный ветер — борея. Он принес со стороны неприятеля тучи серой пыли и песка. Александр при виде воинов, покрытых густой пылью, воскликнул:

— Эта благодатная долина насытится сегодня кровью варваров! Считайте, что мы видим их трупы. Так ускорим же побоище врагов!

Фаланга македонцев торжественно пошла навстречу неприятелю. Большие щиты гоплитов, покрытые медными пластинами, закрывали тела воинов от плеча до колен. Однако блеск эллинских доспехов и рокот боевых труб не напугали ни вражескую конницу, ни пехоту. Засверкали в лучах утреннего солнца первые стрелы. Легковооруженные согдийцы и горцы-бактрийцы, издав мощный боевой клич, бросились на агриан, фракийцев и пеонов. В сорока шагах от последних они остановились и обстрелом из луков расстроили ряды воинов Александра, а затем помчались назад. Александр велел коннице догнать неприятеля, но навстречу фессалийцам поскакали саки. Неистовые всадники Севера низвергали при бешеной скачке сотни стрел, чего не могли делать фессалийцы. Саки рассыпались по полю боя, а затем молниеносно атаковали не только конницу, но и фланги гоплитов Александра.

На всех участках завязался ожесточенный бой. Все перемешалось. Нарушился строй. Спитаман, избегая длинных копий гоплитов, велел согдийской пехоте напасть на правый и левый фланги македонцев. Но постепенно бой переместился и к центру. На правом фланге завязалась кровавая схватка между саками и фессалийцами, на левом фланге и в центре насмерть стояли пехотинцы — согдийцы и бактрийцы.

Наконец Александр повел за собой резервные силы — царских щитоносцев и знаменитую агему. Царь видел, как,

уже пеший, сражался Спитаман. Его окружили пехотинцы — пеоны. Спитаман наносил удары секирой и защищался плетеным щитом. "Умеет варвар драться", — подумал царь и поспешил навстречу согдийцу. Плотные ряды сражающихся не давали царю пробиться вперед.

Александр, поразив ударами копья нескольких согдийцев, бесстрашно ринулся в гущу сражающихся. Царь всегда отличался в бою отвагой и искусством борьбы, чем подавал эллинам примеры доблести. У Александра сломалось копье, но он продолжал крушить противников мечом. Неожиданно кто-то нанес царю страшный удар кинжалом по голове. Удар пришелся в шлем, слетевший с головы сына бога Амона. Один из согдийцев, признав царя, кинул в него копье, но телохранитель Аристофан прикрыл Александра собой и, пораженный в грудь, рухнул на землю. Когда другой согдиец занес над царем кинжал, Фарнух сбил варвара с седла ударом копья, но тотчас же несколько стрел согдийцев поразили самого Фарнуха. Смерть Фарнуха привела Александра в ярость, а одна из стрел азиатов, задевшая его плечо, — в безумие.

На левом фланге почти все согдийцы были уничтожены, последние из них не сдавались, предпочитая смерть. Ряды бактрийцев на правом фланге также быстро таяли. И лишь в центре еще сражалось около тысячи согдийцев и саков. Македонцы превосходили на всех участках битвы, но нельзя сказать, что их потери были незначительными.

Спитаману удалось запрыгнуть на коня, потерявшего всадника. Александр приказал агеме окружить Спитамана и взять его живым. Но Спитамана прикрыли всадники Аримаза, сражавшегося весьма искусно. Несколько гвардейцев Александра пали от его рук.

Исход сражения решил напор македонской фаланги, сакская конница отступила и покинула поле боя. Из тисков Александра удалось вырваться лишь сотне согдийцев. На расстоянии полстадия отступающие остановились и, обстреляв из луков македонцев, ускакали прочь.

Царь был раздосадован. Он не стал преследовать согдийцев, велел собрать тела погибших воинов, как эллинов,

так и варваров. Его поразило мужество согдийцев, а достойных соперников царь уважал.

Обходя поле боя, Александр заметил, что вокруг одного согдийца, пронзенного стрелами и копьями, лежали сраженные всадники его агемы. Кто же он? Кто-то сказал, что мертвого звали Аримаз. Не тот ли друг Спитамана? Тот самый. Этот Аримаз — храбрый человек и достоин того, чтобы над его телом исполнили почетный погребальный обряд и принесли жертвы богам согдийцев.

На поле боя вперемешку, порой обнявшись, словно братья, лежали воины-фракийцы и саки, македонцы и бактрийцы, агриане, пеоны и согдийцы, сраженные копьями, стрелами и пронзенные кинжалами. Многие гибли, так и не поняв за что. Этот вопрос застыл на их лицах. Казалось, что лишь трагическая случайность заставила их биться насмерть. Это были просто люди, обреченные на гибель по воле бога войны.

В этой битве пало большое число лошадей, некоторые из них еще были живы и лежали на земле широко раскрыв глаза, словно осуждая людей. Они тяжело дышали, раздувая ноздри, но воздуха для жизни уже не хватало. И если погибшие воины отличались друг от друга внешним обликом, одеждой и боевыми доспехами, то кони — лишь цветом масти — белые, серые и вороные кони войны. Они были одной родственной породы, так как в Согдиане основу македонской кавалерии составляли уже азиатские кони. Более того, их снаряжение было изготовлено восточными ремесленниками — персами и бактрийцами. Это уздечный набор, состоявший из бронзовых бляшек, которые скрепляли и украшали ремни оголовья коней, а также бронзовые удила и подпружные пряжки.

Все еще борющиеся за жизнь, безуспешно пытавшиеся подняться раненые лошади поразили Александра. Он приказал добить их. На глазах царя навернулись слезы. Ему стало невероятно жаль этих несчастных животных, которых он с детства любил и уважал больше, чем своего отца Филиппа.

Погибшим эллинам были устроены похороны со всеми почестями. Мертвых варваров отвезли на повозках на близлежащие холмы и оставили там на растерзание хищникам.

Бой в долине Заравшана надолго запомнится македонцам. Убит Фарнух, тяжело ранен Каран. Стрелы согдийцев задели Гефестиона, Птолемея и самого царя. Копья и кинжалы варваров уложили на землю немало эллинов. Не достаточно ли крови? Не пора ли возвращаться назад?

Нет. Как ни стремился Александр сыграть роль справедливого царя, уважающего достойных соперников, для всех он оставался завоевателем — страшным и жестоким. Осенью от долины Золотоносной реки осталась лишь выжженная земля. Александр совершил карательный поход до пустыни, где пески пожирали воды Заравшана. Он не щадил мирных согдийцев. Селения были превращены в руины, а их население жестоко вырезано. Согдиана напоминала страну смерти. Жизнь еще теплилась в горах и пустыне, куда не ступала нога Александра. Приближался первый месяц зимы — посидеон. Сады Согдианы опали. Землю покрыли мертвые листья уходящей осени.

Александр вернулся в Наутаку, намереваясь провести там зиму. Поход в Индию откладывался. Согдиану не удалось покорить ни за время созревания плодов, ни за время сбора урожая. Клит оказался прав.

ЗИМА

Покончив со здешними делами, Александр прибыл в Зариасп. Здесь он оставался, пока зима не сломалась.

АРРИАН

Словно предвестник неизбежно будущей весны выпал первый снег. Стало холодно. Осенью глиняные крыши домов Наутаки не были покрыты защитным слоем глины. Когда появлялось южное зимнее солнце, талая вода, просачиваясь сквозь прошлогодний раствор глины, начинала сте-

кать по стенам в комнаты. Она смывала штукатурку и разъедала глиняный пол, меняя домашний уют и тепло на промозглую сырость. Раньше каждой осенью люди устраивали настоящие праздники по случаю обмазки крыш жилищ. Кли-ту не были знакомы традиции согдийцев. Он жестоко страдал от сырости глинобитных помещений Наутаки. Ко всем невздам прибавилась и еще одна — решение Александра расположиться на зимние квартиры в Наутаке.

Александр вернулся в Наутаку, но к великой радости Клита отменил место зимовки. После отдыха армия греко-македонцев должна была уйти в Бактры, там гораздо спокойнее, чем в Согдиане.

После тяжелого перехода через горы Наутаки царь предался глубокому сну, словно его усыпил Гипнос — сын богини ночи Никты, живший в подземном царстве Аида. Но уже к вечеру он вызвал к себе Клита. Тот, как обычно, вошел в покои Александра без доклада. Как казалось сыну Филиппа, в поведении Клита было многое от ремесленника, но не полководца. Но Клит все еще не мог привыкнуть к традициям, перенятым царем у владык Востока. Спокойствие Клита пора-жало Александра. Как будто волен тот от всех забот! Словно в Согдиане не было войны! Как будто Клит уже не воин, а поэт! Как скоро он забыл о дисциплине!

Царь ценит Клита за доблесть, но так вольно держать себя позволяет в последний раз. Александр клянется именем великого Зевса. И затем, словно между ними не было ссоры, царь спокойно начинает беседу.

— Где Спитаман?

— Откуда Клиту знать об этом? Варвар не был в Наутаке.

— Лазутчики Клита работают плохо. Александр знает, что согдиец ушел в сторону Красных песков и вряд ли придет в себя от удара македонцев до весны. Тем не менее Наутака может стать объектом нападения летучих отрядов Спитамана. Александр приказывает коннице Клита день и ночь проверять окрестности Наутаки. Промаха он не простит. Положение достаточно серьезно. Пусть Клит помнит, что слышал.

Клит вышел. "Вдали от неба Македонии Александр стал подобен варвару, — думал он. — Сын Филиппа трепещет перед роскошью жизни персидских царей и стремится к их великим наслаждениям. Как обрадовался бы Александр падению Клита перед ним на колени! "

Да, Александру нравилось, как поклонялись в Азии царям. Он завидовал пышной жизни владык Востока, той роскоши, какой они себя окружали, тому трепету и страху, которые они внушали своим подданным. Не за этим ли поспешил он в Азию?

С горящими глазами, не скрывая волнения, смотрел Александр на знаменитые пирамиды египетских фараонов. Эти величественные строения, излучая блеск былой жизни их владельцев, внушали страх перед всем бранным на земле. Они, обожествляя силу, порождали веру в бессмертие царей. Не потому ли торопился Александр строить себе пирамиды славы на дорогах чужих стран?

Он не скрывал восторга и удовольствия, когда на красочной процессии вавилонских жрецов один из них воскликнул: "Господин, владыка!" Ему льстило, когда какой-нибудь торговец в Персеполе подобострастно обращался к нему: "Всевышний, царь!" Нравилось, когда самый последний нищий в Бактрах называл его: "Покровитель небес". Воистину сладка древняя лира — лесть!

Поведение Клита все больше и больше раздражало Александра. Тот вел себя довольно просто, показывая пример дерзости другим. Царя пугала мысль, что настанет день, когда он в ярости изрубит Клита мечом на мелкие части. Такое желание было у Александра весной в Бактрах и теперь вновь появилось в Наутаке.

Зима. Странная зима в Азии. Ночью холодно, бывает много снега, а днем морозно. Реки полностью не замерзают, лишь края берегов покрываются тонкой коркой льда. От утреннего холода вода становится прозрачной, и над рекой клубится пар. Поля и горы белые, и этот царствующий цвет нарушают лишь темные силуэты голых деревьев с редкими замерзшими листьями поздней осени.

В конце первого зимнего месяца неожиданно наступили сильные холода, и македонцам показалось, что не будет конца согдийскому снегу и азиатским морозам, что серые тучи никогда не исчезнут с закрытых мглой варварских небес, а солнечные лучи больше не согреют землю этой чужой и непокорной страны. И когда весна все же дала знать о себе, то радости греко-македонцев не было предела. Они, словно дети, протягивали руки к теплым солнечным лучам.

Александр велел принести обильные жертвы воительнице Афине и объявил о пире в честь пробуждающейся природы. Поговаривали, что сам Дионис должен прибыть в Согдиану, чтобы участвовать в празднике войска.

В течение семи дней воинов развлекали актеры-эллины в масках и потешных одеяниях, персидские музыканты и танцовщицы; соревновались борцы, метатели копья и стрелки из луков. Победители и побежденные были безумно пьяны и от жажды состязаний, и от выпитого после вина. Сам царь выиграл скачки на преданном Букефале. Каждый из победителей соревнований получал в награду овцу или козу, корову или быка, которых тот час приносили в жертву богам Олимпа, тем самым пополняя мясной рацион пира. Эту восточную традицию — награждать победителей состязаний особями парнокопытных животных как-то незаметно греко-македонцы переняли здесь, на границах ойкумены. Возможно потому, что в Согдиане не было лавровых венков. Из сотен животных, преподнесенных в награду самым сильным, ловким и искусным воинам, в живых остался лишь вороной жеребец по кличке Паропамис, которого преподнес в дар Александру бактрийский сатрап Артабаз.

Кличка коня напоминала македонцам трудный переход через перевалы холодного Гиндукуша и выход армии в цветущую Бактрийскую равнину. А сам жеребец был удивительно похож на некогда молодого Букефала и мастью, и горящими глазами, и нетерпеливой решительностью. Жеребец Паропамис был таким же дико гордым, необузданным и

недоступным, поэтому в нем легко предсказывался будущий могучий, боевой царский конь.

Так оно и случится. Павшего от старости Букефала заменит Паропамис. И если в честь первого назовут новый город в Индии, то кличка второго, как название огромной горной гряды, на границах Бактрии сохранится в трудах античных авторов и пронесется сквозь века. Быстрый конь, конь-огонь, небесный конь — Паропамис!

Александр вспомнил, как однажды на празднике весны в Македонии пьяный Филипп, решив удивить сына и заодно, как всегда, поиздеваться над ним, подарил юному царевичу дикого необузданного жеребца Букефала. Все это происходило в присутствии македонской знати и армии. Многие, радуясь удачному ходу Филиппа, не скрывали издевки. Разве осмелится юноша, хоть он и царский сын, сесть на необузданного коня?

Александр не терпел злорадства и решительно запрыгнул на спину неоседланного Букефала. Конь возмутился столь неожиданной дерзостью человека и встал на дыбы. В течение длительного времени он пытался сбросить седока. Александр вцепился руками в гриву коня, крепко обхватив ногами его бока. Он знал, что падение на землю будет его поражением — первым и последним. Царевич не любил проигрывать и в детских играх, и в юношеских соревнованиях. Неожиданно Букефал легко поскакал по равнине, все быстрее и быстрее. Александр выиграл и умчался от Филиппа, лишь к вечеру он вернулся в Пеллы и, припав к ногам матери — Олимпиады, громко разрыдался. С тех пор он не расставался с Букефалом.

Александр вернул Паропамиса Артабазу и велел ухаживать за конем в Бактрах, как за своим единственным сыном. Царь решил взять жеребца в Индийский поход, рано или поздно негодное оружие заменяется новым, а преданные боевые кони, как Букефал, как бы их ни остерегали наездники от стрел и наконечников копий, умирают от болезней и старости. Даже если это знаменитые боевые кони.

После поражения под Маракандой, там, где великая согдийская река Заравшан поворачивает в пустыню, всадники Спитамана нагнали конницу кочевников. Предводитель саков пировал в шатре. Неожиданное появление Спитамана не испугало его. Он спокойно предложил согдийцу отведать горячей баранины. Кочевники пришли в Мараканду и встали на сторону согдийцев, но в последнем бою покинули поле сражения.

Тигр, не раздумывая, бросается на кабана, так и Александр сокрушил их, не раздумывая. Он вклинился в ряды саков и согдийцев, разбивая их на части. Предводитель кочевников видел, что на флангах не осталось ни одного согдийца и уже пал Аримаз. Он понял, что если промедлить еще, не миновать беды... Но Спитаман хоть как-то должен благодарить саков? Достаточно кочевников полегло в долине Согдийской реки, и бегство живых спасло не только часть воинов, но и самого Спитамана. Погибли тысячи людей и, не уйди они с поля боя, погибли бы все.

Мертвые воины не могут стрелять из лука. Спитаман должен забыть о горькой печали и не гореть огнем скорби так страстно. Он должен уйти с кочевниками на зиму в пустыню, а весной вновь выступить в поход. Спитаману не удастся собрать воинов в Согдиане, только кочевники помогут ему.

Это было правдой. Александр не оставит теперь в долине Заравшана ни одного селения. В горы к Хориену или Оксиарту Спитаман не пойдет. Они предали Согдиану. Но не потухли еще костры борьбы в долине реки Паритак, где Катан и Австан набирают силы. Весной Спитамана должны поддержать горцы — согдийцы и бактрийцы. Спитаман уходит в пустыню, к кочевникам низовий Заравшана.

На севере за Оксом есть земля, которую избегают земледельцы. Это пустыня. Кочевники же считают ее своей ма-

терью. Она их согревает и кормит, дарует удачу и богатство, но и приносит несчастье, холод и нищету. Там, где живут добрые духи, обитают и злые ведьмы. Так устроен мир.

На северо-западе вокруг Согдианы царствует пустыня. Она покрыла пространство громадой безжизненной земли и песка. В ее бездонной пасти пропадают реки, и лишь великий Окс чудом проходит сквозь пустыню. На то воля богов.

В пустом синем небе, в лучах бога солнца Митры парит орел. С высоты полета он видит на земле своих врагов — людей и ручей, ползущий по дну огромной высохшей реки, словно ленивая гюрза пустыни. Орел парит над сухими кустарниками, песчаными барханами и серыми глыбами мертвых гор. Стервятник видит даже снующих взад-вперед грызунов и ящериц, зайца, затаившегося под саксаулом, и волка, крадущегося по его следу. Орел летит дальше. Внизу становится больше людей, появляются шатры, в них живут табунщики и пастухи — саки.

Их нравы и быт более суровы, чем у согдийцев и бактрийцев. Имущество рядовой сакской семьи состоит из камышовых подстилок и шкур для ночлега, лепных керамических мисок и горшков, оружия и орудий труда из бронзы или железа.

Саки намывали в достатке у Синих гор золото и добывали драгоценные камни, которые ценились у них меньше добротного коня, зато в Мараканде и Бактрах при их виде у купцов разгорались глаза. Они к удивлению и радости детей пустыни охотно меняли за желтый металл и разноцветные камни ячмень, сушеные фрукты, ткань, украшения и ремесленные изделия.

В городах согдийцев и бактрийцев сакам нравилось покупать красную либо светлую жидкость виноградной лозы. Она приятно дурманила голову, делала человека буйным, радостным или до слез печальным, заставляла забывать неудачи, вдохновляла на месть врагам. До чего же приятна эта жидкость! Да, но не всегда. Кочевники помнят и горечь сока виноградной лозы.

Кир — владыка персов — подошел однажды к Аранхе, но, не переходя реку, предложил сакам-массагетам добровольно отдать персам свою страну. Мудрая царица кочевников Томирис ответила на это отказом и отвергла предложение Кира стать его женой. Тогда коварные персы прибегли к хитрой тактике. Перейдя реку, они разложили на берегу Аранхи меха с вином и яства, а сами отошли назад. Многие саки, не послушав предостережений Томирис о коварстве врага, устроили на берегу реки пир. Персы безжалостно истребили пьяных кочевников, которые, одурманенные вином, не могли даже натянуть струны луков. И хотя Киру затем придется "испить" сакского "вина" самому, потому что его отрубленную голову Томирис опустит в кожаный мешок, наполненный кровью белых коней, принесенных в жертву Митре, тем не менее саки и массагеты долго будут помнить горький вкус коварного вина.

Зимовка Спитамана в стойбище кочевников проходила однообразно. Похожие дни и ночи. Дым костров. Жалобная песня шакала в зимней ночи. Спитаману знакомы быт и образ жизни кочевников. Пастухи одевались скромно. Кожаные сапоги, штаны из шерсти, рубаха из грубой ткани и накидка — плащ из шкур. Саки не расставались с арканом, луком и кинжалом. Каждый день кочевников был наполнен тяжелым трудом.

Уже на рассвете одни из них чистили гребешком овечью шерсть, другие убирали в загонах навоз, а третьи гнали стада и табуны к берегу пресного озера на водопой. На долю женщин приходились домашние заботы. Они готовили пищу, шили нехитрую одежду, лепили горшки и воспитывали детей.

Вечерами саки собирались на площади стойбища за общим костром. После дымящейся похлебки и горшка молока начинался разговор о подвигах богатырей пустыни, который затягивался далеко за полночь.

У саков и мужчины, и женщины были отличными наездниками. Не случайно поэтому в могилы умерших женщин саки ложили предметы конской сбруи. Воинов-муж-

чин хоронили вместе с доспехами и оружием. И если у согдийцев и бактрийцев покойных не предавали земле и огню, то саки, напротив, своих умерших хоронили в грунтовых могилах — больших прямоугольных ямах. Эти могилы перекрывались деревом и растительным настилом из камыша и веток тамариска, что имитировало загробное жилище — землянку. Затем сверху насыпали курган из земли и камней.

Существовал также обряд кремации умерших и сожжения погребальных сооружений. Часто покойного не сжигали, а лишь присыпали углями из зажженного возле могилы костра. Саки считали, что земной огонь способен перенести душу умершего к огню небесному — солнцу. Когда покойного сжигали, то таким образом совершался обряд очищения огнем. В Согдиане и Бактрии такой обряд считался тяжким преступлением — осквернением огня.

А когда умирал вождь племени, покойного везли на кладбище высшей племенной знати саков, о местонахождении которого знали лишь жрецы, воины и старейшины родов. Своих вождей кочевники хоронили в наземных постройках — мавзолеях, возведенных из высушенного на солнце сырцового кирпича. Эти погребальные сооружения внутри были квадратными, а снаружи — круглыми. Высота зданий достигала 6—8 метров. На стены погребальной камеры при помощи массивных бронзовых гвоздей навешивали большие ковры. Покойного окружал пышный погребальный инвентарь — оружие, золотые и серебряные украшения, одежда, изделия из кожи и войлока, предметы конского снаряжения и десятки керамических сосудов с разнообразной пищей. Горловины кувшинов и горшков были украшены золотыми подвесками. И чтобы в мавзолей не проникли грабители, снаружи его обводили массивной кирпичной оградой со стенами толщиной в несколько метров.

Женщины саков, как уже было сказано, занимались изготовлением глиняной посуды, прядением и ткачеством, а мужчины — обработкой кожи, камня и металла. Местные мастера-металлурги изготавливали предметы конской сбруи

и вооружения — бронзовые и железные топоры, кинжалы и наконечники стрел. Среди ремесленников были костерезы и ювелиры. Они делали костяные пластинки, бусы, бронзовые и серебряные браслеты. Ювелирные украшения предназначались не только для женщин. У саков-мужчин было принято носить одну золотую серьгу в левом ухе. Почему именно в левом ухе — остается загадкой.

С особым вниманием и большим уважением саки относились к конской сбруе, которая богато украшалась бронзовыми пластинами, бляшками и кольцами. Бляшки с изображениями солярных знаков, зорких хищных птиц и быстрых кошачьих животных — тигров и леопардов украшали налобные ремни коней. Украшением нагрудного ремня служили большие дисковидные бронзовые бляхи.

Кочевники жили так, как им было удобно, как вольный ветер пустыни, вместе с тем они не забывали о своих корнях и традициях, о своих богах и кладбищах предков.

Спитаман не сидел без дела. Всю зиму он готовился к будущим сражениям, упражняясь с молодыми воинами в стрельбе из лука.

Хорошо, что на земле есть зима. Великое творение небесных владык! Только зимой прекращались войны, длившиеся с весны до осени. Зима спасала людей от истребления. Кто-то успевал за зиму найти убежище от врагов, другие восстанавливали разоренные селения, а третьи собирали силы для борьбы с врагом. Не будь зимы, войны длились бы круглый год. Не будь зимы, не осталось бы на земле людей. Все были бы убиты огненными стрелами бесчисленных войн. Велико творение небесных владык — зима! Но почему они забыли подарить землянам нечто большее — вечный мир? Очевидно потому, что войны начинали сами люди и слишком часто без ведома богов.

* * *

В конце зимы Спитаман посетил хорезмийского царя Фарасмана, надеясь на его помощь в борьбе с Александром. Удивительно плодородная страна Хорезм, расположенная в

низовьях Аранхи, была ограждена от стрел Александра Красными и Черными песками и потому не знала бед войны. Пустыня не раз спасала Хорезм от завоевателей, и благополучие ее городов не смогли нарушить даже жадные руки Кира и Дария.

Хорезм славился обилием городов и плодородием земли, искусством ремесленников и строителей. Традициями и обычаями хорезмийцы были близки к согдийцам, потому Спитаман верил, что народ этой богатой страны поможет своим южным соседям. Но все зависело от Фарасмана — повелителя хорезмийцев.

Царь встретил Спитамана со всеми почестями, ибо знал о подвигах отважных защитников Согдианы. Во дворце был объявлен пир. Свиту Спитамана усадили на почетное место — по правую руку от Фарасмана.

Царь был любезен в угощении. Он с любопытством расспрашивал Спитамана о хорезмийских впечатлениях — густонаселенных селениях, мощных крепостях и бойкой торговле в городах.

Велик народ Хорезма! Он не знает печали и грусти. Велик и повелитель Хорезма! Зачем Спитаману раздражать Фарасмана? Зачем говорить царю, что все блага Хорезма — плоды труда многих людей, что и на этой мирной земле богатство соседствует с бедностью, что роскошь дворца и обилие царского стола никак не похожи на глинобитные дома и миску постной похлебки простых хорезмийцев.

После обмена взаимными любезностями Фарасман начал торжественную речь. Он говорил, что злые духи Аримана послали его братьям согдийцам несчастья, что они раздули пожар войны. Александр, потопивший согдийские долины в реках крови, будет наказан богами. Мужайтесь, согдийцы! Фарасман с огромным вниманием следил за борьбой согдийцев и верил, что удача не отвернется от них.

Удача сопутствует подготовленным действиям. Не поможет ли царь согдийцам?

Повелитель Хорезма не говорил — "нет". Он не отказывает в помощи соседу, терпящему бедствие. Она будет ока-

зана, но лишь после того, как царь укрепит северные границы страны. Рыболовы, живущие у моря, беспокоят его крепости дерзкими налетами. Доблестные воины Фарасмана выступят весной в поход. Они накажут рыбоедов и затем протянут руку помощи согдийцам. Боги свидетели. Царь не сказал — "нет"!

Но он не сказал и "да". Весной Александр может покорить Согдиану, а затем... Хорезм?! Спитаман не говорит этого, но Александр сумел дойти до Согдианы. Его не остановили ни горы, ни реки, и поэтому пустыня ему не преграда. Царь не знает, что воины Александра плавают на судах по рекам и морям. Аранха — прямой путь в Хорезм.

Фарасман не знаком с Александром. Рассказывают, что он похож на страшного духа и что на его голове растут рога. Говорят, что Александр может превращаться в бою в тигра или огромного быка или даже орла.

Спитаман улыбнулся. Он видел Александра, когда стрела согдийца задела его плечо и царь чужеземцев чуть было не превратился в мертвеца. Он видел воинов Александра, похожих в бою на трусливых зайцев. Он видел и полководцев Александра, удирающих за крепостные стены. Он видел все...

Фарасман и его приближенные были поражены. Этот Спитаман был рядом с Александром так же близко, как хорезмийцы сидят сейчас с согдийцами. Но как противоположны сравнения! Одно дело — быть друг против друга в бою, другое — мирно пировать во дворце.

Велика честь видеть Александра. Он не собирался в Хорезм, но уже напугал этих вельмож, которые восхищаются небылицами о рогах и его чудесных превращениях. Стоит ли ждать помощи от них?

Напрасно Фарасман, восторгавшийся мужеством Спитамана, уговаривал его остаться в Хорезме. Спитаман мог бы возглавить почетный для хорезмийцев поход против рыболовов Севера, стать правителем одного из богатых городов Хорезма, жениться на местной красавице.

Напрасно уговаривал Фарасман, согдиец отказался от его предложений. Фарасман обещал помочь Спитаману и

очень скоро. Но вскоре после ухода согдийцев Фарасман срочно направил послов к Александру с заверениями искренней дружбы.

Александр радостно встретит послов Хорезма. Послам Александр скажет, что дарует Фарасману пожизненное царствование в Хорезме.

Считают, что Фарасман был мудрым правителем и, направив послов к Александру, спас свой народ от завоевания и защитил Хорезм от врагов. Возможно, это правда...

Когда однажды Александра спросили, не хочет ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: "Да, если моими соперниками будут цари".

Александр открыл "Игры" в Согдиане, где ему пришлось соперничать в метании копья, стрельбе из лука и дротиков со Спитаманом, не царем по происхождению. В Согдиане решались вопросы не только о лаврах греко-македонцев, но и о судьбе страны, где пылал не мирный огонь очагов, а костры пожарищ с удушливым дымом смерти. Хотел или не хотел царь, согдийцы его вызов приняли, но покорить Согдиану ему не удалось.

НЕПОКОРЕННЫЕ

Пока ты покорял бактрийцев, начинала войну согдийцы. Война у тебя рождается из побед. В самом деле, хотя ты самый великий и могущественный человек, никто, однако, не хочет терпеть чужестранного господина.

Из сочинения Квинта КУРЦИЯ РУФА

Наступила весна. Она спешила к людям в ярких нарядах — радужных красках трав земли и прозрачной синевы неба. Но люди видели в весне не только пробуждение зимнего сна, но и начало новых бедствий и страданий. Скоро стрелы затмят небо, растоптанные травы и цветы оросит кровь, а чистый воздух весны наполнит смрад смерти.

На второй год после начала войны в Согдиану не прилетели аисты. На крышах высоких сторожевых башен осиротели гнезда больших, добрых птиц.

Александр спешно готовился к завоеванию Согдианы. И Спитаман не заставил ждать себя долго. Во главе шестисот всадников он неожиданно появился в долине реки Паритак и осадил одну из крепостей македонцев.

Кратер, оставленный в Паритаке, был занят борьбой с бактрийскими повстанцами Катаном и Австаном. Пока Спитаман осаждал крепость, между македонцами и бактрийцами состоялся ожесточенный бой.

Кратер вывел войска из крепости и преградил бактрийским повстанцам путь в верховьях реки Паритак. Неприятель шел с севера, где холмистая местность была неудобной для действий греко-македонской фаланги.

Полководец Александра разместил в центре войска метательные орудия и лучников с пращниками, тогда как тяжеловооруженные гоплиты и конница выстроились по флангам. Хитра уловка македонского стратега. Противник, избегая сарис гоплитов, непременно ударит в слабую часть строя — центр, тем временем сарисонсцы и конница греко-македонцев зайдут с флангов в тыл врага, окружат и уничтожат его.

...Лавина всадников Азии понеслась на македонцев. Кратер велел ударить по наступающей коннице из метательных орудий. Несколько сотен ядер угодили в коней неприятеля. Испуганные животные с ржанием и храпом повалились на землю. Удивительно, но всадники успевали прыгать с коней и, быстро спешившись, шли в атаку. Оставшиеся конные рассыпались по полю, теперь их трудно было поразить из луков и дротиков. И гоплиты, и конница македонцев бездействовали, а легковооруженным пехотинцам пришлось отступить назад и прикрываться щитами от стрел бактрийцев. Кратер не ждал такого исхода. Но где пехота варваров?

Катан и Австан как будто разгадали маневр Кратера. Неведомо откуда в тыл македонцам ударили копыеносцы-

бактрийцы. Кратер приказал гоплитам развернуть строй. Тем временем всадники Австана напали на центр. На расстоянии около пятидесяти шагов половина из них спрыгнула с коней и в пешем строю двинулась на македонцев, другая же часть конницы остановилась, поражая из луков тяжеловооруженную пехоту неприятеля.

Кратер приказал коннице из числа фессалийцев ударить по наступающим всадникам. Лавина фессалийцев понеслась на конницу бактрийцев, которая в панике повернула назад. Азиаты не устояли перед лучшей конницей мира — фессалийской кавалерией. Кратер остался доволен.

Фессалийцы, забыв о коварной тактике врага, поспешили преследовать его. Их, видимо, еще не научил опыт сражений с конницей варваров, будь то саки, бактрийцы или согдийцы, умевшие стрелять из луков и при бешеной скачке, даже отступая. Лучшим стрелком из лука на земле эллины считали Геракла. Оказалось, что за Оксом лучники стреляли не хуже легендарного героя.

Решающий удар в бою нанесли стойкие и дисциплинированные гоплиты. Тесно сомкнутые ряды греко-македонской фаланги как тактическое построение из многих шеренг не имели себе равных в Азии и Европе. Вооружение каждого гоплита состояло из шлема, панциря, щита, длинного копья и вспомогательного оружия — короткого меча. Слабость фаланги заключалась в ее флангах. Небольшому числу копьеносцев крайних рядов было всегда трудно сдерживать массивированный натиск, особенно конницы. Если бы бактрийские всадники умело напали на фланги македонских гоплитов, то их ровные ряды стали бы тогда терять стройность движения, и произошел бы разрыв между шеренгами фаланги. Но бактрийские ополченцы плохо разбирались в стратегии и тактике массовых сражений, поэтому над воинами Александра смертельная опасность не нависла.

Бактрийские ополченцы были вскоре окружены, и почти все они во главе с Катаном и Австаном погибли в этом крупном последнем и кровопролитном бою в Паритаке. Продрома — легкая конница македонцев, которой обычно

поручалось преследование противника, безжалостно истребила раненых бактрийцев.

...Спитаман без особых затруднений взял крепость и перебил немногочисленный македонский гарнизон. Кратер, обеспокоенный успехом согдийцев, срочно двинулся навстречу. Спитаман разделил свое войско. Саков он направил против Кратера, а сам во главе горцев — бактрийцев и согдийцев — выступил в Согдиану. Пока отряд Спитамана шел трудными тропами Согдийских гор, кочевники после первой стычки с подразделениями Кратера ушли в пустыню.

Осенью во главе нескольких сотен пехотинцев и всадников Спитаман вошел в долину Заравшана. Его положение было сложным. Александр, отменив решение штурмовать горные крепости Согдианы, спешно двинулся на помощь Гефестиону и Карану в область Мараканды.

В низовьях Заравшана у крепости Баги состоялось сражение между отрядами Спитамана и греко-македонцами. Победу одержали последние... Воины Александра не стали рисковать и преследовать в пустыне Спитамана. Они вернулись в крепость, мощные стены, которой построенные руками согдийцев, уже не раз выручали македонцев.

Этот неуловимый Спитаман. Как ни старались эллины поразить его копьями и стрелами, растоптать копытами коней, взять живым, он вновь остался невредимым и, словно издеваясь над завоевателями мира, обстреляв их стрелами, скрылся в бескрайних просторах пустыни. Неизвестно, где он появится завтра, через месяц, год? У стен древней Мараканды, в Наутаке, либо в округе Бактры? Македонцам казалось, что пока жив Спитаман, им не удастся покорить Согдиану, сломать отчаянное сопротивление мужественного и дерзкого народа этой страны. А ведь на юге Ирана Неарх уже давно готовит суда для похода к Индийскому заливу. Но поход в Индию опять откладывался. Разве оставит Александр у себя в тылу живого Спитамана? Нет, только мертвого... За два последних года войны согдийцы заставили уважать себя.

Что бы на это сказали Оксиарт и Хориен? Последние равнодушно следили за кровопролитными сражениями. Они не были Спитаману ни друзьями, ни врагами, не радовались победам согдийцев и не страдали от их поражений. Они пали в бездну жалкого и низкого равнодушия. Поступки людей, словно неожиданные проявления стихии природы, часто непредсказуемы.

* * *

После поражения у Баги Спитаман с двумя десятками всадников направляется в Маргиану, где думает собрать новое войско и следующей весной захватить Бактры.

У переправы через Аранху его отряд попал в коварную засаду, устроенную саками, и был перебит. Раненого, потерявшего сознание согдийца, кочевники увозят в пустыню.

Александр, придя в Согдиану, не застал здесь Спитамана, навстречу которому столь поспешно шел из Бактры. Известие о гибели эллинов в боях у Баги и в Паритаке расстроило царя. Но больше всего его пугала мысль, что и вторую зиму придется вновь пережить в непокоренной Согдиане, на этот раз в Наутаке, откуда начинались пути к горным убежищам Оксиарта и Хориена.

* * *

Спитаман очнулся в сырой темной землянке. Он долго не мог понять, где находится. Нестерпимо ныло плечо, пробитое стрелой, руки и ноги были крепко связаны. Не попал ли он в плен к Александру?.. Наверху послышался разговор саков. Трое кочевников спустились в землянку и развязали Спитаману ноги, а затем помогли выбраться наверх и приказали идти к главе рода.

Жестоко был обманут Спитаман. Во дворе стояли зевачи — дети, старики и женщины. Они с любопытством рассматривали согдийца, которому еще прошлой весной оказывали всяческие почести как человеку, побившему в бою воинов Александра. Теперь он связан, как пленник. Жесток глава их рода, который пировал в шатре.

Александр не сумел сломить Спитамана, а кочевники взяли его в плен и, когда наступит время, передадут царю македонцев. За такой "подарок" Александр хорошо наградит их. Кочевникам теперь незачем грабить обозы Александра.

Конечно, не все саки думали лишь о грабежах и пиррах. Многие тысячи из них достойно воевали с Александром и защищали родную землю от врагов. Как у всех племен на земле были и лучшие, и худшие сыны, так и в жизни саков соседствовали добро и зло.

Саки пленили Спитамана и решили всю зиму ухаживать за ним, как за сыном Митры, а затем выдать Александру.

Однако как зорко ни следили саки за согдийцем, весной ему удалось бежать из стойбища. Спитаману помог простой честный пастух, в шатре которого жил пленник. Всю зиму он готовил побег, хотя и не говорил об этом согдийцу. Но Спитаман заметил доброе отношение к себе уже не молодого сухощавого кочевника с голубыми, как небо, глазами.

Однажды ночью, когда "глаза и уши" — двое преданных сторожей, выпив молоко кобылицы с усыпляющим зельем, заснули крепким сном, пастух развязал Спитаману руки и ноги. Он указал согдийцу тайный ход из стойбища, где Спитамана ждал единственный конь бедного пастуха. На седле коня Спитаман нашел кинжал и лук со стрелами. Согдиец никогда не узнал, что уже на рассвете саки, раскрыв измену, в ярости зарубили пастуха топором и пустились в погоню за беглецом.

* * *

Утро застало Спитамана у соленого озера. Здесь начались страшные тропы, уводившие людей, не знакомых с пустыней, в сердце Красных песков. Там нет людей, воды, там царствует смерть. Уже с утра огромные барханы пустыни рыдают... Медленно-медленно текут струйки песчаных слез. В полдень зной, словно тлеющий костер, горит без дыма. Тишина — до вечера и первого неожиданно про-

хладного ветра. Тогда оживают печальные ростки верблюжьей колючки, и на небе появляется грустная вечерняя звезда...

К полудню согдиец достиг каких-то развалин и решил передохнуть. Неожиданно из-за барханов появились три всадника и направились к развалинам. Конь согдийца, почувствовав чужих лошадей, предательски заржал. Спитаман резко выпустил из лука одну, затем вторую стрелу, которые точно угодили в цель. Оставшийся в живых кочевник повернул назад, но третья стрела Спитамана достала и его.

Из-за барханов послышался голос главы саков. Он предлагал Спитаману сдаться. Ведь саков все равно больше. Предводитель кочевников клялся, что изменил решение пленить согдийца и передать его Александру. Саки знали, что беглеца живым взять непросто, а мертвый согдиец был им не нужен.

Спитаман с издевкой предлагает преследователям, пока не поздно, поворачивать назад. Кочевники взревели от ярости. Пусть Митра накажет несчастного согдийца! Да проглотят его пески! Спитаман не найдет в пустыне колодца и дороги. Ему не выбраться отсюда. Разве плохо жилось согдийцу в шатре саков?

Как бы им жилось в царстве Ахримана? Но довольно слов. Если кочевники не трусы, то пусть наступают.

Глава саков, не выдержав издевательств, с десятью всадниками решил во что бы не стало пленить Спитамана. Развалины располагались на высоте, что давало согдийцу преимущество в бою. Всадники решили окружить его. Вот двое кочевников, пораженные стрелами в шею, повалились на песок, за ними упал с коня еще один сак. Наконец стрела Спитамана поразила главу пастухов. Кочевники, подхватив своего предводителя, повернули назад. Тот, теряя сознание, велел своим приближенным наказать Спитамана и провел рукой по горлу. Его сразу поняли.

Тем временем Спитаман покинул развалины и направился в сторону восхода солнца, в Согдиану. Через три парса-

нага конь, не выдержав утомительного перехода, пал на горячий песок пустыни.

В небе парил стервятник. Старый хищник знал, где летать. Он видел павшего коня и одинокого человека, шедшего неведомо куда, и всадников, спешивших за ним. Орел кругами стал опускаться все ниже и ниже, появились другие стервятники и закружили над человеком, издавая зловещие крики смерти.

Жажда. Хочется пить. Идти по песку трудно. Слабеют ноги и кружится голова. Беглец падает, но вновь поднимается, что-то шепчет сухими губами...

Галлюцинации согдийца прервала жгучая боль. Он почувствовал, что по спине струится теплая кровь, затем по шее. В глазах потемнело. "Стрелы", — успел подумать Спитаман, падая на песок. Кочевники стреляли в спину без промаха. Когда саки обыскали одежду Спитамана, то, к великому удивлению, обнаружили на поясе согдийца старый красный мешочек с горстью земли... Зарезать человека легче овцы. Голову Спитамана опустили в кожаный мешок. Саки увидели лицо согдийца. Оно было спокойным. Убийцы вздрогнули и отвернулись.

Высоко в синеве летела стая запоздалых журавлей. Тревозно зовущие крики птиц постепенно затихли вдали. А быть может, это не журавли, а чей-то крик души летел и, прощаясь с землей, белой нитью оборвался в необъятных просторах невидимого мира?

Еще недавно предки детей пустыни отрубили голову Киру — царю Ирана. Наказали врага справедливо за смерть мирных людей и за надругательства над их жилищами, но что сделал согдиец? Разве он насмехался над пастухами, грабил и жег их городище? Он сражался против Александра. Но Александр не брат и не родственник кочевникам!

Страх! Кочевники решили выкупить себя. Ведь Александр пришел бы в пустыню за Спитаманом, как и за Бесом в Согдиану, тогда им конец. Они воевали против Александра. Не лучше ли опередить его и преподнести ему голову Спитамана на бронзовом подносе?

Вместе с тем убийство согдийца пугало саков. Ведь когда Бесс убил Доро, Александр решил наказать цареубийцу, так как казнить царя могли только боги и цари. Не накажет ли кочевников Александр? Но Спитаман не был царем, он не был даже правителем небольшого города. Согдиец не имел тучных отар и табунов, роскошных дворцов и мощных крепостей, у него не было ничего, кроме горсти согдийской земли.

Народы за Оксом узнали о чудовищной гибели Спитамана. Эллы молчали. Они не пачкали рук, пусть варвары разбираются сами. Поступок саков, обитавших в низовьях Заравшана, был страшен. Оставшиеся в живых согдийцы долины Заравшана проклинали их. Даже племена кочевников обходили стороной черное стойбище. Чтобы искупить вину, род убийц, вопреки с огдийскому обычаю, предал голову Спитамана земле. Несколько отборных белых жеребцов принесли они в жертву богу солнца Митре и ушли за Оксианское море подальше от людей.

Никто не знает, где покоится голова Спитамана. В далеких согдийских и бактрийских селениях люди рассказывают друг другу о его подвигах. Они верят, что душа Спитамана жива и не растает с небом и землей. Она обитает в чистых горных ключах и листьях зеленого сада, травах речных долин и алых маках пустыни, наполнивших жизнью мертвые пески с тех пор, как там погиб Спитаман. Об этом рассказывает легенда и сегодня.

Зачем бросил он вызов Александру? Многие в Азии боялись сделать это. Уже после Гавгамел войны Востока примирились с поражениями, увидев в Александре дар богов. "Он непобедим!" — кричали многие из них, бросая на землю копья и кинжалы. Сам Дарий бежал без оглядки к границам разрушенной державы, его полководцы — куда глаза глядят. И, казалось, не осталось на земле людей, способных противостоять Александру.

Пока война шла в Иране, бактрийцы и согдийцы воевали из-под палки. Ведь персы считали себя пожизненными хозяевами народов Азии. И вот армия Александра, словно

леопард, завидев добычу, раскрыла огромную пасть с острыми зубами — сарис, но персы надменно смотрели на остальных азиатов. Леопард приготовился к прыжку, но персы оставались надменными. Леопард бросился на добычу, и персы жестоко поплатились за это. Конница Александра растоптала Иран.

Зачем Спитаман бросил вызов Александру? Мечтал ли он о славе и величии? Царском троне и могуществе? Наверное, Спитаман, как всякий человек, любил мечтать. Но война с Александром не дала ему ничего, кроме смерти. Спитаман прожил недолгую жизнь, но прожил ее как достойный человек. Быть может, именно достоинство человека приносит ему славу и величие?

В далеких селениях Согдианы и Бактрии люди рассказывают друг другу о подвигах сыновей древней земли.

КОГДА УМИРАЕТ МЕЧТА

Те, которые были побеждены Александром, теперь гораздо счастливее тех, кто избежал этой участи.

ПЛУТАРХ

Вот уже третий год как греко-македонцы находятся за Оксом. Пора бы разломать согдийские оковы. Не завоеванными остались лишь горы.

Трепещи, Оксиарт! Александр идет к тебе. Не зря укреплял ты стены крепости. Обороняйся, Оксиарт, если не хочешь стать рабом!

Высокие и мощные стены согдийской крепости поразили Александра, но не испугали. Царь решил избежать кровопролития и предложил Оксиарту сдаться. Но бывший правитель Наутаки верил, что лишь богам суждено взять штурмом его заоблачный замок, а у воинов Александра не было крыльев.

Для штурма крепости Александр выбрал триста македонцев, фракийцев и фессалийцев, знавших горы с детства.

Под предводительством Клита они за ночь достигли каменной площадки горы, возвышавшейся над замком. Утром осажденные ужаснулись, увидев над собой врагов. Зря смеялись они, что у Александра нет крылатых воинов. Македонцы могли перебить согдийцев как весенних бабочек. Но хитер Оксиарт. Он спешно открывает ворота крепости победителям.

Твердыню Хориена Александру также не пришлось штурмовать. Оксиарт послал к нему гонцов и уговорил сдаться на милость противника. Царь разрешил Оксиарту и Хориену "ворковать" у себя в стане. Голубям с подрезанными крыльями не суждено летать. Они спокойно подбирают зерна у ног своих хозяев. Александр не свернул им шеи. Перед походом в Индию царю нужны были крепкие тылы. Тот же Оксиарт жестоко подавит восстание в Бактрии, начавшееся в годовщину гибели Спитамана.

Во время пира, устроенного Оксиартом в честь захвата его крепости и окончания войны в Согдиане, свиту царя обслуживали десять согдийских девушек, в том числе и младшая дочь Оксиарта красавица Рохшанак-Роксана. Удачливый Оксиарт знал, что на этот раз его стрелы угодят в цель. Александр был поражен красотой Роксаны.

— Нет, это не женщина, это копия статуи богини любви! — воскликнул он.

— Она зрела в моем саду для супружества с великим Александром, — заметил польщенный Оксиарт. Царь не остался в долгу:

— Мой свадебный подарок отцу Роксаны — титул сатрапа Согдианы!

— О-о, владыка! Считаю меня верным слугой, глазами и ушами царя в Согдиане. — Оксиарт рухнул на колени у ног Александра. Это понравилось покорителю Азии, но вызвало усмешку полководцев.

Свадьба Александра и Роксаны состоялась в цветущих садах под Маракандой. Не только Согдиана, пожалуй, вся Азия еще не видела таких жениха и невесты.

Царь приказал принести по отцовскому обычаю хлеб: это было у македонцев священным залогом брака. Хлеб разрезали мечом пополам, и Александр с Роксаной отведали его.

Запела свирель. Заиграли струны. В такт зазвучал барабан. Хор согдийцев. Торжественная песня. Славно поют они. Но о чем? О подвигах и героях Согдианы... Александр вздрогнул. Он приказывает прекратить петь. Сегодня должны звучать только веселые песни. Певцы замолчали.

Пир продолжался. Неожиданно порядком охмелевший Клит стал говорить всякие дерзости. С заплывшими от вина глазами он приказывает петь согдийцам, называет их скотами, шатаясь, подходит к ним и вырывает из рук инструменты. Оксиарт со страхом смотрит на безумного от вина македонца.

Александр старался не обращать внимания на буйного Клита. Ведь царь думал назначить его правителем Мараканды. Кто-то должен опекать Оксиарта, пока Александр будет в Индии. Затем царь уберет Оксиарта, сатрапом Согдианы станет Клит. В этот радостный день Александр приготовил подарок, задумав приятно поразить Клита и торжественно объявить о новой должности храброго стратега. Не его ли сестра Ланика вскормила младенца Александра грудью? Не к ней ли царь был привязан с детства и с нежностью вспоминал о кормилице здесь, в глуши Востока? Ничто не может изменить решения царя.

О, боги! Клит говорит все громче и громче. О всемогущий Зевс! Он восхваляет Филиппа?! Александр ничтожен перед деяниями своего отца?! Не ослышался ли царь? Эллины обязаны всеми подвигами Филиппу, а не Александру...

Птолемей пытается успокоить Клита. Но тот, обнажив трофейный сакский кинжал, кричит полководцу, что отправит его в Аид, где Птолемей встретится со Спитаманом. Вот обрадуется варвар встрече! Наверняка, он не откажется погонять гоплитов Птолемея по мертвым просторам Аида...

Клит был невменяем, словно сам Зевс отнял у него разум и вселил в полководца неслыханную дерзость — гибрис. Он безумно смеется и, отворачиваясь от Птолемея, видит пылающее гневом страшное лицо царя. Перед глазами Клита сверкнуло острое жало сарисы. Он не успел открыть и рта, хотя что-то еще хотел сказать Александру...

Царь бледен и стоит в луже крови Клита, того, кто спас ему жизнь, того счастливца Клита, которого в боях не поразили копья и стрелы варваров, того отважного, но дерзкого македонца, друга Александра, делившего с ним все радости и тягости азиатской войны.

Александр быстро пришел в себя. Он приказывает всем продолжать веселье, и, будто ничего не случилось, садится на свое место.

Труп Клита быстро убрали. Окровавленные ковры заменили другими. Через мгновение раздалась пьяные и крикливые здравицы в честь царя. Их подхватили пирующие воины. Воцарилось буйное веселье. Праздник бога вина Диониса продолжался.

Но уже на следующий день Александр горько сожалел об убийстве Клита. Он до позднего вечера не выходил из царского шатра. Его не могли успокоить ни молодая жена, ни венки согдийских цветов, заполнившие шатер в честь победы в Согдиане, ни Оксиарт, задумавший устроить большие скачки и состязания в честь свадьбы царя. Обеспокоенный Птолемей Лаг поспешил к Александру и застал его пьяным. Царь припал к плечу полководца и зарыдал.

До самого рассвета успокаивал Александра Птолемей. Он обвинял в убийстве Клита не царя, а самого Диониса. Полководец клялся всеми святыми, что в Александре пробудился гнев бога вина, что царь любил и уважал Клита, что пронзил он его копьем не по своей воле, а по желанию коварных демонов Согдианы, которые возненавидели Клита за отвагу и доблесть. Александр велел устроить Клите пышный погребальный обряд, какой эллинам не приводилось еще видеть. После кремации тела покойного, царь велел развеять пепел погребального костра с вершины гор,

расположенных между Маракандой и Наутакой. Ветер разнес частицы пепла по всей Согдиане, сатрапом которой должен был стать Клит, но не стал, потому что восстал против Александра, которому, как и всем царям, не нравилось инакомыслие.

* * *

Закончив Согдийский поход, Александр перейдет через Окс и направится в Индию. На берегу одного из притоков Инда состоится кровопролитное сражение с царем Пором. Вера в то, что греко-македонцы участвуют в последней битве, заставит армию сокрушить громаду Пора с его знаменитыми боевыми слонами, которые привели бы в замешательство самого Геракла. И вот победа, но последняя ли?

К великому унынию эллинов, заселенная земля продолжалась и за Индом. Где этот проклятый край земли? Что за наказание богов пришлось на долю покорителей мира?

"Край земли за Гангом", — пытается успокоить армию неудержимый Александр. Он молод и полон сил. Неужели Александр повернет назад при виде индусских джунглей, кишаших змеями и хищными зверями? Царю лучше погибнуть в пасти кровожадного тигра, чем сделать это. Он не привык отступить.

Но терпение людей имеет границы. Поржавели копья, кинжалы и шлемы. Пришли в негодность повозки и шатры. Износились одежда и обувь. Покрылись толстым слоем нагара и копоти походные котлы. В армии Александра новобранцев-азиатов уже гораздо больше ветеранов.

Одни полководцы ропщут, другие, чтобы забыться, предаются вину. Что осталось от доблестных Карана и Гестииона, ныне горьких пьяниц? Выпивая один за другим полные кубки, полководцы и не подозревали, что наполняют себя зельем скорой смерти. Им на все было наплевать, потому что смерть поджидала македонцев не только в кубках, но и на каждом шагу. Они привыкли разговаривать с костлявой старушкой на "ты", без всякого почтения и даже страха к ней.

Все! Эллины отказываются идти с царем к Гангу. Если Александр желает, то пусть идет к реке один вместе со своим отцом Амоном. Пусть царь отправит их в ряды штрафников, полководцев разжалует в рядовые, а простых воинов поразит сарисой. Все! Ни шагу вперед. Довольно войн и крови. Пора возвращаться.

Устали не только солдаты, но и сам бог войны Арес, сопровождавший их от Олимпа до Инда. Арес, тоскуя по ложу Афродиты, мечтал уже давно об отдыхе. В знаменитой армии, начавшей долгий путь от Геллеспонта, осталось в живых всего лишь несколько тысяч ветеранов. Загорелые и обветренные ветрами походов ветераны окружают шатер царя, умоляя его повернуть назад. Они почитали Александра — идола войны, хотя не стеснялись в крепких выражениях в адрес Афины и самого Зевса. Да, Александр для них все — и отец, и честь, и слава, и родина.

Царь обижен. "Уходите! — кричит он. — Дальше я пойду один, пусть же народы, покоренные вами, узнают, что армия бросила царя на растерзание врагам. Они не скроют злорадства, но эллины придут в великое расстройство. Уходите!.."

Но ветераны не уходят и, умоляя царя изменить решение, горько рыдают. Наконец Александр выходит из шатра. О боги! Что видит он?!

Исхудалые лица воинов, облаченных в жалкие лохмотья. У них пробитые стрелами варваров щиты и негодное оружие. С ветеранами стоят их дети, рожденные в походах от женщин Азии. Многие из них давно сироты, так как остались без матерей, не выдержавших бесчисленных переходов. У других отцы погибли в боях. Безрадостное детство, пыль дорог, дым костров, стоны и смерть людей. У каждого мальчика или девочки на плече висит сума для жалования отцов-воинов.

Почему Александр в мечтах о громкой славе и победах не заметил раньше печаль и горе людей, разделявших с ним все тяготы войны и солдатский хлеб? Почему он думал только о себе? Почему он так жесток к ним?

Царь припадает перед ветеранами на колени и плачет вместе с ними навзрыд, не стесняясь слез. Эти мужественные люди оплакивали свою судьбу. И вот к великой радости воинов Александр Македонский объявляет о конце походов и войн в Азии. На древней индийской земле прозвучал гортанный клич:

- Слава Александру!
- Слава Александру!
- Слава Александру!

Несчастные люди благодарили "доброего" царя, и восторгу армии не было предела. Александр, уступив ветеранам, выиграл еще одно и, как он думал, далеко не последнее сражение. Напрасно греки и македонцы исполняли гимн богам, многие из них, как и сам царь, никогда не увидят родину. Столицей своей огромной державы Александр объявит не Пеллы, не Афины или другой город эллинов, а Вавилон — сердце Азии.

Александр мог погибнуть в первой же битве с персами на реке Граник, а также у стен Кирополя или в сражении с Пором. Но ему было суждено скончаться именно в Вавилоне. Царь не строил этого города. Он его завоевал и объявил столицей нового государства. Огромным, богатым и могучим было это государство: самоцветы и золото в горах, бесчисленные стада на лугах, ростки пшеницы и лоза на холмах, ткачи, ювелиры и оружейники в городах, торговые караваны на древних путях... И все это принадлежало Александру.

С высочайшей башни Вавилона царь обозревал границы покоренных им территорий. Они были невидимы и рассеивались у горизонта. "Жаль, что македонцы не дошли до границ ойкумены, — думал Александр. — Но еще не поздно!" Идея персидского царя Ксеркса "превратить все земли в одну" стала восточным наследием Александра Македонского.

Никто не знал, кто и когда основал Вавилон. Казалось, что этот город появился вместе с первым человеком на земле. Лишь другой "вечный город" — Рим, который был зна-

чительно моложе Вавилона, превратится затем в еще более грандиозный город. В год завершения восточных походов Александра Македонского Риму исполнилось 427 лет. Вавилон, возраст которого в это время насчитывал более двух тысяч лет, давно был древним старцем. Но каким могучим и все еще не увядающим...

В Вавилоне к Александру прибывали послы — представители не завоеванных греко-македонцами народов и стран. Они, так же, как и ранее хорезмийский царь Фарасман, стремились заключить союз с покорителями Востока. Среди многочисленных иноземцев Александр не обратил внимания на послов из Рима, возможно, он игнорировал их специально, так как намеревался завоевать в будущем Италию и Испанию. Однако царь не знал, что Рим уже стал сильнейшим государством в Италии и имел военно-техническое превосходство над соседями.

Македонцы и греки, отправляясь когда-то на Восток, думали о славе и лаврах своих городов. Им удалось перенести в Азию только войну, но не счастье Азии к себе. Македония и Греция остались далекими провинциями на западных рубежах нового царства.

На Востоке наступило временное затишье. Божественная Афродита пригласила Ареса на любовное ложе.

* * *

В поход македонскую армию сопровождали не только строители, военные инженеры, мореплаватели, но и поэты, философы и историки. Последние должны были увековечить в своих сочинениях подвиги царя и македонской армии. Не случайно поэтому Александр пригласил в поход Каллисфена — знаменитого ученика Аристотеля.

И действительно, Каллисфен, Онесекрит, Аристокбул, а также полководец Птолемея и мореплаватель Неарх написали о походе Александра в Азию. Отношение авторов к прошедшим событиям было и хвалебное, и осуждающее. Каллисфен критически относился к некоторым привычкам и

пристрастиям царя и его окружения. Например, к традиционным ночным пирам, на которых македонцы безумно напились.

Каллисфен одним из первых выступил против проскинезы — обряда коленопреклонения перед царем. Этот обряд ежедневно выполняли персидские вельможи, принятые в царскую свиту. Для знатных персов падение ниц или земной поклон, как традиционная форма приветствия повелителя, было вполне естественным явлениям. Таким образом на Востоке выражались уважение и преданность владыке. Для греков и македонцев считалось диким преклонять колено перед другим человеком. В их представлениях такого уважительного отношения заслуживали лишь боги. Греки и македонцы не обожествляли власть и не считали своих царей богами. И если царь не бог, а человек, то им он должен оставаться и после смерти, — считали эллины. Они были уверены в том, что жизнь человека и даже настроение бессмертных богов определяются судьбой. Ее не могло изменить коленопреклонение перед царем. Узнать судьбу помогали оракулы — предсказатели будущего, но в Азии не было жриц бога предсказаний, бесконечные походы и сражения уже давно определили судьбу македонских воинов, поэтому они не спешили падать ниц.

Персидские вельможи, перешедшие на сторону македонцев, спокойно совершали коленопреклонение перед Александром. Для них это было не оскорбительным, и они не обращали внимания на насмешки македонцев. И чем дальше шла армия в Азию, тем больше нравилась Александру проскинеза.

Перед походом в Индию в Бактрах состоялся званый царский обед. Гефестион, руководивший организацией пира, объяснил каждому из приглашенных на обед, что царь задумал необычный пир с театральным представлением. Участники церемонии должны были подойти к возвышавшемуся в центре царского шатра алтарю огня, выпить до дна кубок вина, совершить коленопреклонение и затем, подойдя к царю, обменяться с ним поцелуем в уста (неизвестно, у

кого впервые — у персов или греков получили широкое распространение приветственные поцелуи мужчин).

И вот наступил черед Каллисфена. Он выпил кубок до дна, и, не совершив коленопреклонения, подошел к царю. Александр отвернулся от поцелуя. Ответ Каллисфена стал афоризмом: "Что ж, одним поцелуем меньше..."

Представление с проскинезой провалилось. Александр никогда более не требовал коленопреклонения от эллинов. Царь был сильно огорчен, считая, что во всем виноват Гефестион. Гнев Александра сдержали уважение и трогательная привязанность к другу юности. До самой смерти был предан царю и Гефестион. Никто не мог объяснить причины этих столь трогательных отношений.

Злые языки утверждали, что преданность Александра и Гефестиона напоминала отношения воинов "священного отряда" Фив, состоявшего из 150 пар преданных друг другу воинов, которые приняли участие в битве с македонской армией при Херонее¹ в 338 г. до н.э. и все как один погибли в бою. После победы при Херонее Филипп Македонский велел похоронить их всех вместе с особыми почестями. Что касается намеков на отношения царя и Гефестиона, то различные истории по этому поводу, видимо, придумывали те, кто ревностно относился к дружбе Александра и его преданного соратника.

Достоверно известно другое. В битве при Херонее впервые проявился военный дар 18-летнего сына Филиппа Александра. Именно его отряд столкнулся со "священной дружиной" из Фив. И хотя фиванцев было всего триста человек, они сражались отчаянно. Безудержная храбрость Александра позволила македонцам вклиниться в ряды греков и покончить с ними. Подразделения Александра продвинулись вперед и ударили в тыл основных сил греков, теснивших отряды, которыми командовал Филипп. Так был решен исход сражения, греки дрогнули и обратились в бегство.

---

¹ Город в Беотии — в восточной части Греции.

Каллисфен достойно показал, что эллины с презрением относятся к рабскому обычаю коленапреклонения. И это стоило ему жизни. Вскоре Каллисфен был обвинен в заговоре против царя и убит. Солдатам армии объявили, что знаменитый греческий философ и историк скончался от болезни.

После разгрома Персидской державы, а также завоевания Бактрии и Согдианы Александр уничтожил многих греков и македонцев из числа тех, кто не соглашался с его решением. Каллисфен пополнил число жертв. Царь не считался с их былыми заслугами, знаниями и опытом, он опался заговора и покушения на свою жизнь. Проступки противников Александра были разными и не всегда таили угрозы его намерениям. Но царь был одинаково строг ко всем неугодным, считая, что они заслужили лишь одно наказание — смерть и чаще путем скрытого убийства. Месть могла быть еще более жестокой, если бы Александр придумал наказание большее, чем смертная казнь.

Порой Александр поступал словно знаменитый жестокий царь Фив из трагедии Софокла "Антигона", который восклицал, что на своей земле он царствует один, не обращая внимания на слова слепого старца: "Но и царь непобедимый, если нет в нем правды вечной, на гибель обречен... Близок час, когда твой дом наполнят стоны..." В конце трагедии наступает развязка, фиванского царя терзает позднее раскаяние. "Смерть, я зову тебя!" — восклицает он.

Но Александр не был царем Фив, он завоевал почти все страны ойкумены и поэтому не терпел малейших сомнений в том, что на этой земле он царствует один, а умирать царь не собирался. Сломив последние очаги сопротивления в македонской и греческой среде, Александр все же не смог до конца выйти за круг единовластия, идеи восточной тирании и деспотизма. У персов единственным свободным человеком в государстве был царь, остальные считались его собственностью. Не случайно поэтому Еврипид писал: "Все варвары — рабы: свободен лишь один". В Азии Александр,

расправляясь с инакомыслящими, все чаще перенимал эту древнюю восточную традицию.

В ряде сочинений, посвященных походам Александра Македонского, можно найти критику жестоких поступков царя. Но тем не менее почти все авторы делают оговорку, что Александр видел свое призвание в воинских подвигах и великих завоеваниях, и поэтому для достижения своих целей, совершая великие дела, он отличался большими способностями и в поступках, достойных осуждения. Люди одинаково успешно могут использовать свой дар и в созидании, и в разрушении. Не случайно поэтому на протяжении тысячелетий, как небеса и бездна звезд, человеку столь привычна борьба добра и зла. Никто не знает, когда и как закончится она. Жизнь продолжается в противостоянии добра и зла, истоки которого восходят к началу пятого круга жизни человечества. Это тогда многие люди перестали ценить правду, добро и соблюдать клятву. Ложь стала обычным явлением, превыше всего ценились богатство, сила и власть. Всех тех, кто говорил правду, перечил вождям и осуждал их неверные решения и поступки, изгоняли из рода, а затем стали убивать десятками, сотнями... Вожди защищали свои поступки. Много несчастья и горя познали люди.

Пятый век рода людского — железный век — продолжается и ныне. Одни из нас верят в судьбу, другие отрицают ее, но всех людей объединяет надежда на лучшее, вера в торжество разума, сколько бы ни пришлось ждать чуда. Ведь давным-давно однажды на земле был золотой век...

Люди могут взывать к солнцу, поклоняться его бессмертным лучам, говорить с небом. Многие поколения человечества обожествляли небо и солнце. Небо оставалось чистым, холодно-голубым, то покрытым легкими белыми облаками, то тяжелыми черными тучами. А солнце светило ярко и тускло в зависимости от времени года, но, независимо от смены века рода людского и от поступков человека, солнечный свет оставался и все еще остается единым для всех. Пока существуют восход и закат солнца, после тьмы приходит свет, а после света — тьма.

Древний город Сузы, 324 г. до н.э. Забыты многодневные изнуряющие пути вдоль Инда и знойное солнце побережья Эритрейского моря¹, нестерпимая жажда и болезни азиатской пустыни, мертвые города и огромные забытые кладбища — города мертвых южного Ирана. Позади бессонные ночи.

Сузы. Пир. Пьяное веселье войска. Массовые свадьбы. Сам Александр женился на старшей дочери Дария. Птолемей, Неарх, Кратер, Селевк и десятки таксиархов² женились на знатных персиянках и мидийках. Десять тысяч простых воинов взяли в жены десять тысяч простых невест Азии. На невиданной роскошной свадьбе присутствовали тысячи гостей. Такие свадьбы некогда справляли лишь персидские цари.

Сузы. Пьяный разгул эллинов. Ночь. Костер у древних стен города. Несколько ветеранов армии несут дозорную службу. Вдали слышен хор хвалебного песнопения. Хвалят царя, его невесту, хвалят полководцев и особенно Неарха. Это он во главе македонского флота прошел опасный морской путь от Инда до устья великих рек Месопотамии.

Старым воинам Александра не до свадеб, хотя и они по старой любви к Дионису прикладываются к кувшинам с вином. Позади десять лет восточных войн. Болезни и рубцы ран. Ветеранам не до общего веселья. Они не вздыхали по красивым женщинам Востока и не завидовали подаркам царя, преподнесенным молодоженам в день свадьбы. Они забыли о завоеванных странах и разграбленных городах. Ветеранов не удивила щедрость царя, уплатившего все долги женихов и преподнесшего каждому из них в честь свадьбы золотой кубок. Их не печалит гибель на полях сражений многих тысяч воинов армии, в честь которых воздвигнуты храмы. Старых вояк не поражает даже строительство тыся-

---

¹ Аравийское море.

² Командиры полка пехоты.

чи новых боевых кораблей и никогда уже не соблазнит перспектива походов к новым границам земли. Вот седой македонец, подкладывающий хворост в костер. Он тощ и хром. Рядом стоит одноглазый фессалиец, бывший гиппоконтист¹. Лицо грека фиванца в страшных уродливых шрамах. У гиганта фракийца нет руки. Скоро они будут дома. Александр отпускает ветеранов на родину. Последний дозор. Воспоминания о полузабытой родине.

Отправляясь когда-то на Восток, они думали о том, что сирмы — сосуды для хранения зерна — будут полны, как и чаши — вином, что в домах людей поселится радость и справедливость. И вот теперь, когда уничтожен источник зла и бедствий — Персидская держава, все это стало несбыточной мечтой. Обман. Чаши, сумы и обозы полны, но далеко не у всех.

Александра, как никогда ранее, окружала толпа льстецов. Но и это не поразит ветеранов. Сам царь тщеславен и, забываясь, любит повторять, что это он дал войску хлеб, дома и богатства. Но и о другом наслышаны седые гоплиты: Александр обидчив. С незнатными людьми он ныне расправляется по первому доносу. Перед казнью несчастным сообщают, что царь уважал и высоко ценил их. Но и к этому давно привычны старые воины.

Ветераны вернутся домой и пополнят ряды охлоса — черни. Богатые не рождаются бедными. И учитель хвалит царского сына не потому, что он способный ученик. Для имущих нет преград. Вот и Александр все больше уважает перешедших на его сторону знатных азиатов, которые в течение многолетних войн, голода и смерти пользовались на Востоке всеми благами и безопасностью. Омония².

Участь ветеранов печальна, но еще более трагична судьба знаменитых полководцев греко-македонцев. Участники грандиозного похода на Восток, бывшие соратники и братья по оружию вновь встретятся на полях сражений,

---

¹ Всадник легкой конницы, вооруженный копьями.

² Греч. единомыслие, согласие.

но теперь они будут убивать не врагов, а с какой-то непонятной бешеной страстью беспощадно уничтожать друг друга. Они сложат головы в борьбе за престол. В жестоких династийных войнах погибнут Кратер и Антигон, Мелеагра пронзят копьем по приказу Пердикки, Пердикку убьет Селевк, Селевка — Керавн, сын Птолемея Лага, и лишь Птолемей умрет естественной смертью. И, наконец, Олимпиаду — мать Александра Македонского — забьют камнями. Эта зверская расправа над матерью великого завоевателя также не удивит тощих и хромых, одноглазых и одноруких, забытых всеми, старых убийц Александра — сыновей войны.

Сузы. Ночь. Пьяный разгул войска. Омония.

* * *

Оксиарт пережил в Согдиане многих, но судьба жестоко наказала и его. В правление ему достались отнюдь не цветущие земли и густонаселенные селения, а разоренный край с пепелищами остывших пожаров. Что стало со страной после жестоких карательных походов Александра?

Всюду, где бы ни был Оксиарт, он долго рассматривал руины глинобитных домов и крепостных стен, возвышавшихся на берегах рек или на серых, покрытых пылью и кустарником, холмах Согдианы. В разоренных селениях людей было меньше, чем трусливых шакалов, поселившихся в разрушенных войной жилищах согдийцев. И только храмы, посвященные местным божествам, Александр не тронул. Возможно, испугался мести согдийских богов, которых все больше уважал вдали от эллинского Олимпа. Оксиарт вздрагивал, опускал голову и спешил прочь.

Люди перестали заниматься земледелием и ремеслом. Никто не снаряжал караваны в Мараканду, Марг и Бактры. На рынках Согдианы ничего не продавали и не покупали. Казалось, что на этой земле остался лишь один Оксиарт, сумевший пережить многих согдийцев.

Каждую весну в дар Анахите Оксиарт приносил обильные жертвы. Ровно семь ночей горели костры в предгорьях

ях Наутаки. Ровно семь ночей и дней слуги сатрапа Согдианы произносили священные заклинания и распевали торжественные гимны. Оксиарт просил богов простить ему грехи. Но даже если боги простят его, то этого никогда не сделают согдийцы.

Оксиарту часто снился Спитаман. Легендарный согдиец подходил к стенам замка на рассвете. Он молча грозил Оксиарту кинжалом и исчезал. Однажды подле своего ложа Оксиарт увидел Спитамана, Аримаза и несколько чернородых, мрачных лучников. Они подняли его и отвели на площадь, к Столбу Позора, где Оксиарт часто наказывал своих слуг. Дымили костры. Били барабаны. Оксиарта привязали к Столбу Позора. Четыре лучника ждали сигнала. Резкими движениями рук они натянули тетивы. Бронзовые жала наконечников скоро поразят Оксиарта. Одна стрела — в левую грудь за малодушие и страх, другая — в правую, за то, что Оксиарт недостойно дышит воздухом Согдианы, две стрелы — в глаза, за то, что этот человек видит небо и солнце земли, которую он продал за горсть монет Александра... И так каждую ночь. Что за наказание богов выпало на долю сатрапа Согдианы?

Дрожа от страха, Оксиарт просыпался весь в поту, вздыхал и вопил в пустоту:

— Александр! Ты меня слышишь, Александр! Будь ты проклят!..

Но Александр не мог слышать его проклятий. Где-то вдали, в теплой стране, сидя в тенистом саду в окружении сказочных цветов и певчих птиц, он любовался красавицей женой Роксаной — ласточкой, улетевшей из гнезда, как называл ее отец.

Через пять зим из далекого Вавилона к седому Оксиарту, бывшему к этому времени сатрапу области Паропамис — Гиндукуша, дойдет страшная весть. Его любимая Рохшанак вместе с грудным ребенком задушена безжалостной, грубой рукой солдата. Эта весть, словно ядовитая стрела, поразила сатрапа в сердце. Бесславно ушел Ок-

сиарт в царство Ахримана. Но его смерть не ранила грустью души согдийцев.

Через год после смерти Оксиарта в волнах Аранхи утонет Хориен. В Согдиане начинался новый день.

* * *

Пришел конец и мечте Александра. Несколько дней до смерти, мучаясь в тяжелых приступах лихорадки, он не узнавал ближних. В туманном рассудке царя проплывали видения далеких походов и гигантских сражений, словно неслась его Азия в таинственной пустынной мгле, и шел он в этом бесконечном однообразии, ступая по серой земле.

До середины первого месяца лета оставалось два дня, но жара в этот год наступила слишком рано. Полуденный зной повис в оврагах раскаленных глин, над кустарниками и в зарослях камыша. И лишь зеленый тамариск чудесным образом расцвел в этом адском пожарище равнин. Зной крепчал одновременно с лихорадкой царя. Александр стонал, ему казалось, что армия пришла в великое расстройство, а его знаменитые полководцы произносят дерзкие речи и готовятся к бегству. Это было на самом деле. Пока царь умирал, полководцы спорили о достойном наследнике престола. Каждый из них старался доказать свою близость к царю, не стесняясь похвал и перечисления личных заслуг. Они спорили до хрипоты, до ненависти, расходясь во мнениях. А затем разбились на враждующие группы. Царь еще не умер, но его державе суждено было уже разделиться на три части — Македонию, Египетское царство Птолемея и Селевкидское государство в Азии. Александр еще не умер, но уже готовилось жестокое убийство Роксаны, которая ждала сына, законного наследника престола.

Как рассказывают древнегреческие историки, царь однажды спросил у пленного индуса, отличавшегося смекалкой ума: "До каких пор стоит жить человеку?"

Тот усмехнулся и ответил: "До тех пор, пока смерть не покажется ему лучше жизни". Столь мудрый ответ понравился Александру, и он сделал индуса своим советником.

Александр сделал в жизни многое, чего не удавалось до него никому. Мало осталось городов, народов и стран, которые бы он не покорил, так считал сам царь. Но, может, в царстве мертвых никто еще не рискнул осуществить заманчивый поход с запада на восток? Смерть не казалась Александру привлекательнее жизни. Зачем ему мертвое величие? О том, что его будут помнить и после смерти, он понимал, потому что был еще жив. А что будет иметь царь после смерти? Богатство и почет, многотысячную армию и мужественных стратегов, десятки завоеванных стран и народов — великую державу, славу и силу?.. Ничто... Никого... Мертвое величие, легенды, прошлое и прах...

В сознании больного царя поочередно возникали грациозные кони — белый и красный. Этот огонь лихорадки то затухал, то вновь ярко разгорался. Александр никогда не видел подобных коней, которые были не земного, а небесного происхождения. Царь долго решал, какого коня ему оседлать. Надо было спешить, ведь нетерпеливые кони могли умчаться без него.

... Пустыня на берегу моря у границ Персиды. Индийский мудрец Калан — советник Александра — идет на костер, чтобы сжечь себя заживо по индийскому обычаю. Он болен и еле передвигается, и потому мужественно решил избавиться от мучений. Александр потрясен, в его глазах слезы. "Не горюй, мы скоро свидимся", — прощаясь, говорит Калан и исчезает в огне.

"До встречи...", — выдохнул царь. Это были последние слова Александра Македонского, но он все еще был жив. Александр попытался поднять руку и сделать знак. Широко раскрыл глаза... Он выбрал красного коня и вознесся в небеса.

Полководцы, стоявшие вокруг ложа царя, вздрогнули и переглянулись. Они не ведали о прощании Александра с Каланом и о выборе царем красного коня. Слова умирающего завоевателя мира казались им зловещим предзнаменованием, словно все полководцы разом должны были стать надгробной жертвой Александра. Пророчество царя сбудется.

Боги даруют людям жизнь и наказывают смертью. Жизнь одних возвышает, наделяя богатством, почетом и славой, других оставляет в нищете, голоде, холоде. Смерть уравнивает в правах как великих, так и ничтожных людей. Мертвым смерть не страшна. Ее боятся живые, ведь не все после смерти попадают в рай.

Боги Вавилона и Олимпа, а также бог Амон — отец Александра не смогли помочь ему. Александр Македонский умер не как царь, герой и создатель огромной державы, а как простой человек. Это видели полководцы и солдаты-ветераны, которые молча следовали один за другим, прощаясь с царем, лежащим на смертном одре. И так же, как в Индии, когда они отказались идти с Александром дальше в неизвестные просторы Азии, ветераны тихо плакали. Горе этих людей было так же безмерно, как некогда вера в величие царя, который вдохновлял их на подвиги и победы, и всегда в самые драматические минуты помогал им переносить невзгоды и лишения. А теперь перед ними лежал человек, которому не суждено было проснуться. Он ушел навсегда. Какое горе и какая тишина...

Александр скончался в первый месяц лета, первого года 114 Олимпиады¹. Он прожил неполных тридцать три года, из которых тринадцать лет царствовал, но больше не в столице Македонии, а в пути — походах и в битвах, в горах и пустынях, в чужих городах и странах, где многие народы не признавали в нем царя. Александр был повелителем войн. Он любил рисковать и неудержимо шел навстречу славе и доблести — аретэ. Он думал о лаврах и бессмертии, о вечности творения, созданного копьем войны. С тех пор, как начался поход греко-македонцев в Азию, прошло одиннадцать лет. Согласно преданию, несколько меньше — десять лет — длилась Троянская война.

Смерть Александра положила конец идее эллинов о мировой державе, законы которой были бы написаны мечом и кинжалом. После Александра многие правители и

---

¹ 323 год до н.э., приблизительно 13 июня.

вожди стремились соблазнить уродливую старушку Гегемонию — получить верховную власть на земле, надеясь избежать краха и падения. Заманчива любовь, но несбыточна надежда.

Я не чинил зла людям.

Я не убивал.

Я не приказывал убивать.

Я никому не причинял страданий.

Я чист, я чист...

"Книга мертвых".

"Первая оправдательная речь умершего".

Древний Египет.

* * *

Прошло много лет. Вавилон по-прежнему оставался вечным и великим, но в Азии практически не осталось воинов — участников грандиозного анабасиса Александра¹. Вот и в Вавилоне доживал последние дни высокий, седой ветеран. Особенно бросались в глаза его могучие руки и многочисленные шрамы на грубом, загорелом лице. Станный незнакомец подолгу бродил по улицам города (словно искал кого-то, пытаясь вспомнить забытых людей) или сидел на берегу Евфрата, слушая шелест камыша и всплеск мутной речной волны.

Увидев нищего, городские мальчишки натравливали на него стаю бездомных собак. И лишь молодые воины, признавая в нем бывшего тяжеловооруженного всадника, угощали на торговой площади хлебом и вином.

После двух-трех кубков крепкого напитка в глазах нищего появлялся блеск. Неожиданно он оживал и начинал рассказ о походах в неведомые страны и кровопролитных сражениях. И хотя мало кто ему верил, вокруг рассказчика собирались торговцы, ремесленники, носильщики воды и уличные зеваки. Особо безудержный всеобщий хохот вы-

---

¹ Анабасис (греч.) — поход в глубь страны, материка, в сторону от моря. Здесь имеется в виду поход Александра в Азию.

зывал рассказ нищего о том, что он часто пировал с самим Александром Великим...

А между тем незнакомец говорил правду. Это был Протей. Тот самый Протей — один из друзей детства Александра, известный когда-то как храбрый воин и самый стойкий выпивоха в македонской армии. Протей вспоминал, как на одном из царских пиров Александр объявил состязание, кто больше выпьет. Победитель получал в награду золотой царский кубок. Протей перепил всех, но кубок не получил. В пылу состязания и чрезмерного возлияния Александр неожиданно заснул и выронил кубок на землю.

Уединившись на берегу Евфрата, Протей долго смотрел вдаль, вверх по течению реки, словно хотел увидеть ее истоки. А заодно за горизонтом он искал край, где родился. Однако старый воин не думал о возвращении в Македонию. На Востоке он обрел новую родину. Македония стала для него забытой страной предков.

Никогда не думал о возвращении в Македонию и Александр. Он навсегда остался в Азии.

Многие авторы древности и современности пытались объяснить причины смерти Александра Македонского, в числе которых назывались малярия, воспаление легких и отравление ядом.

После индийского похода, в разгар празднеств и ежедневных пиров, в Экбатане неожиданно скончался Гефестион — самый близкий и преданный Александру человек. Смерть друга детства потрясла царя. Горе его было безмерно. Гефестиону были устроены пышные похороны. Тело полководца перевезли из Экбатаны в Вавилон и предали сожжению. На место кремации предварительно принесли сотни золотых царских кубков и чаш, слитков золота и невиданное число украшений. Бушующий огонь превратил покойного в пепел и расплавил золото. Александр велел построить на месте погребения урны боевого соратника грандиозную ступенчатую башню, которая должна была превзойти самую высокую пирамиду Египта. Однако строительство мавзолея Гефестиона завершить не удалось.

Смерть Гефестиона не стала предупреждением для Александра. Он продолжал шумные пиры, на которых пили неразбавленное вино. Пирыв заканчивались поздней ночью. На утренние завтраки подавали небольшие кувшины холодного вина. Утренние пиры сменялись вечерними и ночными. Казалось, что веселым попойкам не будет конца. Но однажды царь почувствовал лихорадку и сильный жар. Никто не знает, от чего скончался Александр Македонский. Сохранились сведения о том, что бальзамированное тело Александра перевезли из Вавилона в Египет. Но неизвестно, было оно предано кремации на центральной площади Александрии или покойного завоевателя, как подобает сыну бога Амона, поместили во временную гробницу в Долине царей, чтобы затем на этом месте воздвигнуть огромную пирамиду. Эта пирамида, возможно, не была построена из-за начала династических войн, в которых активное участие принимал Птолемей — царь Египта. А забытая гробница Александра Македонского со временем была поглощена песками и навсегда исчезла. И не случайно поэтому одна из египетских надписей того времени начинается с вопроса "А что с их гробницами?" и обрывается. Никто не смог ответить на этот вопрос. Что касается самого Александра, то с тех пор, как в Вавилоне он потерял дар речи, не мог произнести ни единого слова. Или он не хотел говорить, оседлав небесного коня?.. Александр не умер, он умчался на коне в неведомое пространство. Также остались неизвестными места, где покоятся останки Пармениона и Неарха, Кратера, Фарнуха, Карана и других полководцев, а также многих тысяч простых воинов — македонцев, греков и фракийцев, пеонов, иллирийцев и фессалийцев — всех тех, кто отправился в азиатский поход в 334 г. до н.э. Лишь известно, что тело Селевка было предано кремации в городе Пергаме (Малая Азия), а урна с пеплом послана Антиоху — сыну Селевка.

Не случайно Александр Македонский искал когда-то места погребения великих героев Эллады — Ахилла, Аякса и других, но так и не нашел их...

Между тем ветераны македонской армии считали, что Александр был отравлен. Ядовитое вино, якобы, было налито в тот самый золотой царский кубок, который так и не получил в награду друг детства царя Протей.

А Вавилон был разрушен в древности. И несмотря на то, что уже в наше время его руины подверглись еще более значительным разрушениям, город остался великим, даже в вечном сне. Таким остался и Александр Македонский.

ПО СЛЕДАМ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Знойный ветер Согдианы поднимет проселочную пыль. И зловеще закружит столб смерча. "Ведьма! Ведьма!" — испуганно закричит детвора и поспешит прочь. И вновь наступит затишье. Лишь у заброшенных землянок, где некогда жили колдуны, раздастся мертвящее: "Кар! Кар!.." Этот вечный крик ворона напомним о далеком прошлом. О войнах и огненных стрелах.

Кажется, на этой древней земле текут все те же реки и простирается все та же бесконечная степь. Здесь, на широких просторах, ветры спешат в неизвестность. А в степи — одинокие холмы до горизонта. Все те же горы. И Черная гора, где враги убили великого богатыря. Особенно трагична звучит легенда при свете очага, когда на улице зима и в холодной ночи протяжно воет одинокий волк.

Рассказы седобородых старцев. Горят масляные свечи на кладбище предков. Горят свечи на тесте и муке. Весной женщины считают новые звезды. В реки приходит новая вода. Рождаются дети и умирают старики, унося в небытие нерассказанные истории о минувших веках.

Нам сейчас, пожалуй, трудно представить, что современная автострада совпала с маршрутом древнего проселка, по которой шли воины Александра Македонского, что посреди хлопковых полей долины Заравшана или Кашкадарьи разворачивался строй фаланги греко-македонцев, что на месте селений XXI в. высились стены согдийских крепостей... Но

прошлое всегда рядом. Поэтому мы вновь обращаемся к нему.

Согласно Курцию Руфу, Александр Македонский совершил поход из Наутаки в горную область Габазу, или Газабу. Вначале поход проходил довольно спокойно, но на третий день армия македонцев неожиданно попала в сильную бурю. Курций Руф пишет: "По всему небу засверкали молнии. Свет, то вспыхивавший, то погасавший, слепил глаза идущему войску и приводил его в ужас. Гром гремел почти непрерывно. И со всех сторон были видны вспыхивающие молнии; воины перестали слышать и, оцепенев, не отваживались ни идти вперед, ни остановиться".

Мнения исследователей о маршруте похода в Габазу расходятся так же, как и о местонахождении данной области. Однако еще в прошлом веке под названием Габзан был известен горный район между Дехканабадом и Акрабадом (Кашкадарьинская область). Сейчас название Габзан местное население не использует. Определенная связь терминов Габзан с Габазой Курция Руфа очевидна. Об этом написано в специальных научных статьях. Район этот горный. Здесь проходил древний путь из Согдианы в Бактрию через знаменитые Железные ворота — узкое горное ущелье длиной 2 км, расположенное на границе Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей. Железные ворота были широко известны в древнем мире и имели разные названия — Баб-ал Хадид, Дар-Аханин, Темир-капиг, Темир-Кахалга. Они упоминаются в древнетюркских рунических надписях, найденных в долине реки Орхон. Через Железные ворота в VII в. прошел знаменитый странствующий монах Сюань Цзянь, а в 1404 г. — Рюи Гонзалес де Клавихо — глава испанского посольства ко двору Амира Темура.

Обрывистые скалы Железных ворот высотой более 150 м не только поражают своим величием, но и производят мрачное впечатление на путешественника, особенно, когда над скалами нависают тучи и по каменистому дну ущелья неожиданно устремляется паводок. И здесь вновь вспомним воинов Александра Македонского, испытавших гром и молнии Габазы.

Древнеримский историк драматично продолжает рассказ: "Тут внезапно хлынул потоком ливень с градом. Сначала воины укрывались от него под своим оружием, но потом они уже не могли не только удержать закоченевшими руками скользкое оружие, но и решить, в какую сторону повернуться, так как буря с громадной силой обрушивалась на них со всех сторон, и от нее нельзя было укрыться".

Речь здесь идет явно о горной местности. Греко-македонцы не знали, в какую сторону повернуть, а скалы не могли служить им укрытием от ливня и града. Такая ситуация может возникнуть либо в узком ущелье, либо на горном перевале.

Чтобы пройти через знаменитое горное ущелье, необходимо часа два. Оно извилисто, словно змея, так как сотни тысяч лет упорно прокладывалось руслом горного паводка. Отвесные скалы мрачны и неприветливы. Человек, идущий по дну теснины, невольно смотрит вверх, появляется чувство страха, что скалы вот-вот рухнут вниз, достаточно лишь одного неосторожного движения или громкого слова.

А теперь представим, что через ущелье проходят тысячи конных и пеших воинов, и вдруг начинается буря... Курций Руф весьма достоверно описывает положение воинов Александра Македонского, словно сам историк в тот злосчастный день оказался на горной дороге Габазы.

Горы на юге Узбекистана (система Гиссара, Байсуна и Кугитанга) интересны и тем, что именно здесь располагались крепости-убежища Оксиарта, Хориена или Сизимитра. Арриан называет крепость Оксиарта Согдийской скалой, отмечая отвесные, недоступные для штурма стены убежища согдийского вельможи. Во время восхождения на скалу погибло 30 македонцев. Древнегреческий автор отмечает, что даже тел их не нашли для погребения, так как несчастные утонули в глубоком снегу.

Еще более недоступной оказалась крепость Хориена, к которой вел один довольно узкий, трудный путь, скорее всего "козья" тропа, так как идти было по нему затруднительно даже одному человеку.

Археологи пока не нашли следов указанных выше крепостей — скал, хотя в горах Согда и Бактрии открыто немало крепостей более позднего времени. Нередко последние располагаются на высоких отвесных скалах, опоясанных глубокими ущельями горных рек. Эти крепости имеют мощные оборонительные стены и башни, выложенные из каменных блоков и хорошо защищенные естественной средой.

Одна из таких средневековых крепостей — Бабур Курган — находится в горном ущелье к юго-западу от селения Акрабад. Согласно легенде, она была воздвигнута Бабуром, который под натиском Шейбанихана вынужден был отступить в Афганистан, а затем вторгся в Индию.

В труднодоступных горах Синам (Гиссар) располагался и замок Мукаллы — последний оплот мощного антиарабского восстания, начавшегося в 776 г. В этих же районах находятся крепости античного времени, но более поздние, чем в эпоху Александра Македонского.

Надо полагать, что горная фортификация Согда и Бактрии имеет более ранние истоки. Так, недалеко от Железных ворот обнаружена мощная оборонительная стена кушанского времени, некогда закрывавшая проход через горное ущелье и являвшаяся границей между этими областями.

Как было сказано, кратчайшие дороги из Бактры в Мараканду (и в обратном направлении) вели от переправы Шуроб и Чушка Гузар по Шерабаддарье и Урадарье. Этот путь до подъема в горы отмечен многочисленными древними поселениями как в бассейне Кашкадарьи, так и в долине Сурхана. Крепость Узункыр, датируемая VIII—III вв. до н.э. (Китабский район), — центр области Наутака, располагается перед перевалом Тахтакарача. Расстояние от Узункыра до Мараканды составляет немногим более 70 км (два дневных перехода). Крупнейшее поселение бассейна Сурхана — Кызылтапа, по мнению специалистов, — центр области Паритакена, или Паритака, находится на пути в Согд через перевал Ташкурман, который использовался для вьючных перевозок в летнее время. Сильно укрепленная кре-

пость Талашкан стоит на пути из Бактры в Согд по Акрабадскому тракту. Об этой крепости следует рассказать более подробно.

Исследователи в поисках исчезнувшего города бранхидов отождествляли его с руинами крепости Талашкан¹. Вспомним, что жрецы-бранхиды были выходцами из малоазийского города Милета и в 480 г. до н.э. бежали вместе с войсками Ксеркса, разгромленными греками в битве при Платеях. Бежали и потому, что выдали персидскому царю сокровища и ценности храма Аполлона Дидимского, сожженного во время похода Ксеркса.

Мы знаем, как поступил Александр Македонский с потомками бранхидов, которые, по словам древнего историка, даже не видели Милета, а потому и не могли предать храм Аполлона.

Крепость Талашкан датируется VII—IV вв. до н.э. И последний период обживания крепости относится ко времени походов Александра Македонского. Талашкан был найден в 1972 г. у одноименного заброшенного кишлака в знойной Шерабадской степи. На многие километры в округе не было ни деревьев, ни воды. И здесь интересно вновь обратиться к рассказу древнеримского историка: "Наконец, чтобы от города (бранхидов — А.С.) не осталось следа, стены его разрушаются до самого основания. Не только вырубают, но даже выкорчевывают деревья в священных рощах и лесах, чтобы на этом месте была обширная пустыня с бесплодной землей, лишенной даже корней деревьев".

Более 23 веков Талашкан представлял собой унылые развалины на мертвой бесплодной земле. И если поселение здесь действительно было основано бранхидами, то Александр отомстил не изменникам Милета, а их невинным потомкам, и месть его была очень жестокой.

Граница между Бактрией и Согдианой, видимо, проходила в районе Железных ворот и Акрабада. Отсюда дороги вели к двум согдийским областям — Ксениппе и Наутаке.

---

¹ Ныне существует иная версия локализации города бранхидов.

Центром области Наутака некоторые исследователи считали древнее городище Китаба. Однако, как показали археологические раскопки, этот город был основан после похода Александра Македонского в III в. до н.э. В источниках он известен как Сусе или Суде и специалисты допускают, что это название происходит от согдийского слова "Сугуд", т.е. Согд.

Как сообщает Арриан, в начале 327 г. до н.э. Александр расположил свое войско в окрестностях Наутаки на отдых, так как стояло самое суровое зимнее время. В округе Китаба археологи открыли руины крупной крепости — Узункыр, окруженной мощной оборонительной стеной, и фортификация Узункыра была значительно усилена в IV в. до н.э. Обращает на себя внимание то, что большая часть Узункыра оставалась незастроенной и служила укрытием для скота и убежищем для населения земледельческой округи в случае военной угрозы. В эпоху Ахеменидов Узункыр выполнял роль сильно укрепленного военно-административного центра.

Недалеко от Узункыра обнаружена крепость Сангиртепа. Она была окружена двумя линиями глинобитных оборонительных стен толщиной 10 м каждая и не случайно поэтому получила название Сангир — Каменная крепость.

В центре Сангиртепа археологи раскопали остатки храма огня. Он был возведен из сырцового кирпича и битой глины-пахсы. В одном из культовых строений обнаружены устроенные по периметру стен неглубокие ямы, заполненные золой. Люди с почтением относились к остаткам священного огня сгоревшего сухого чистого дерева и поэтому хранили золу в ямах специального помещения. Дрова для священного огня также хранились в отдельных строениях, которые были лишены влаги и сырости.

Древнейшая архитектура Сангира датируется IX—VIII вв. до н.э. В то далекое время одна из областей Согдианы была известна как Гава Сугда, что дословно означает "Согдийское селение". Эти сведения содержатся в ранних частях Авесты.

В источнике говорится, что бог Митра "обозревает всю землю, заселенную арийцами (авестийскими народами), доблестные властители которой совершают многие военные походы, высокие горы которой с обширными пастбищами, богатые водой, способствуют разведению скота, глубокие озера стоят с необозримой водной гладью, судоходные реки которой спешат, низвергаясь в сторону Ишкаты, Поруту, Маргианы Арейи, Гавы Сугда и Хорезма". Интересно, что термин "Гава" (Гау) широко распространен на юге Узбекистана в Китабо-Шахрисабзском и Яккабагском оазисах, а также в близлежащих горах Гиссара. Это названия современных селений, археологических памятников и географические понятия. Видимо, именно восточная часть долины Кашкадарьи 2900—2800 лет назад называлась Гава Сугда.

Трактовка термина "Гава Сугда" как "Согдийское селение", видимо, является спорным, так как понятие "гав" на авестийском и согдийском языках означает дословно "бык". Известно также, что вплоть до XIX—XX вв. в долине Кашкадарьи и Заравшана термин "гав" в понятии "сила", "мощь" использовался применительно к имени народных богатырей, борцов (палванов). Не исключено, что первоначально понятие "Гава Сугда" трактовалось как "мощная", "сильная" или "могущественная" область, т.е. могучий, сильный Согд.

Таким образом, в IX—VIII вв. до н.э. восточная часть долины Кашкадарьи (район Китаба, Шахрисабза, Яккабага, Гузара и прилегающих гор) была известна как Гава Сугда, затем — в VII—III вв. до н.э. эта область и ее центральный город стали называться Наутака. В III в. до н.э. Наутака-Узункыр забрасывается, и городской центр переносится на место современного Китаба. В то время этот город назывался Сугуд, а в V—VIII вв. н.э. — Кеш, последующая история которого связана с территорией Шахрисабза. Этот город продолжил и развил на новой основе традиции раннегородской культуры Южного Согда. В средневековье эта территория составляла область Кеша.

Обращает на себя внимание тот факт, что согласно легендам об основании среднеазиатских городов, в том числе

таких, как Самарканд, Бухара, Хива, Термез и Мерв, столичный центр Китабо-Шахрисабзского оазиса выступает в качестве древнейшего города Средней Азии. И данные легенд поразительно соответствуют археологическим фактам, так как в эволюционном порядке Узункыр (Наутака) — Сугуд, а затем Кеш и Шахрисабз — городу не менее 2700 лет.

Названия ряда согдийских крепостей и селений связывались с понятиями "так" и "кат", что означает "купол", "дом", "строение" и "селение". Согдийский термин "Наутака" многие исследователи переводят как "новое селение", или согласно другому мнению, "новая область".

Не лишен интереса вывод о том, что происхождение слова "Наутака" связано с более или менее солидным сооружением, что "така" имеет также значение "мощь", "могущество", "сила". В таком случае название Наутака явно отражает историческое событие — строительство в VII—VI вв. до н.э. огромной крепости Узункыр, укрепленной мощными оборонительными стенами. Это событие получило отражение не только в названии города, но и обширной области расселения согдийцев от Заравшанского хребта до Урадарьи (Гузардарьи). Как и в случае с Гава-Сугда, т.е. могучий, сильный Согд в названии Наутака вновь проявляются понятия "могущество" и "сила", что, видимо, имеет определенную историческую связь, устойчивые традиции и древние корни.

Александр Македонский выбрал Наутаку для зимовья в 327 г. до н.э. не случайно. Мощные стены крепости типа Узункыр могли укрыть большое количество людей, обозы, снаряжение, оружие и скот. В цитадели города могли располагаться царь и ближайшее его окружение. Конечно, квартирные условия Наутаки были далеки от комфорта дворцов Вавилона. Однако все это осталось позади, и из всего, что мог выбрать Александр Македонский в Согдиане для зимних квартир, оставались Мараканда, городище Еркурган — центр области Ксениппа и, наконец, центр Наутаки на месте Узункыра.

Александр выбрал Наутаку не потому, что в этой плодородной области было много продовольствия и кормов, а явно по стратегическим соображениям. Как пишет Арриан, в начале весны он пошел к Согдийской скале, где укрывались непокоренные согдийцы, в том числе семья Оксиарта. Таким образом, Мараканда или Ксениппа были неудобны для зимовья, так как находились далеко от Согдийской скалы — убежища Оксиарта, которое Александр намеревался захватить сразу по окончании зимы.

...Когда стоишь на развалинах Узункыра, опоясанных глубоким и обрывистым руслом Шуробсая, невольно выбираешь разные направления похода греко-македонцев к Согдийской скале. Всего в 10 км к северу — Заравшанский хребет. Невысокие горы постепенно сливаются на востоке с заснеженными вершинами Гиссара, среди которых особо выделяется мощный пик Хазрати Султан.

В 70—80-е годы прошлого века автору этих строк удалось побывать в разных уголках Гиссарского хребта — верховьях рек Аксу, Танхас, Кызылдарья и Сангардак, где было записано немало интересных легенд и открыты самые разные поселения и крепости, начиная с первых веков нашей эры до раннего средневековья. Но не одну из них нельзя связать с крепостью Оксиарта. Вместе со студентами Ташкентского университета мы искали древнейшие убежища согдийцев в округе высокогорных селений Гилан и Ташкурган (Каменная крепость), в местности Майданак и Лянгар. Наконец, в селении Гиссарак, что в верховьях реки Аксу, нам показали скалу, которая в древности якобы служила крепостью — убежищем. Однако на горе какие-либо следы фортификации отсутствовали.

А была ли фортификация у Согдийской или Бактрийской скалы вообще? Были ли здесь стационарные жилые и хозяйственные строения, укрепленные стенами? У Арриана мы находим на это как будто утвердительный ответ: "Когда Александр подошел к скале, он увидел отвесные, не доступные для штурма стены; варвары навезли туда съестных припасов из расчета на длительную осаду". Однако Курций

Руф, описывая аналогичную скалу, указывает, что на половине высоты "есть в ней пещера с узким и темным входом, затем он постепенно расширяется, а в глубине имеется обширное убежище", где и прятались согдийцы. Обращает на себя внимание, что и в данном случае согдийцы заранее запаслись продовольствием, которого, по словам историка, хватило бы для большого числа людей на целых два года. Что касается "отвесных стен", то, видимо, здесь речь идет о высоких скальных обрывах, хотя не исключено наличие в горах каких-то укреплений из камня.

Создается впечатление, что в указанных выше цитатах скорее всего говорится о временных убежищах согдийцев, а не о местах их постоянного жительства. Видимо в разных труднодоступных районах существовали традиционные древние (родовые) горные убежища на случай военной или другой опасности. И не случайно Арриан специально подчеркивает, что на скалу бежали жена и дочери Оксиарта, что он спрятал их в этом неприступном месте. Однако семья Оксиарта попала в плен. Арриан пишет: "У Оксиарта была дочь, девушка на выданье по имени Роксана. Воины Александра говорили, что после жены Дария они не видели в Азии женщины красивее. Александр увидел ее и влюбился".

Поиск согдийских крепостей усложняется, но это вовсе не означает, что они не будут найдены, даже если это действительно были естественные убежища на высоких обрывистых скалах Согдианы.

Сегодня, благодаря трудам античных авторов и новейшим археологическим исследованиям, можно определить на современных картах места ожесточенных сражений и неожиданных засад, указать древнейшие переправы через Окс — Амударью, пройти по древним путям Бактрии и Согда.

Как уже говорилось, в Согдиане, кроме Мараканды, были и другие укрепленные крупные городские центры — Еркурган, Узункыр, а также Коктепа — в 30 км к северу от Самарканда.

Греко-македонцы на своем пути от Гиндукуша до Мараканды встретили сравнительно немного укрепленных горо-

дов с цитаделями (Аорн, Бактра, Мараканда), крупных крепостей типа Узункыра или Еркургана. Все это, видимо, позволяло относить аналогичные пункты в разряд "царских", или столичных центров. Достаточно отметить, что такие крупные городища не обнаружены в Бухарском оазисе. Нет их и в районе от Келифа и Керки до среднего течения Амударьи и низовой Кашкадарьи.

Вместе с тем в междуречье Амударьи и Сырдарьи Александр Македонский встретил большое число небольших крепостей, домов-усадеб и сельских поселений, расположенных в долинах отдельных рек, в предгорьях и на границах степей и пустынь. Такие населенные пункты были в Паритаке, Бубакене, Наутаке и Ксениппе. Одно из согдийских укреплений — Баги, охарактеризованное древнегреческим историком как "неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами", располагалось в Бухарском оазисе. Возможно, Баги — это название всей области низовой Заравшана, куда Александр совершил карательный поход.

Древнегреческий историк Арриан, описывая осаду Мараканды восставшими согдийцами, утверждал, что Спитаман, узнав о приближении к городу вспомогательного отряда греко-македонцев, снимает осаду Мараканды и удаляется в столицу Согдианы. Из этого следует, что либо в Согдиане было два столичных города, либо Арриан допустил здесь ошибку.

На основе этого сообщения, начиная с конца XIX в., разрабатывалась теория о "царском городе" — "бассилейи", или "второй столице" Согдианы. Одни исследователи помещали "вторую столицу" Согдианы в низовья Заравшана, в район Бухары. Другие считали, что название "бассилейя" является переводом на греческий язык местного древнего термина — "Ката — стольный город".

Известно также предположение о том, что "второй столицы" и "царского города" Согдианы не было вообще, и в тексте Арриана следует вместо "бассилейя" читать "басиста", так как первые четыре и последняя буквы этих слов

совпадают. Басиста — название местности, где был охотничий заповедник, о котором сообщает Диодор, описывая охоту македонцев в районе Мараканды. Басиста ориентировочно связывалась с районом Пенджикента, Ургута, а также с округой Мараканды, где, по Арриану, Спитаман устроил засаду отряду Карана и Фарнуха.

Для времени более раннего, чем IV в. до н.э., специальные охотничьи парки были известны на территории Западного Ирана. По поводу того, был ли создан ахеменидской администрацией охотничий парк в Согдиане или в источниках речь идет о природном заповеднике, вопрос остается открытым, так же как и гипотеза о том, что Спитаман, сняв осаду Мараканды, ушел в этот заповедник — Басисту.

В трудах историков, посвященных походам Александра Македонского, нет достаточно убедительных данных о том, что Спитаман должен был уйти именно в лесистую и гористую местность. Арриан, описывая район, где согдийцы устроили засаду вспомогательному отряду македонцев, говорит о наличии зарослей и леса в пойме и на острове Заравшана, о крутых, возвышенных берегах реки, но все это связывается с районом, близким к пустыне. Не случайно историк заявляет, что после поражения подразделений Фарнуха и Карана Александр Македонский преследовал Спитамана "вплоть до самой пустыни" и прошел "по всей стране, которую орошает река Политимет", т.е. река Заравшан.

Отряды восставших согдийцев состояли главным образом из конницы. Действия последней были значительно затруднены в условиях парадиза — охотничьего заповедника. Окруженный оградой парадиз становился ловушкой не только для македонцев, но при неудачных обстоятельствах и для согдийских повстанцев. На всех этапах борьбы Спитамана в 329—328 гг. до н.э. против греко-македонцев в долине Заравшана восставшие избегали военных действий, укрывшись за крепостными стенами либо в труднодоступных горах. Лишь после гибели Спитамана Александр

Македонский встретил сопротивление согдийцев в горных крепостях — скалах, когда восстание в Согдийской равнине было жестоко подавлено.

По Квинту Курцию Руфу на втором этапе военной кампании греко-македонцев Александр Македонский прибыл в Мараканду, затем двинулся в Ксениппу — область, граничившую со степными и пустынными районами. Ксениппа оставалась не покоренной греко-македонцами и как густонаселенная область могла служить убежищем для отряда Спитамана, хотя об этом источники ничего не сообщают.

"Эта область граничит со Скифией, — пишет Курций Руф о Ксениппе, — и в ней много густо расположенных сел, так как плодородие почвы не только привязывает коренных жителей, но и привлекает пришельцев". Под Скифией греко-римские историки и географы понимали территории расселения кочевников.

Приведенные сообщения позволяют считать, что Спитаман, сняв осаду Мараканды, направился не в район Пенджикента или Ургута, а отошел к Заравшану, западнее Мараканды. Этот эпизод нашел достаточно полное описание в литературе. После сражения с передовым отрядом греко-македонцев во главе с Фарнухом и повторной осады Мараканды, узнав о выступлении к городу Александра Македонского, согдийские повстанцы укрылись, видимо, в области Ксениппа, где располагался один из городских центров Согда — Еркурган. Однако с приближением к Мараканде основных сил македонцев войска Спитамана ушли в пустынные районы низовий Заравшана. Все это подтверждается тем, что Александр Македонский провел карательную военную кампанию в районах к западу от Мараканды, "вплоть до самой пустыни", где скрылся Спитаман и откуда исходила наибольшая опасность греко-македонцам. Тем самым Александр лишил Спитамана основных опорных пунктов согдийского восстания и уже весной 328 г. до н.э. срочно занял Ксениппу — современный Каршинский оазис.

Город Карши в различные периоды истории имел названия Насаф, Нахшаб — в средневековье и Ксениппа — в

древности. Ксениппа является искаженной греческой формой местного названия Никшапа. Этот термин содержится в арамейском документе IV в. до н.э. (точная датировка, вероятно, 330 г. до н.э.), который был обнаружен в Афганистане.

Обращает на себя внимание, что в окончании арамейского термина "Никшапа" присутствует авестийское слово "ап" — "вода", то же самое в окончании названия "Нахшаб", что можно связывать с авестийским "ап" и согдийским "об" — "вода", "река", т.е. название города и в древности, и в средневековье так или иначе было связано с рекой. Как известно, через город Карши протекает река Кашкадарья, что было характерным и для более ранних периодов истории.

За прошедшие со времени похода Александра Македонского столетия, древнее название Каршинского оазиса и его центрального города — Никшапа (Ксениппа) не исчезло. В искаженной форме оно сохранилось в названии средневекового селения, а затем города Касан. Объясняя значение термина Нахшаб, исследователи предполагали, что он означает "светящийся" или "полнолунный". Однако связь названий Никшапа и Нахшаб с рекой, видимо, является более предпочтительной. Все это подтверждается также географией области и топографией ее центрального города.

Но вернемся к событиям, связанным с восстанием согдийцев под руководством Спитамана.

Действия Спитамана до зимы 329/328 г. до н.э. можно представить в следующей последовательности: осада Мараканды — отступление в степные районы бассейна Заравшана — разгром подразделений Фарнуха — осада Мараканды — отход к Ксениппе в низовьях Кашкадарьи — отступление в пустыню низовий Заравшана. Все это еще раз свидетельствует о том, что борьба восставших согдийцев под руководством Спитамана происходила в наиболее густонаселенных районах Согда, граничивших с территориями расселения кочевых племен.

Горные районы в то время были малонаселенными. В верховьях Заравшана, Кашкадарьи либо в горных ущельях

других рек, обращенных к равнине Кашкадарьи и Сурхана, еще не удалось обнаружить стационарных поселений V—IV вв. до н.э., хотя здесь, по данным античных авторов, находились убежища-скалы, покоренные Александром Македонским в 327 г. до н.э.

Таким образом, если принять в рассмотренном тексте Арриана термин "царский город" Согдианы, то по последовательности событий, связанных с восстанием Спитамана, с этим городом можно сопоставить Еркурган. Но и независимо от вариантов интерпретации указанного абзаца Арриана, по археологическим данным на территории Согда выделяются четыре крупных центра: Афрасиаб, Коктепа, Узункыр и Еркурган. Вопрос о "второй столице" Согдианы, поднятый исследователями еще в прошлом веке, не отпадает, а, напротив, в свете новейших археологических открытий имеет конкретно-историческую основу для дальнейшего изучения.

Во время похода в долине Заравшана, по словам Диодора, было убито 120 тыс. согдийцев. Упорное сопротивление греко-македонцам оказали и жители области Уструшана, особенно в горах между Маракандой и Кирополем. Александр Македонский жестоко расправился с местным населением и истребил 22 тыс. человек.

В походе к берегам Сырдарьи большие потери понесла и армия греко-македонцев, в частности, под стенами Кирополя. Это был один из центральных городов Уструшаны, основанных еще в VI в. до н.э.

Вопрос о локализации Кирополя вызвал оживленную дискуссию среди исследователей. Многие историки и востоковеды связывали Кирополь с Ура-Тюбе. Интересно, что в 20 км к северо-западу от Ура-Тюбе археологи открыли крупное городище VI—IV вв. до н.э. — Нуртепа. Археологический материал Нуртепа (станковая керамика, орудия труда, бронзовые наконечники стрел) имеет аналогии в согдийских комплексах из Афрасиаба, Узункыра и Еркургана. В планировке Нуртепа отражены многие черты крупного городского поселения (оборонительные стены, ров, цита-

дель, обширная жилая часть). Скорее всего, именно здесь находился Кирополь.

Видимо Кирополь был основан согдийцами, которые уже в VI—V вв. до н.э. осваивали новые земли в Присырдарьинском бассейне. Причем согдийская колонизация в восточном направлении продолжалась и в последующие века. И уже в раннесредневековый период (V—VIII вв.) достаточно четко проявится, как далеко в данном направлении, включая Семиречье и Восточный Туркестан, распространятся культура, язык и письменность Согда.

Как сообщают античные авторы, Александр Македонский построил в Средней Азии 8—12 городов, названных его именем (Александрия на Оксе, Александрия Эсхата, Александрия Маргианская и т.д.). Одни из них были основаны на месте разрушенных согдийских и бактрийских городов, другие созданы как новые опорные пункты. В таких городах располагались пехота и конница греко-македонцев, ряды которых, начиная с 325 г. до н.э., стали пополняться за счет юношей — персов, бактрийцев, согдийцев, вооруженных по македонскому образу.

ВОСТОЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Древнегреческие историки считали, что Троянская война положила начало вражде Запада и Востока. Соперничество особенно усилилось, когда в Азии образовалась Персидская держава и ахеменидские цари поставили цель завоевать Европу. Поэтому, по мнению античных авторов, поход Александра Македонского в Азию был закономерным продолжением противоборства народов двух континентов. И не только в военном плане.

Многие эллины не сомневались в том, что их культура, мировоззрение и демократические традиции были намного выше культуры, а также общественных и политических устоев варваров. Персидское царство держалось на автократии, созвучной деспотии и тирании или форме правления,

при которой вся власть сосредоточивалась в руках одного лица, в данном случае Дария III.

И если в греческих городах Малой Азии участники анабасиса не увидели ничего нового (здесь все было как в Элладе), то походы в Финикию, Египет и Месопотамию изменили их традиционные представления о Востоке. Уровень градостроительства, архитектуры и ремесленного производства, но самое поразительное — образованности, здесь оказался весьма высоким. К тому времени эллины еще не имели никаких представлений о том, что знаменитый греческий алфавит был создан на основе финикийского алфавита. Завоевателей Азии поразило и то, что египтяне и вавилоняне почитали множество богов. Практически тех же, которые пребывали на священной горе Олимп, хотя и называли их иначе, чем эллины.

Геродот — один из первых греков, обративших на это внимание, писал, что египтяне "были первыми, кто стал воздвигать богам алтари, статуи и храмы".

И уже после окончания войны завоеватели, оставшиеся в разных странах Азии, стали заниматься здесь делами мирскими — строительством и ремеслом, что было жизненно необходимым.

В новых условиях, в иной этнической среде при ином образе жизни пришельцы постепенно забывали об идее этнической избранности и культурного превосходства над азиатами, на земле которых они проживали. Вкус теплого хлеба, выращенного на этой земле, был одинаковым для всех, как и вкус воды, дававшей жизнь полям и всему живому.

Но пройдет время и наследники некогда покорителей и покоренных, вспоминая о героическом прошлом и войнах минувших веков, начнут воевать друг с другом.

События повторяются. Человек часто забывает простую истину о том, что прошлое сохраняется в настоящем. Видимо не случайно поэтому старец и младенец похожи друг на друга. Они слишком много спят и мирно улыбаются во сне. Один спит от бессилия, а другой, набирая силы. Младенец

еще не подозревает, что станет старцем, а старец уже не ведает о том, что стал младенцем.

Но вернемся в эпоху тех, кому досталось восточное наследство.

После завоевания Персидской державы Александру Македонскому, а затем его полководцам — царям новых государств пришлось заниматься тем, чем они никогда не занимались в Македонии. На Востоке, чтобы получать обильные сельскохозяйственные урожаи, необходимо было поддержание оросительной системы, освоение плодородных целинных земель и создание новых ирригационных сооружений. В Азии функционировали различные пути транзитного сообщения и торговли. Они вели от портов Средиземного моря в Месопотамию, Иран, Бактрию и Индию. За Согдианой эти пути разбегались на север и восток, теряясь в пустынях и высочайших горах, в неведомых краях (у эллинов тогда не было никаких представлений о Китае, Сибири, Урале, о них знали лишь кочевые племена, обитавшие на огромной территории от Северного Причерноморья и Поволжья до Южной Сибири и Монголии). Македонцы не собирались вторгаться в бесконечные просторы Азии.

От состояния дорог зависели торговля и почтовая служба. Дороги использовались также в военных целях. И чтобы оседлое население не грабили воинственные кочевники, на границах земледельческих оазисов надо было строить крепости и содержать военные отряды.

На Востоке Александр Македонский не забыл богов Олимпа. Вместе с тем у него появился интерес к восточным культам и верованиям. Царь македонцев стал уважительно относиться к священному огню. После окончания военных походов в честь незабываемых великих побед армии Александр приказал зажечь священные огни в Вавилоне, Сузах и Экбатане. Эти огни должны были гореть вечно...

Этнические и культурные контрасты Ахеменидской державы, сосуществование здесь различных религий, традиций и обычаев оказали большое влияние на взгляды Александра Македонского. Вначале похода на Восток царь придер-

живался общеэллинских взглядов — "война отмщения персам" и призывов типа "перенесем счастье Азии к себе", "возвратим статуи эллинских богов" (вывезенных Ксерксом в Персию), т.е. локальных идей, которые обосновывали необходимость объявления войны персам и похода в Азию. И чем дальше армия шла на Восток, тем больше Александр думал о создании нового мирового государства.

Царю казалось, что ничего лучшего, чем персидская система государственного правления, придумать было нельзя. Его поразило, что в разных областях и городах Персидского царства наблюдалась довольно пестрая этническая картина, смешанное проживание разных народов. Если в Египте кроме коренного населения жили греки, финикийцы, иудеи, персы, хорезмийцы, то в Вавилоне — персы, мидийцы, индийцы, египтяне и саки. Это были воины, строители, ремесленники, а также люди, проданные в рабство. В Месопотамии находились военные колонии, населенные армянами, арабами и финикийцами. Но более всего Александра удивила встреча с потомками греков из Милета в далекой Бактрии. Царя поразило также, что на Востоке чужеземцы одновременно поклонялись и своим, и местным богам.

Еще со времен Дария I на территории Ирана проживало много чужеземцев. Особенно охотно персидские цари пользовались услугами греческих полководцев и воинов-наемников, а также строителей, скульпторов, врачей и мореходов. Некоторые известные греки, преследуемые у себя на родине политическими противниками, находили убежище при дворе персидских царей.

В этом отношении показательна судьба знаменитого эллина Фемистокла — афинского государственного деятеля и полководца периода греко-персидских войн. Он был инициатором создания мощного военно-морского флота общей численностью 200 боевых кораблей — триэр. Под руководством Фемистокла афинский флот одержал убедительную победу над персами в морской битве при Саламине (480 г. до н.э.). Девять лет спустя афинские аристократы обвинили Фемистокла в дружбе с персами. Преследуемый про-

тивниками, знаменитый полководец вынужден был скитаться в Македонии и Малой Азии, пока не нашел приют во дворе царя Артаксеркса I. Здесь он женился на персиянке и обзавелся семьей.

Многие греки изучали язык и письмо персов, в том числе Фемистокл, спартанский царь Демарт — приближенный царя Ксеркса, Ктесий Книдский — автор исторического труда "Персика". Все они свободно говорили по-персидски. Немало было и персов, говоривших по-эллинически. Курций Руф пишет, что Дарий III говорил по-гречески и общался со своими наемниками — воинами из числа эллинов без помощи переводчика. Источники не сохранили сведений о познаниях Александра Македонского восточных языков. Впрочем, в этом не было особой необходимости, царь располагал большим числом переводчиков.

Таким образом, Ахеменидская держава представляла собой пример огромного полиэтнического государства. Им управляли персы, язык государственной канцелярии был арамейский, широко использовались также персидская, эламская и вавилонская письменности. Основу армии составляли "воины всех стран", развитию экономики и торговли способствовали десятки народов, во многих краях проявлялся синтез разных культурных традиций. Но все это держалось на жесткой системе военно-административного управления, на идее обожествления царя и беспрекословного подчинения неограниченной царской власти.

Александр Македонский практически сохранил на Востоке ахеменидскую систему государственного управления — военно-административные округа типа персидских сатрапий. Так легче было управлять, вести делопроизводство, собирать налоги и держать население в повиновении. И хотя одной из причин походов греко-македонцев в Азию считалась война отмщения персам, Александр сохранил уважительное отношение к основателю Персидской державы Киру II. Дважды Александр Македонский посещал гробницу Кира в Пасаргадах — в 330 г. до н.э. и после завершения Индийского похода — в 325 г. до н.э.

На подступах к Согдиане, где-то в Бактрии, у Александра окончательно созрела мысль о необходимости объединения Запада и Востока в политическом, культурном и этническом плане. Его брак с Роксаной и затем с дочерью Дария III, массовая свадьба в Сузах, где полководцы и тысячи солдат армии женились на невестах из Согдианы и Бактрии, Арии, Персиды и Мидии, явились началом практической реализации грандиозных замыслов царя. В этом ряду стоит и реорганизация армии, формирование новых подразделений за счет набора воинов из местных народов. В отборную конную гвардию — агему зачислили сыновей Артабаза, Фратаферна, а также сына Оксиарта — Итана, брата Роксаны. Арриан пишет, что "всем дали вместо варварских метательных копий македонские копья".

Один из исследователей, считая Александра Македонского наследником персидских царей, назвал его "последним Ахеменидом". В какой-то мере он был прав. Вступая в брак со старшей дочерью Дария III, Александр, возможно, думал связать свой род с древней династией Ахеменидов. Эта мысль, видимо, исходила из идеи примирения с персами и идеи новой государственности, основанной на родственных узах, слиянии македонской и восточной знати. В 324 г. до н.э. число восточных жен Александра увеличилось до трех. Царь всячески поощрял браки своих соратников и полководцев с девушками из знатных восточных семей. Так, Гефестион женился на младшей дочери Дария III. Теперь с Александром его связывали не только дружба, но и жены — дочери персидского царя. Дети Александра и Гефестиона должны были стать ближайшими родственниками по материнской линии. Супругами македонских полководцев стали племянницы Дария, дочери Артабаза и дочь Спитамана. Последнее обстоятельство было связано с тем, что Александр уважал Спитамана как достойного соперника, но гораздо больше после его гибели, как представителя древнего согдийского рода. Даже в этом случае царь воспользовался лаврами побед.

Назначение Артабаза, Фратаферна и Оксиарта на должность сатрапов важных в экономическом отношении областей, также свидетельствовало о начале укрепления связей с Востоком.

Символичным было посещение Александром Македонским в 325 г. до н.э. гробницы Кира в Пасаргадах. Вступая в город, Александр, словно Кир, Дарий I и Ксеркс, одаривал каждую встречную женщину монетой. Александр терпимо относился к религии персов и восхищался некоторыми обычаями их царей.

В царском дворце в Сузах и Вавилоне Александр восседал на золотом троне. По сторонам приемного зала, как "бесмертные" воины ахеменидских царей, стояла стража — тысяча персидских лучников и македонских копьеносцев. Царский трон окружали приближенные и многочисленные слуги.

Словно персидский царь царей, которого не должны были видеть простые смертные, Александр стал избегать общества. Он искал уединения или развлечений, часто в окружении наложниц и танцовщиц. Александр довольствовался всем тем, что он имел.

Царская сокровищница находилась в Вавилоне, однако как и у персов, в новом государстве не было одной столицы. Зимой Александр проводил в Вавилоне, весной царский двор перемещался в Сузы, а летом — в Экбатаны. И лишь Персеполь, разрушенный и разграбленный македонцами, потерял значение бывшего столичного города. До конца жизни Александр глубоко сожалел по поводу разрушения Персеполя. Величественный царский город лежал в скорбных руинах, над которыми кружили стаи черных стервятников.

Если в Бактрии Александр думал о необходимости слияния народов, то во время возвращения из Индии в пустыне Гедросии¹ у него возникла фантастическая идея о том, чтобы каждый человек считал своей родиной не только землю,

---

¹ Область на юге современного Пакистана и юго-востока Ирана, прилегающая к Аравийскому морю.

где он проживал, но и всю ойкумену, чтобы взгляды и образ жизни людей, как говорил Плутарх, смешались "в кубке всеобъемлющей любви". Возможно, на царя подействовали страшная жара и жажда, огромные барханы песка, которым не было конца и края. Воины умирали от недостатка воды, укусов змей и ядовитых ползучих насекомых.

Даже при переходе через суровый холодный Гиндукуш армия не лишилась столько воинов, как в бесконечной пустыне Гедросии. И так же, как несколько лет назад в горах Гиндукуша, Александр делил с воинами все трудности похода через коварную пустыню. Воды на всех не хватало, и когда царю принесли последнюю чашу бесценной влаги, он, к изумлению всей армии, вылил ее на песок. Это подняло дух воинов, и они наконец дошли до плодородного земледельческого оазиса персов. Ликованию македонцев не было предела, казалось, что они прибыли в родные места.

Здесь Александр вновь вернулся к своей неосуществимой идее строительства всемирной державы, основанной на фундаменте неограниченной царской власти и военной силы. В этом плане она ничем не отличалась от целей и задач знаменитых восточных деспотов — предшественников Александра Македонского.

Идея слияния народов и создания мировой державы так и осталась миражом, который македонцы ежедневно видели в огромной пустыне Гедросии в виде холодных ручьев, голубой реки и тенистого сада, зеленых лугов, цветущей земли и всего того, чего не хватает пустыне, через которую шли люди в прошлом и идут в настоящем...

В 312 г. до н.э. Бактрия и Согдиана войдут в состав державы Селевка. В 293 г. до н.э. соправителем отдельных восточных областей Селевк назначит своего сына Антиоха, рожденного от брака Селевка с Апамой, дочерью Спитамена. Имя Апама стало широко известным на Востоке. В честь нее был назван древний город, руины которого расположены на территории Сирии. По материнской линии для Антиоха Средняя Азия являлась землей его предков. Причем имя и род его деда — отца Апама были одними из древнейших

в Бактрии и Согдиане. Спитама — это и родовое имя Заратуштры, основателя одной из древнейших религий Среднего Востока — зороастризма. Согдийское имя Спитамана восходит к более древнему авестийскому Спэнта-Мана (Спэнта Манью — Святой Дух).

Большинство ученых склоняется к тому, что пророк Заратуштра (по-древнегречески — Зороастр) — не мифическая личность, а реально существовавший человек. Веру Зороастра одними из первых приняли бактрийский царь Кави-Виштаспа, царица Хутоаса и их родственники. Это, видимо, произошло в VII—VI вв. до н.э. — в период становления крупного древнебактрийского государства.

Конечно, трудно утверждать, что Спитаман был потомком Зороастра, хотя близость их родового имени обращает на себя внимание. Удивительно перекликаются последние дни жизни Зороастра и Спитамана. Зороастр, согласно легенде, был предательски заколот в спину кинжалом в то время, когда он читал молитву, возможно, эту, одну из древнейших, отраженную в Авесте:

*И не было в том царстве
Ни холода, ни зноя,
Ни старости, ни смерти,
Ни зависти зловредной...¹*

Мы знаем, что на Спитамана также предательски напали и отрубили ему голову.

Учение Заратуштры — Зороастра со временем станет официальной религией мощных государств Востока — Парфянского и Сасанидского, а Спитаман навечно войдет в историю как борец за свободу земли его предков.

Знал ли обо всем этом Антиох — внук Спитамана? Не исключено, что в детстве он слушал рассказы матери и отца о войнах в Согдиане. Но скорее всего принадлежность Антиоха в какой-то степени и к роду Спитамана едва ли

---

¹ Перевод с авестийского И.М. Стеблин-Каменского.

волновала молодого полководца. Ему пришлось подавлять многочисленные антиселевкидские восстания, строить новые фортификационные сооружения, такие, например, как гигантская стена в Маргиане, чеканить монеты от имени отца и его наместника Антиоха. И, наконец, в 280 г. до н.э. после смерти Селевка Антиох становится во главе огромного государства. Царствует он около 20 лет.

В середине III в. до н.э. от Селевкидов отделяется Бактрия. Как сообщает античный автор, "... Диодот, правитель тысячи бактрийских городов, приказал именовать себя царем". Так начинается история Греко-Бактрийского царства, соперником которого становится Парфия, также отделившаяся от государства Селевкидов. Постепенно в Согдиане, Бактрии и Маргиане нормализуется жизнь: возникают новые поселения и города, интенсивно развиваются торговля, сельское хозяйство и ремесло. Крупнейшими культурными центрами становятся города Бактры, Мараканда, Антиохия Маргианская, городище на месте Термеза, а также город Ай-Ханум у слияния рек Пяндж и Кокча, в строительстве и архитектуре которого проявился синтез эллинистических и местных традиций.

Ай-Ханум был сооружен греками и бактрийцами по планировочной схеме эллинистического города. Камень, жженный и сырцовый кирпичи нашли здесь самое разное применение в фортификации, жилой и культовой архитектуре. При раскопках древнего города найдены эллинистические керамика, скульптура, оружие и монеты.

Когда-то Александр думал о слиянии народов, но они остались независимыми, хотя многое перенимали друг у друга в плане хозяйственных и культурных достижений. Классические греческие и греко-бактрийские скульптуры, изделия из слоновой кости, металлические фигурки, монеты и другие предметы найдены в храме Окса в городище Тахти-Сангин на юге Таджикистана. Одной из значительных находок является рельефное изображение Александра Македонского в львином шлеме Геракла.

Восточные походы Александра Македонского в конечном итоге привели к тесным торгово-экономическим связям и к более широкому культурному обмену между Западом и Востоком. Уже после смерти Александра и его ближайших полководцев проявятся результаты взаимодействия греческой и бактрийской культур. В Бактрии распространяются греческое письмо, система веса и единиц денежного обращения, ремесленные изделия и предметы искусства. Вместе с тем греки, оставшиеся в Бактрии, Парфии и Маргиане, переняли местные традиции строительства, архитектуры и ремесла; синтезируются древние местные культы с религиозными представлениями греков и образами античной мифологии. Новый импульс получают материальная и художественная культура, торговля и градостроительство. Традиции и новшества проявляются в социально-экономическом и общественно-политическом процессе. Однако все это — тема отдельная.

События далекого прошлого хранят немало тайн. Письменные источники и различные предания, дошедшие из глубины веков, не дают ответов на многие вопросы, связанные не только с жизнью и деятельностью Александра Македонского, который стремился дойти до границ ойкумены и завоевать весь мир, но и тех, кто боролся с ним. Эти вопросы возникали в прошлом и, видимо, не потеряют своего значения в настоящем и будущем, пока окончательно не рассеются все тайны. Но это маловероятно. Нет конца загадкам истории, и человек, обращаясь к ее урокам, словно ребенок, познающий мир, будет задавать все новые и новые вопросы и пытаться ответить на них, пока продолжается жизнь.

... Там были горы, а над ними — белые облака в холодной синеве, а что дальше неба? Никто не знал и не рассказывал. Безмолвны небесные странники — звезды. Безграничны пространства далеких миров. Бесконечны дороги истории...

ЛИТЕРАТУРА

- Авеста* / Пер. И.М. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.
- Арриан. Поход Александра* / Пер. М.Е. Сергеенко. М. - Л., 1962.
- Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Геродот.* История. В девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
- Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского / Под ред. В.С. Соколова. М., 1963.
- Кун Н.А.* Легенды и мифы древней Греции. Алма-Ата, 1985.
- Пидаев Ш.Р.* К вопросу о локализации Александрии на Оксе // История материальной культуры Узбекистана. № 28. Ташкент, 1992.
- Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
- Пьянков И.В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
- Пьянков И.В.* Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
- Ртвеладзе Э.В.* Ксениппа-Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
- Ртвеладзе Э.В.* Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.

Сагдуллаев А.С. О второй столице Согдианы // Советская археология. 1988, № 4.

Сагдуллаев А.С. Огненные стрелы. Ташкент, 1993.

Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.

Тревер К.В. Александр Македонский в Согде // Вопросы истории. 1947, № 5.

Уилер М. Пламя над Персеполем. М., 1972.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (об авторе)	3
От автора	7
Рождение бога войны	14
К границам ойкумены	28
Паропамис-Гиндукуш	45
Переправа через Окс	54
Историческая справка	64
Бег	71
Воины Александра	83
Засада	98
Согдийцы	107
Зима	119
Непокоренные	131
Когда умирает мечта	140
По следам Александра Македонского	162
Восточное наследство	177
Литература	188

Анатолий Сагдуллаев

**ПОХОД АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
В СОГДИАНУ**

научно-популярная литература

Редактор *И. Богодарова*
Художественный редактор *Х. Мехмонов*
Технический редактор *Т. Харитонова*
Компьютерная верстка *Л. Абкеримова*

Подписано в печать 08.10.2009. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура Антиква. Печать офсетная. Усл.печ.л. 10,08.
Уч.-изд.л. 9,98. Тираж 3000. Заказ № 09-216.
Цена договорная.

Издательско-полиграфический творческий дом
«Узбекистан» Узбекского агентства
по печати и информации.
100129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Сагдуллаев, Анатолий Сагдуллаевич.

С 13 Поход Александра Македонского в Согдиану / А.С. Сагдуллаев. — Ташкент: Узбекистан, 2009. — 192 с.

ISBN 978-9943-01-370-4

ББК 63.3(0)